

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сухих В.А., д.экон.н. (гл. редактор)

Красильников Д.Г., д.полит.н., доц. (зам. гл. редактора)

Троицкая Е.А., к.полит.н. (отв. редактор)

Антипова Т.В., д.экон.н., *Блусь П.И.*, к.геогр.н., *Будалин Е.П.*,

к.юрид.н., *Булахтин М.А.*, д.ист.н., *Зуева Е.Л.*, к.экон.н.,

доц., *Мохов В.П.*, д.ист.н., проф., *Новикова К.В.*,

д.экон.н., доц., *Перский Ю.К.*, д.экон.н., проф.,

Прудский В.Г., д.экон.н., проф., *Пыткин А.Н.*, д.экон.н., проф.,

Суслов М.Г., д.ист.н., проф.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алтухов А.И., академик РАН, д.экон.н., проф., зав. отделом ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва

Анимица Е.Г., д.геогр.н., проф., зав. кафедрой региональной и муниципальной экономики ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург

Запольский С.В., д.юрид.н., проф., зав. сектором административного права ФГБУН «Институт государства и права РАН», Москва

Ирхин Ю.В., д.филос.н., проф. кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации», проф. кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Красильников Д.Г., д.полит.н., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь

Мельник М.В., д.экон.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры «Аудит и контроль» ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва

Силин Я.П., д.экон.н., заместитель председателя Правительства Свердловской области, Екатеринбург

Сухих В.А., д.экон.н., председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь

Татаркин А.И., академик РАН, д.экон.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, директор Института экономики УрО РАН, Екатеринбург

Шляхта Б., д.юрид.н., проф., декан факультета международных и политических наук Ягеллонского университета в Кракове, Польша

Щерский К., проф., профессор кафедры современных политических систем Института политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, член Парламентской ассамблеи Совета Европы, Польша

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-44084 от 04.03.2011 г. Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-53170 от 14.03.2013 г.

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Территория распространения –
Российская Федерация,
зарубежные страны

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 41047.

Адрес редакционной коллегии
614990, Россия, г. Пермь,
ул. Букирева, 15

Тел. (342) 239-68-30
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University.

The journal is devoted to the problems of theory, history and practice of public administration.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Anatoly I. Altukhov, member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of department of the Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow

Evgeny G. Animitsa, Doctor of Geography, Professor, Head of department of Regional and municipal economy of Ural State Economic University, Yekaterinburg

Yury V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor of department of Political science of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of department of Theoretical and applied political science of Russian State University for the Humanities, Moscow

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Vice-rector for strategic development, economy and law issues, Head of department of State and municipal government of Perm State University, Chairman of the Civic Chamber of Perm Krai, Perm

Margarita V. Melnik, Doctor of Economics, Professor, Honored scientist of Russia, Professor of department of Audit and control of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Dean of faculty of International and political studies of the Jagiellonian University in Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Deputy Prime Minister of Sverdlovsk Oblast, Ekaterinburg

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of Legislative Assembly of Perm Krai, Perm

Ksystof Szczerski, Doctor of Political Science, Professor of department of Modern political systems at institute of Political science and international relations, the Jagiellonian University in Krakow, PACE member, Poland

Alexander I. Tatarkin, member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honored scientist of Russia, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

Sergey V. Zapolsky, Doctor of Law, Professor, Head of department of Financial law of Russia Academy of Justice, Moscow

EDITORIAL BOARD

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Legislative Assembly of Perm Krai – **Head Editor**

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Associate Professor, Perm State University – **Deputy Head Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, PhD (Political Science), Perm State University – **Editor-in-Chief**

Tatyana V. Antipova, Doctor of Economics, Perm State University

Pavel I. Blus, PhD (Geography), Perm State University

Evgeny P. Budalin, PhD (Law), West-Ural Institute of Legal Studies

Maksim A. Bulakhtin, Doctor of History, Perm State University

Viktor P. Mokhov, Doctor of History, Professor, State National Research Politechnical University of Perm

Kseniya V. Novikova, Doctor of Economics, Associate Professor, Perm State University

Yury K. Persky, Doctor of Economics, Professor, State National Research Politechnical University of Perm

Vladimir G. Prudsky, Doctor of Economics, Professor, Perm State University

Aleksandr N. Pytkin, Doctor of Economics, Professor, Perm Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Mikhail G. Suslov, Doctor of History, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Perm Branch)

Elena L. Zueva, PhD (Economics), Associate Professor, Higher School of Economics (Perm Branch)

Journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science.

Published by department of State and municipal government of Perm State University.

Distributed in Russian Federation, foreign countries.

Subscription index in the common catalogue «Press of Russia» (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047.

Address of Editorial Board: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia.
Tel. +7(342)239-68-30. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Редакционная коллегия, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	
Анимица Е.Г., Денисова О.Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике	5
II. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ	
Якимова М.Н. Возможности и ограничения проектного подхода в контексте реализации нового государственного менеджмента	16
III. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	
Ковалева Т.Ю., Балеевских В.Г. Моделирование образовательных кластеров в целях определения направлений государственной политики развития региона (на примере Пермского края)	28
Солдатова А.С., Ширманов Е.В. Соотношение общенационального, этнического и регионального в идентичности жителей Мордовии (по материалам прикладного исследования)	51
IV. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ	
Ганин О.Б., Ганин И.О. Экономическая безопасность муниципалитета: генезис, сущность и содержание понятия	61
Мухаметов Р.С. Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне.	85
Лядова А.А., Меркушев С.А. Роль музыкальной составляющей культурных инноваций в функциональной трансформации муниципальных образований	95
V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Ирхин Ю.В. Управленческий и проектный потенциал мегатенденций общественного развития Китая и их значение для России.	113

Хугаева М.О. Актуальные проблемы межбюджетных отношений
в федеративном государстве: опыт Германии и России 126

VI. КАФЕДРА

Гергерт Д.В., Айзенштат О.М. Методические аспекты организации
управления портфелем научных проектов в вузе 132

От редакционной коллегии
(Памяти Юрия Калмановича Перского) 147

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 152

ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 332.13

Е.Г. АНИМИЦА, заслуженный деятель науки РФ, д.геогр.н., профессор,
заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и
управления

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Электронный адрес: rime@usue.ru

О.Ю. ДЕНИСОВА, аспирант, ассистент кафедры региональной,
муниципальной экономики и управления

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Электронный адрес: trtskmius17@mail.ru

ОТ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Развитие и размещение экономической деятельности в национальном пространстве в настоящее время превратились в один из популярных объектов исследования в общественных науках. Поскольку территориальный фактор экономической деятельности для России с ее огромными пространствами и чрезвычайно контрастными условиями жизнедеятельности практически всегда имел первостепенное значение, то понятно, почему именно в этом направлении работают экономисты, географы, социологи, историки, политологи и представители других

наук, что свидетельствует, с одной стороны, о чрезвычайно большой «научной емкости» данного объекта, а с другой – о недостаточной степени его изученности. Можно согласиться с мнением Президента Римского клуба А. Печчи, который писал, что «люди весьма редко достаточно четко представляют

В статье акцентируется внимание на теоретические аспекты развития и размещения производительных сил и региональной экономики. Рассматриваются основные причины зарождения региональной экономики как экономической науки и ее противоречивые взаимоотношения с экономической географией по поводу размещения производства в качестве общего предмета исследования. Дается современная трактовка содержания предмета региональной экономики.

Ключевые слова: производительные силы; размещение производительных сил; экономическое пространство; регион; региональная экономика

смысл употребляемых ими же самими понятий и терминов, надо ли говорить, насколько неадекватно воспринимают они язык других» [17, с. 181].

Известно, что *предмет* исследования в любой науке – это существенные стороны (аспекты, взгляды), свойства, качества и отношения реального объекта, которые изучает данная наука и особенно важные для решения теоретических и практических задач.

Содержание – это все то, что находится в составе данного реального объекта, т.е. все его составные элементы (компоненты, блоки, части), основные признаки и функции. В наиболее обобщенном виде все содержание предмета дисциплины (науки) представлено в его общем определении.

Сущность предмета представляет собой лишь часть его содержания, но наиболее существенную, важную, определяющую, качественно отличающую данный предмет от всех других.

Исходя именно из этих концептуальных установок мы будем говорить о понятиях «производительные силы», «размещение производительных сил» и «региональная экономика» в контексте географических и экономических наук.

В небольшой статье трудно привести развернутую аргументацию замысла исследования противоречивого взаимодействия научных направлений, имеющих отношение к изучению размещения производительных сил и региональной экономики. Позволим себе остановиться только на принципиальных вопросах заявленной тематики этой публикации.

В централизованно-плановой экономике территориальный аспект хозяйствования рассматривался и реализовывался в контексте планового размещения производительных сил страны [19]. Вместе с тем в советской экономической литературе (да и в современной) так и не сформировалась единая теоретико-методологическая позиция по поводу определения содержания и структуры самих производительных сил как экономической категории. В большинстве экономических работ под производительными силами понималась система: совокупный работник (рабочая сила, субъективный компонент) и средства производства (вещественный, технический, объективный компонент), создающая при определенных экономических отношениях все блага жизни [22, с. 5]. При этом некоторые ученые считают, что «производительные силы – это совокупность всех компонентов, непосредственно участвующих в создании материальных благ», причем «производительные силы не могут входить в состав экономики, поскольку они представляют собой совокупность технологических, а не экономических (чисто общественных) отношений» [29, с. 6, 10].

Исследования процессов размещения производительных сил (даже в различных их трактовках) отличаются высокой сложностью, ибо они предстают в общественном сознании не как единожды сформированная и застывшая система упорядоченных элементов, а как система элементов, постоянно и непрерывно изменяющихся во времени и пространстве.

Одна из методологических сложностей связана с содержанием понятия «размещение производительных сил», поскольку оно имеет двойственный смысл. С одной стороны, это процесс конкретного *распределения* определен-

ным образом организованных производительных сил по территории с учетом ее природно-географических, экономических, этнографических, геополитических и иных условий и факторов. Причем в этом случае акцент делается на анализе взаимодействия между компонентами производительных сил, интегрированными в соответствующие предприятия или различные виды хозяйственной деятельности и компонентами внешней среды, или иначе факторами, которые прямо или косвенно влияют на процессы размещения. С другой стороны, размещение производительных сил рассматривается с позиций объяснения причин и условий выбора *местоположения* в пространстве конкретным объектом хозяйственной деятельности, обоснования рационального, оптимального размещения предприятий разных отраслей на некой территории. Эти две стороны размещения производительных сил тесно взаимосвязаны, но если при первом подходе распределение производительных сил обосновывалось наличием или отсутствием на территории соответствующих факторов производства, то при втором подходе оцениваются необходимые и достаточные условия для возникновения и эффективного развития разных конкретных видов производственной деятельности на территории.

Теоретические аспекты размещения производительных сил предопределяли необходимость разработки закономерностей и принципов размещения, оценку многочисленных взаимосвязанных факторов, выявление особенностей и тенденций в размещении производства, обусловленные системой социально-экономических отношений, научно-техническим прогрессом, требованиями экономической рациональности. Глубокое исследование вопросов размещения производительных сил, кроме теоретического основания, требовало и соответствующего эмпирического обеспечения.

Известно, что вопросы размещения производства составили предмет рассмотрения экономической науки еще в начале XIX века. Начало формированию теории размещения производства положили классические работы немецких ученых И. фон Тюнена [28], В. Лаунхардта [34], А. Вебера [5]. Основные идеи этих ученых, и в первую очередь три основных фактора размещения производства – транспортный, трудовой и агломерационный, были использованы в практике плановых работ по размещению производительных сил в СССР в 1920-е гг. Производительные силы формировались и размещались под флагом советской индустриализации. В условиях жестко централизованного планирования в СССР и тотальной государственной собственности на средства производства размещение производительных сил осуществлялось и контролировалось структурами государственной и политической власти [19].

Производительные силы в различных своих сочетаниях и комбинациях привязывались и сосредотачивались в пределах определенных географических ареалов, на конкретных территориях. В СССР формировались огромные по своим масштабам территориально-производственные комплексы, которые представляли собой одну из основных форм пространственной организации социалистических производительных сил [2]. Они по существу вполне соответствовали теории А. Вебера об эффективной концентрации производства и концепции А. Леша о сочетании различных факторов («ориентаций»), в первую очередь экономических, влияющих на размещение производства [11].

В России вопросы размещения производства активно исследовались в основном представителями экономико-географической науки, а также экономистами по размещению отдельных отраслей народного хозяйства, территориальному планированию и управлению народным хозяйством. Еще в 1955 г. на II съезде Географического общества СССР было определено содержание экономической географии как общественной науки, изучающей «закономерности географического размещения производства» [24, с. 99]. Известный отечественный экономико-географ Ю.Г. Саушкин писал, что экономическая география «изучает в историческом и территориальном аспекте жизнь общества, обращая главное внимание на территориальную организацию общественных производительных сил» [26, с. 12]. А.Е. Пробст, один из крупнейших ученых в области размещения промышленности, отмечал, что предметом «территориального планирования в СССР являются не отдельные, изолированно рассматриваемые предприятия, а территориальная организация всего общественного производства в целом». [20, с. 12]. Как подчеркивал В.Ф. Павленко, территориальный аспект планирования охватывал «планирование размещения производительных сил и предприятий» [16, с. 7].

В некоторых университетах и экономических институтах, в том числе и в Уральском государственном экономическом университете, функционировала кафедра «Размещение производительных сил», а студентам читалась дисциплина «Размещение производительных сил». В Пермском государственном университете велся курс «Теоретические основы размещения производительных сил и экономика регионов», который являлся для экономических специальностей основным, а для географических – специальным (по выбору). Некоторые ученые, сообразуясь со сложившейся конъюнктурой, просто переписывали учебник «Экономическая география СССР» в «Размещение производительных сил» [23], тем самым фактически отождествляя экономическую географию как науку с размещением производительных сил.

Вместе с тем расширение масштабов экономической деятельности, усложнение ее отраслевой и территориальной структуры, умножение потребностей населения, формирование экономических систем разного уровня и многие другие процессы и явления уже нельзя было объяснить только развитием и размещением производительных сил.

В теоретических выкладках размещения производительных сил стали проявляться сюжеты и факты институциональной, социокультурной и социально-экономической направленности. Возникла необходимость дополнить объект теории размещения прикладными методами регионального анализа, параметрами каждого отдельного региона. В общем, потребовалось формирование специальной новой науки, которая обеспечивала бы потребности общества не только в знаниях о размещении производительных сил, но и в теориях, моделях, концепциях о пространственных изменениях социально-экономических процессов, о региональном развитии. Подобной наукой и должна была стать региональная экономика.

Уместно напомнить, что возникновение в нашей стране науки региональной экономики инициировало и активное формирование за рубежом региональной науки. Это понятие предложил в первой половине 1950-х гг.

американский экономист Уолтер Изард (Айзард), создавший в Пенсильванском университете вместо кафедры географии кафедру региональной науки, которая сосредоточила свое внимание на пространственных измерениях различных структур и функций человеческой деятельности. В 1966 году в СССР была издана и переведена на русский язык его монография, в которой Изард облекает теорию размещения производства в более общую экономическую форму, адаптирует методы макроэкономики для исследования регионов, разрабатывает модели пространственного равновесия и т.п. [7]

В нашей стране возникновение и конструирование региональной экономики как автономной формы познания в экономической науке относится к середине 1970-х гг., когда одна за другой были опубликованы четыре фундаментальные работы академика Н.Н. Некрасова [12–15].

На начальных этапах своего формирования региональная экономика создавалась за счет трансляции концептуальных положений и эмпирических данных, заимствованных из других областей научного знания, и в первую очередь из экономической географии. Так, академик Н.Н. Некрасов считал, что «размещение производительных сил рассматривается как основа, главная составная часть региональной экономики» [12, с. 15]. Сходные мысли высказал и академик А.М. Румянцев, который писал: «Региональная экономика, опираясь на всю совокупность экономических знаний о производительных силах общества, направлена в будущее, определяя научную основу рациональной территориальной организации народного хозяйства страны [25, с.52]. В этих и в ряде других аналогичных формулировок в обобщенном виде определен предмет региональной экономики – производительные силы общества, участвующие в создании материальных благ, а сущностью предмета науки выступает процесс размещения производительных сил.

Термин «район», который традиционно использовался и до сих пор используется отечественной экономической географией, перекочевал в отечественную региональную экономику под термином «регион». И не случайно как раз в это время разгорелась жаркая дискуссия о «разделении труда» между экономической географией и региональной экономикой.

В публикациях ряда известных географов зарождение региональной экономики воспринималось как своего рода удар по экономической географии, предметом изучения которой издавна были размещение производительных сил, географическое (территориальное) разделение труда, развитие районов (регионов) [3; 8; 9; 21]. В результате дискуссии географы и экономисты не нашли существенных различий в предмете исследования экономической географии и региональной экономики. Не случайно известный ученый А.Е. Пробст предложил считать региональную экономику прикладной наукой в составе экономической географии [21]. В конструктивном плане по итогам дискуссии предлагалось считать обе науки родственными по предмету, задачам и методам исследования, но различающимися в частности, например по масштабу предмета (объекта) исследования (региональная экономика «работает» на локальном, региональном и межрегиональном уровнях, а экономическая география, кроме того, – на национальном, межнациональном и глобальном уровнях) [1, с. 91].

И в настоящее время географы и экономисты-регионалы не находят существенных различий в предметах исследования экономической географии и региональной экономики. Московские географы, представляющие научную школу Н.Н. Баранского – Ю.Г. Саушкина, видят предметом изучения экономической и социальной географии «закономерности и специфические особенности развития и территориальной организации производительных сил страны», а предметом (объектом) исследования региональной экономики – изучение и выявление «экономических нюансов территориального развития и размещения производительных сил» [4, с. 19–20]. О позитивных и негативных сторонах пересечения предмета исследований экономической географии и региональной экономики давно и предельно убедительно высказывались известные пермские географы – М.Д. Шарыгин и его коллеги [30]. Как справедливо пишет О.В. Кузнецова, «провести четкую границу между экономической географией и региональной экономикой практически невозможно» [10, с. 12]. Следует напомнить, что т.н. концепция «новой экономической географии», получившая широкую известность у специалистов благодаря прорывным работам П. Кругмана – Нобелевского лауреата по экономике 2008 г. – сформировалась как раз в результате интеграции традиционных теорий размещения производства, пространственных факторов национального и регионального экономического роста в системной увязке с вопросами международной торговли и агломерационного эффекта [18; 31–33].

Новый этап предметной эволюции региональной экономики связывается с признанием региона (макрорегиона) в качестве основного предмета исследования. Регион стал не только представлять собой «вместилище» элементов производительных сил, но и выступать в качестве сложной многофункциональной территориально-экономической системы, развитие которой базируется на четырех основных теоретических конструктах: регион – квазигосударство, регион – квазикорпорация, регион – рынок, регион – социум [6, с. 83]. В современных условиях главными составляющими предмета региональной экономики, наряду с размещением производительных сил, является, как отмечает академик А.Г. Гранберг, экономика отдельного региона, экономические связи между регионами, региональные системы, региональные аспекты экономической жизни [6, с. 14]. Внимание экономистов-регионалистов перемещается с традиционных теорий и моделей размещения производительных сил на региональный экономический рост, инвестиционную и инновационную деятельность, на инфраструктурную обеспеченность территории, формирование и функционирование региональных и локальных рынков товаров и услуг.

Региональная экономика существенно расширяет свое предметное поле, включая в его содержание исследование региональных и местных бюджетов, проблемы развития городских агломераций, кластеров, обладающих своим специфическим экономическим содержанием. Теории структуризации и эффективной организации экономического пространства региона связываются с теориями регионального воспроизводственного процесса, теориями и моделями региональной концентрации экономической деятельности, концепциями активизации потоков человеческих ресурсов, товаров, капитала, информации, знаний, ответственных за локализацию хозяйственной деятельности. Активно начала исследоваться вну-

тренняя территориально-отраслевая структура экономики региона, которая стала определяться во многом деятельностью корпораций, непосредственно влияющих на конкурентоспособность регионов, характер, масштаб и динамику развития их экономических компонентов. Стратегирование стало рассматриваться как один из важнейших компонентов государственного регулирования региональной экономики. В результате региональная экономика не только значительно расширила и углубила свое предметное поле, но и значительно усилила и разнообразила свою методологическую базу исследования. Теории, концепции и модели регионального развития, а также эмпирические знания, включаемые в состав региональной экономики, сформулировали представление о системной целостности и концептуальной организованности этой научной дисциплины. Признание этого факта зафиксировано и в новом паспорте специальностей ВАК (экономические науки).

Сегодня региональную экономику следует интерпретировать как сложноорганизованную развивающуюся научную дисциплину, предметом которой являются теории размещения производства; закономерности и особенности функционирования и развития различных типов пространственных социально-экономических систем в контексте теории регионального развития; экономическое пространство России как объект осмысления, переосмысления и обустройства; оценка совокупности взаимосвязанных и разнокачественных экономических, социальных, институциональных, инновационных, демографических, природных и иных факторов, сосредоточенных в определенных пространственных границах городов, муниципальных образований и регионов; региональная экономическая политика и управление экономикой региона. Предложенное определение предмета региональной экономики позволяет вовлечь в орбиту и сферу научных интересов данной науки не только корпорации и компании, различные типы предпринимательских структур, но и пространство местных рынков товаров и услуг, рабочей силы, знаний, инноваций, зоны инфраструктурного обслуживания, пространство различных населенных пунктов. В настоящее время в структуре региональной экономики формируются теоретические и методологические подходы, появляются новые научные направления, углубляющие специализацию исследований.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что сущность предмета региональной экономики можно кратко определить как пространственную (территориальную) организацию хозяйственной деятельности на межрегиональном, собственно региональном и внутрирегиональном (локальном) уровнях [27, с. 19]. Региональная экономика стала самостоятельной наукой, получившей признание в организации экономической науки, в системе высшего профессионального образования, перечне научных специальностей ВАК РФ.

Список литературы

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: актуальные вопросы развития науки // Изв. АН СССР. Сер.: География. 1980. № 4. С. 89–94.
2. *Бандман М.К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.

3. *Васютин В., Костенников В. и др.* Письмо в редакцию. О книге Н.Н. Некрасова // Плановое хозяйство. 1977. № 3.
4. *Введение* в экономическую географию и региональную экономику России / под ред. Е.Г. Плисецкого, 2-е изд. М: Владос, 2008. 550 с.
5. *Вебер А.* Теория размещения промышленности / пер. с нем. Н. Морозовой; под ред. Н.Н. Баранского. М.: Книга, 1926. 119 с.
6. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
7. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. В.М. Хомана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера; под ред. А.Е. Пробста. М.: Прогресс, 1966. 659 с.
8. *Константинов О.А.* Экономическая география и региональная экономика // Изв. ВГО. 1974. Вып. 6. С. 449–456.
9. *Кротов В.А.* Экономическая география и региональная экономика // Теорет. география. Материалы симп. по теорет. проблемам географии / отв. ред. А.М. Колодзиевский. Рига: Изд-во Латв. ун-та им. П. Стучки, 1973.
10. *Кузнецова О.В.* Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 304 с.
11. *Леш А.* Пространственная организация хозяйства / пер. с нем. М.: Наука, 2007. 663 с.
12. *Некрасов Н.Н.* Проблемы региональной экономики: лекция. М.: Мысль, 1974.
13. *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика (теория, проблемы, методы). М.: Экономика, 1975. 317 с.
14. *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика // Теорет. проблемы регион. экономики: материалы науч. конф. М.: СОПС, 1973.
15. *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. 2-е изд. М.: Экономика, 1978. 344 с.
16. *Павленко В.Ф.* Планирование территориального развития (территориальный аспект планирования). М.: Экономика, 1984. 267 с.
17. *Печчеи А.* Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой; общ. ред. Д.М. Гвишиани. 2-е изд. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
18. *Пилясов А.Н.* Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Изв. РАН. Сер.: География. 2011. №.4. С. 7–17.
19. *Планирование* размещения производительных сил СССР: в 2 ч. М.: Экономика, 1985. Ч. 1. 304 с.; 1986. Ч. 2. 384 с.
20. *Пробст А.Е.* Проблемы размещения социалистической промышленности. М.: Экономика, 1982. 216 с.
21. *Пробст А.Е.* Региональная экономика и экономическая география // Теорет. аспекты экон. географии. Л., 1975. С. 71–86.
22. *Производительные силы:* новый уровень развития. М.: Мысль, 1989. 207 с.
23. *Размещение* производительных сил / под ред. В.В. Кистанова, Н.В. Копылова. 3-е изд. М.: Экономика, 1994. 558 с.
24. *Резолюция* II съезда Географического общества СССР // Изв. ВГО. 1955. Т. 87, вып. 2.

25. Румянцев А.М. Важное направление в экономических исследованиях // Коммунист. 1976. № 1.
26. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
27. Татаркин А.И., Анимица Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона (Economy of Region). 2012. № 3. С. 11–31.
28. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / пер. с нем. А.А. Рыбникова. М.: Экон. жизнь, 1926. Т. 1. 219 с.
29. Черкасов Г.И. Основы теории производительных сил. 2-е изд. М.: Экономика, 2008. 172 с.
30. Шарыгин М.Д., Гагарский М.Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов. Пермь, изд-во Перм. ун-та, 2005. 227 с.
31. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, № 3. P. 483–499.
32. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade // Journal of International Economics. 1979. Vol. 9, № 4. P. 469–479.
33. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70, № 5. P. 950–959.
34. Launhardt W. Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1885. 210 p.

Получено 23.12.2014

References

1. Alaev, A.B. (1980), “Social-economic geography: current issues of science development”, *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya: Geografiya*, no. 4, pp. 89–94.
2. Bandman, M.K. (1980), *Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: teoriya i praktika predplanovykh issledovanij* [Clusters: theory and practice of the pre-planning researches], Nauka, Novosibirsk, Russia, 256 p.
3. Vasyutin, V. and Kostennikov V., etc. (1977), “The letter to the editorial board. About N.N. Nekrasov’s book”, *Planovoe khozyajstvo*, no. 3.
4. Pliseckij, E.G. (ed.) (2008), *Vvedenie v e'konomicheskuyu geografiyu i regional'nyyu e'konomiku* [The introduction to economic geography and regional economy in Russia], 2nd ed., Vldos, Moscow, Russia, 550 p.
5. Veber, A. (1926), *Teoriya razmeshheniya promyshlennosti* [Theory of the location of industries], Translated by Morozova, N., in Baranskij, N.N. (ed.), *Kniga*, Moscow, Russia, 119 p.
6. Granberg, A.G. (2000), *Osnovy regional'noj e'konomiki* [Basic of regional economy], Vyshaya shkola e'konomiki, Moscow, Russia, 495 p.
7. Izard, U. (1966), *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionax* [Methods of regional analysis: an introduction to the science of regions], Translated by Xoman, V.M., Lipec, Yu.G. and Tager S.N., in Probsta, A.E. (ed.), *Progress*, Moscow, Russia, 659 p.

8. Konstantinov, O.A. (1974), "Economic geography and regional economy", *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, no. 6, pp. 449–456.
9. Krotov, V.A. (1973), "Economic geography and regional economy", *Teoreticheskaya geografiya. Materialy simpoziuma po teoreticheskim problemam geografii* [Theoretical geography. Proceedings of the symposium on theoretical problems of geography], Riga, USSR, 2-4 October 1973.
10. Kuznecova, O.V. (2009), *E'konomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya* [Economic development of regions: theoretical and practice aspects of state regulation], LIBROKOM, Moscow, Russia, 304 p.
11. Lesh, A. (2007), *Prostranstvennyya orgizaciya xozyajstva* [The spatial organization of economy], Nauka, Moscow, Russia, 663 p.
12. Nekrasov, N.N. (1974), *Problemy regional'noj e'konomiki* [Problems of regional economy], Mysl', Moscow, Russia.
13. Nekrasov, N.N. (1975), *Regional'naya e'konomika (teoriya, problemy, metody)* [Regional economy (theory, problems, methods)], E'konomika, Moscow, Russia, 317 p.
14. Nekrasov, N.N. (1973), "Regional economy", *Teoreticheskie problemy regional'noi e'konomiki: materialy nauchnoj konferencii* [Theoretical issues of regional economy: proceedings of the conference], SOPS, Moscow, Russia.
15. Nekrasov, N.N. (1978), *Regional'naya e'konomika. Teoriya, problemy, metody* [Regional economy. Theory, problems, methods], 2nd ed., E'konomika, Moscow, Russia, 344 p.
16. Pavlenko, V.F. (1984), *Planirovanieterritorial'nogorazvitiya (territorial'nyy aspect planirovaniya)* [Planning the territorial development (territorial planning aspect)], E'konomika, Moscow, Russia, 267 p.
17. Peccei, A. (1985), *Chelovecheskie kachestva* [The Human Quality], Translated by Zaharova, O.V., in Gvashiani, D.M. (ed.), Progress, Moscow, Russia, 312 p.
18. Pilyasov, A.N. (2011), "New economic geography: preconditions, ideological foundations and applicability of the models", *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya: Geografiya*, no. 4, pp. 7–17.
19. *Planirovanie razmeshhenia proizvoditel'nyx sil SSSR* [Planning the placement of productive forces of USSR] (1986), E'konomika, Moscow, Russia, vol. 1, 304 p., vol. 2, 384 p.
20. Probst, A.E. (1982), *Problemy razmeshheniya socialisticheskoy promyshlennosti* [Placement problems of socialist industry], E'konomika, Moscow, Russia, 216 p.
21. Probst, A.E. (1975), "Regional economy and economic geography", *Teoreticheskie aspekty e'konomicheskoy geografii*, Moscow, Russia, pp. 71–86.
22. *Proizvoditel'nye sily: novyy uroven' razvitiya* [Productive forces: new level of development] (1989), Mysl', Moscow, Russia, 207 p.
23. Kistanov, V.V. and Kopylov N.V. (ed.) (1994), *Razmeshhenie proizvoditel'nyx sil* [Placement of productive forces], 3rd ed., E'konomika, Moscow, Russia, 558 p.
24. Resolyuciya II s'ezda Geograficheskogo obshhestva SSSR [Resolution of the II Congress of the Geographical Society of USSR] (1955), *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 87, no. 2.

25. Rumyancev, A.M. (1976), "An important trend in economic studies", *Kommunist*, no. 1.
26. Saushkin, Yu.G. (1973), *E'konomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic geography: history, theory, methods, practice], Mysl', Moscow, Russia, 559 p.
27. Tatarin, A.I., Animica E.G. (2012), "Formation of paradigmatic theory of regional economy", *Economy of Region*, no. 3, pp. 11–31.
28. Thünen, J.H. von (1926), *Izolirovannoe gosudarstvo v ego otnoshenii k sel'skomu khozyajstvu i nacional'noj e'konomii* [The isolated state], Translated by Rybnikov, A.A., *E'konomicheskaya zhizn'*, Moscow, Russia, vol. 1, 219 p.
29. Cherkasov, G.I. (2008), *Osnovy teorii proizvoditel'nykh sil* [Basics of productive forces theory], *E'konomika*, Moscow, Russia, 172 p.
30. Sharygin, M.D. and Gagarskij, M.D. (2005), *Teoreticheskie osnovy razmeshheniya proizvoditel'nykh sil i e'konomika rajonov* [Theoretical basics of productive forces placement and economy of areas], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm, Russia, 227 p.
31. Krugman, P. (1991), "Increasing returns and economic geography", *Journal of Political Economy*, vol. 99, no. 3, pp. 483–499.
32. Krugman, P. (1979), "Increasing returns, monopolistic competition and international trade", *Journal of International Economics*, vol. 9, no. 4, pp. 469–479.
33. Krugman, P. (1980), "Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade", *American Economic Review*, vol. 70, no. 5, pp. 950–959.
34. Launhardt, W. (1885), *Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*, Leipzig, Germany, 210 p.

FROM PRODUCTIVE FORCES PLACEMENT TO REGIONAL ECONOMY

Evgeny G. Animitsa

Urals State University of Economics, 62/45 8 Marta / Narodnaya Volya str., Yekaterinburg,
620144, Russia

E-mail: rime@usue.ru

Olga Yu. Denisova

Urals State University of Economics, 62/45 8 Marta / Narodnaya Volya str., Yekaterinburg,
620144, Russia

E-mail: trtskmius17@mail.ru

The article focuses the attention on theoretical aspects of development and placement of productive forces and regional economy. The main reasons for regional economy origin as an economic science and its inconsistent relationship with economic geography concerning production placement as the general object of research are considered. The modern understanding of a subject of regional economy is given.

Key words: productive forces; placement of productive forces; economic space; region; regional economy

УДК 338.24

М.Н. ЯКИМОВА, ассистент кафедры государственного
и муниципального управления
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: mari.yakimova@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Статья посвящена описанию преимуществ внедрения проектного подхода в деятельность органов власти в контексте реализации идей нового государственного менеджмента (NPM). Перечислены «слабые стороны» использования проектов в системе государственного управления современной России. Раскрыта связь между проведением административных реформ в духе NPM и возможностью применять проектный подход в системе управления государством.

***Ключевые слова:** проект; управление проектами; новый государственный менеджмент; административная реформа; государственное управление*

С середины 1980-х – начала 1990-х гг. когда традиционная система госуправления, описанная в концепции рациональной бюрократии М. Вебера, уже не могла обеспечивать устойчивый рост и преимущество в глобальной конкурентной борьбе, сообщество развитых стран стало проводить административные реформы. Как отмечает Дж. Кеттл, это движение можно назвать «поражительным» по своим масштабам, так как в нем принимало участие

значительное число наций, использующих столь похожие стратегии преобразований в такой короткий промежуток времени [22, р. 11]. В географическом плане, волна изменений захлестнула весь мир: от США, Новой Зеландии, Швеции до Индии, Китая и Монголии. В середине 2000-х гг. в этот список стран вошла и Россия, закрепив в 2005 году распоряжением Правительства Российской Федерации «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» [14] стремление реализовать на практике главный принцип преобразований – внедрить в систему государственного управления инструменты, методы управления, выработанные в бизнес-сфере. Такой подход реформирования госаппарата в начале 1990-х гг. оформился

в виде самостоятельной концепции и получил название «новый государственный менеджмент» (NPM).

Посредством модернизации системы управления государством «по образу и подобию» коммерческих компаний инициаторы менеджериальных преобразований создали условия для использования проекта как механизма решения государственных задач. Вследствие проведения административных реформ, наряду с такими технологиями менеджмента, как программное управление, стратегическое управление и др., проектный подход стал широко применяться органами власти. И уже сегодня, как замечает В. Воропаев, «практически каждый чиновник правительства США использует на своем персональном компьютере программные средства управления проектами», которые применяются в т.ч. и для осуществления управленческих функций внутри правительственного аппарата [2]. В России под руководством Совета по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов Российской Федерации распространяется имеющийся у регионов (Пермский край, Белгородская область и др.) опыт управления проектами.

Масштабность применения проекта и неутрачивающий интерес к нему в странах с системами государственного управления, преобразованными в логике NPM, делают актуальными для исследователей ряд вопросов. Действительно ли внедрение практики управления проектами в органах власти соответствует принципам NPM? Позволяет ли проектный подход реализовывать идеи NPM? Существуют ли ограничения по применению проекта в реформированной системе управления государством? Открывает ли проектный менеджмент перед органами власти новые возможности в управлении? Для поиска ответа на них и была подготовлена настоящая статья. Исследование проведено с целью выявления возможностей и ограничений внедрения проектного подхода в систему государственного управления, модернизируемую в духе NPM.

Основные идеи NPM, анализируя публикации таких западных ученых, как К. Худ [20, р. 4–5], Д. Осборн и Т. Геблер [19, с. 59–60], и обращаясь к работам отечественных исследователей [3; 6; 7; 9; 18], можно описать сквозь призму определенных задач модернизации систем государственного управления:

- применять в государственном секторе менеджмент-технологии коммерческих компаний;
- осуществлять деятельность по исполнению государственных функций в соответствии с принципом клиентоориентированности;
- использовать механизмы управления по результатам;
- стремиться к экономии бюджетных ресурсов;
- проводить децентрализацию и делегирование части властных полномочий с целью высвобождения ресурсов и повышения качества самоуправления;
- модернизировать корпоративную культуру и стиль работы органов власти;
- сокращать избыточные, дублирующие и неэффективные функции структурных элементов;
- усилить конкуренцию в сфере оказания услуг и исполнения полномочий в государственном секторе.

Очевидно, что перечисленные идеи NPM подчиняются цели создания экономного, рационального, результативного и «гибкого» государства, которое должно быть привлекательным для «клиентов» и способно к «разумной» трате денег. Схожую задачу стремятся решить и коммерческие компании, выбирая в качестве основного инструмента преодоления препятствий управление проектами. С помощью проектов бизнес-организации противостоят низкой результативности деятельности, нерациональному использованию финансовых ресурсов, неэффективности громоздких иерархических организационных структур, забюрократизированности и централизму принятия решений, малой удовлетворенности потребителей услуг качеством произведенного продукта и др. Наличие этих проблем и в сфере управления государством обусловило необходимость использования проектного подхода органами власти.

Так, например, в Великобритании стратегия управления проектами делает повышение эффективности и снижение государственных расходов одними из ключевых приоритетов политики Д. Кэмерона. Посредством реализации проектов министерствами и ведомствами было освоено более 1 млрд фунтов стерлингов, оценка целесообразности и контроль траты которых велись специальными органами. При правительстве действуют отдельные структуры, осуществляющие детальный мониторинг внедрения приоритетных проектов, контроль их финансирования (Центр крупных проектов), а также одобрение или наложение запрета расходования бюджетных средств (Совет по оценке крупных проектов) [12]. Повысить эффективность и результативность расходования бюджета планируется посредством управления портфелем крупных правительственных проектов.

Для повышения эффективности межведомственного взаимодействия проектный подход успешно применялся во Франции. С целью организации совместной деятельности нескольких госучреждений, координации и обеспечения работы большого количества специалистов управление проектами использовалось Департаментом по государственной модернизации [12].

Иными словами, внедрение проектов в сферу государственного управления осуществлялось для преодоления ряда трудностей в администрировании и исполнении функций государства. Но только благодаря тому, что реформы в духе NPM позволяли применять органам власти технологии бизнес-менеджмента, проектный подход стал использоваться на государственном уровне. Управление проектами обеспечивает решение задач, поставленных перед преобразованиями в логике NPM. Более того, проекты способствуют претворению в жизнь его ключевых идей.

Во-первых, внедрение проектного подхода в систему государственного управления позволяет осуществлять идею использования в этой сфере механизмов управления по результатам. Соответствующая норма закреплена в упомянутом распоряжении Правительства Российской Федерации [14], а также в Методических рекомендациях по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти (Методические рекомендации), утвержденных распоряжением Минэкономразвития России в 2014 г. [13]. Под управлением по результатам понимается процесс ведения целеориентированной деятельности, координируемой систематически с помощью план-фактного контроля,

управления окружением, мониторинга качества. Упор на достижение ожидаемого результата и возможность использовать его в будущем является главной особенностью проектного подхода. В свою очередь, создание уникальных продуктов, услуг или результатов также является важнейшим назначением проекта, согласно общепринятым трактовкам его сущности [17, с. 554]. Ведутся планирование, разносторонний мониторинг и контроль исполнения проектных мероприятий, управление качеством производимого продукта или услуги. Основные характеристики ожидаемого итога проектной деятельности определяются и посредством формулирования цели.

Добавим, что ориентация на достижение цели позволяет утверждать, что проектный подход может быть использован в качестве способа управления стратегическим развитием. Согласно Г. Минтзбергу, проектное управление, как и программно-целевое, не подразумевает создание стратегий, но может «вдохнуть в них жизнь, стать инструментом их формирования» [21]. Проект может стать «мероприятием» по достижению ориентированных на перспективу показателей развития, однако лишь в том случае, если ожидаемые результаты проекта соответствуют или тождественны стратегическим целям. Применение проектов как технологии решения долгосрочных задач делает более возможными к реализации и более управляемыми программы стратегического развития, как следует из Методических рекомендаций Минэкономразвития России.

Во-вторых, использование проектного подхода органами власти помогает повысить эффективность управления ресурсами – финансовыми, временными, кадровыми и др. В условиях постоянного поиска компромисса между выделением средств для решения одной задачи одного направления и другой задачи другого направления, как отмечают Д. Клиланд и В. Кинг, формируется объективная потребность внедрения формальных методов планирования и анализа, используемых для определения наилучшего варианта [5, с. 124]. Технологии управления проектами предлагают использовать ряд методик и подходов расчета оптимального объема ресурсов. С помощью техники анализа PERT (Program (Project) Evaluation and Review Technique), инструментов стоимостного анализа, к примеру, устанавливается необходимый, как для проекта в целом, так и для отдельных его задач, объем ресурсов. По данным Международной Ассоциации Управления Проектами (IPMA), использование современной методологии и инструментария проектного управления позволяет обычно сэкономить порядка 20-30% времени и около 15-20% средств, затрачиваемых на осуществление деятельности [2].

В-третьих, необходимость децентрализации и делегирования части полномочий органов власти как задача реформ в духе NPM также может быть достигнута посредством использования проектов. Проектное управление трансформирует взаимодействие между исполнителями в направлении уменьшения ряда препятствий, меняя стиль работы и характер ведения деятельности. С помощью командного управления, применяемого при реализации проектов, «рычаги управления» передаются от руководителя структурного подразделения руководителю команды. Это приводит к формированию в организации горизонтальной структуры управления, имеющей, как считает, например,

А. Захаров, значительные преимущества перед традиционной иерархической структурой за счет сокращения количества звеньев между руководителями и подчиненными [4]. Ответственность за достижение цели проекта распределяется между всеми его участниками и не концентрируется в руках одного человека. Отношения по поводу достижения цели модифицируются, в результате чего повышается гибкость, прозрачность и оперативность решения поставленных задач.

Посредством применения командного управления, проектных технологий, как подтверждается в Методических рекомендациях, в государственном секторе повышается эффективность межведомственного взаимодействия, эффективность взаимодействия с подрядными организациями, привлекаемыми органом исполнительной власти [13].

В-четвертых, проектный менеджмент в государственном управлении может способствовать изменению корпоративной культуры и стиля работы органов власти, что также предусматривают реформы в духе NPM. Посредством применения проектов осуществляется переход от рациональной бюрократии М. Вебера к моделям управления коммерческих компаний. Качественное и своевременное выполнение поставленных задач, эффективность совместной деятельности различных подразделений, соблюдение высокого уровня дисциплины – все это цели нового механизма мотивации государственных служащих, достичь которые возможно в ходе внедрения проектного подхода [13]. Предполагается трансформировать модель поведения сотрудников органов власти в сторону повышения результативности функционирования последних. Вследствие использования механизма управления в команде могут быть достигнуты гибкость и прозрачность внутри- и межведомственного взаимодействия.

Таким образом, отмеченные преимущества проектного подхода отвечают «рекомендациям» NPM по проведению преобразований систем государственного управления. Однако перечисленные возможности проектов далеко не всегда могут быть реализованы в условиях неподготовленной управленческой среды. Существует также ряд ограничений и обязательных требований к использованию проектного менеджмента в государственном управлении.

В первую очередь государственные служащие должны обладать соответствующими знаниями и навыками в области управления проектами. Осуществление инициации, планирования, мониторинга и контроля, завершения проекта требует от его участников специальных компетенций и теоретической подготовки. Однако, согласно отчету об опыте проектного управления в органах исполнительной власти и организациях в России, подготовленному для Минэкономразвития России, отмечается нехватка специалистов по управлению проектами [15, с. 14]. 69,2% и 62,5% респондентов-сотрудников федеральных и региональных органов исполнительной власти соответственно отмечают, что обучение менеджменту проектов не ведется [15, с. 11].

Тем не менее, несмотря на отсутствие специальной подготовки, государственные служащие, к примеру, обязательно должны уметь корректно формулировать цель проекта, в то время как «целеполагание – один из самых сложных аспектов управления» [10, с. 10]. Проведенное в 2011 г. исследование

уровня развития процессов управления проектами в исполнительных органах государственной власти Пермского края показало, что проблема правильной формулировки целей и задач проектов, «контрольных точек» являлась одной из основных сложностей внедрения подхода [8]. Как справедливо отмечает И. Ансофф, специалисты в сфере управления различными организациями «чаще всего просто не готовы к выбору целей и постановке задач до тех пор, пока им не станет ясно, каких потенциальных результатов их компания сможет добиться в будущем» [1]. Поскольку «цель – одновременно то, чего нет (желаемое состояние, отдаленное от нас временем), и то, что есть (представление о будущем в текущий момент времени)» [10, с. 10], зачастую требуется время и практика исполнения мероприятий проекта для определения всех характеристик достигаемого результата. Корректное формулирование цели необходимо для определения всех параметров производимого продукта или услуги, эффективного планирования работы.

Кроме того, при ведении проектов государственным служащим нужно уметь пользоваться специальными информационно-аналитическими системами (ИАС). В исполнительных органах государственной власти Пермского края, к примеру, применяют ИАС на базе технологии MS Project Server (MS Office Project). Эта, как и другие информационные системы управления проектами (ИСУП), объединяет данные всех проектов, мероприятий, ресурсов, сроков и т.д., а управленческая информация собирается, хранится и анализируется относительно степени достижения целей проекта (задач, этапов, вех) [16, с. 54]. ИСУП позволяет «держать проект под контролем», однако пользоваться таким непростым инструментом сложно человеку, не обладающему соответствующими навыками, а также лицам старшего поколения. По данным того же исследования, государственные служащие Пермского края, например, испытывали затруднения при формировании связей между мероприятиями проекта и не использовали опцию назначения ресурсов на каждую операцию [8].

Не стоит также забывать, что внедрение, поддержание и развитие ИСУП, созданной под индивидуальные потребности органа власти на базе лицензионного программного обеспечения, требует значительных финансовых вливаний из бюджета.

Сложность обучения государственных служащих проектному управлению связана в том числе и с отсутствием в течение длительного времени основ нормативно-правового регулирования управления проектами в органах исполнительной власти [15, с. 14]. Еще в период реализации приоритетных национальных проектов данная проблема отмечалась в качестве одного из ключевых факторов неудач в их исполнении. До апреля 2014 г. только в распоряжении Правительства Российской Федерации «О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» содержались нормы, регламентирующие общие подходы к разработке, оформлению, оценке проектов [14]. Но в документе отсутствовало описание того, что такое проект и проектный подход в государственном управлении, критерии, по которым та или иная деятельность считается проектной, как внедрять, развивать управление проектами и т.д. Только с утверждением Минэкономразвитием России Методических рекомендаций проблема неподготовленности российской

нормативной правовой базы к внедрению проектного подхода в госуправление стала менее острой. Он позволили решить и еще одну оставленную без внимания с 2005 г. задачу по обеспечению внедрения проектного управления. Это отсутствие унифицированной методологии менеджмента проектов, что затрудняло обучение госслужащих проектному подходу.

Методические рекомендации содержат сведения о сущности, преимуществах проекта, его месте в системе управления органа власти, информацию о нормативном правовом обеспечении проектного управления, разъяснения о применении инструментов по управлению мотивацией и компетенциями участников проектов, организационной и технологической поддержке проектной деятельности и т.д. В указанный документ все же следует включить описание технологий финансового обеспечения реализации проектов, осуществляемого с учетом специфики бюджетного процесса, а также описание инструментов, с помощью которых можно подготовить организационную среду госаппарата к внедрению проектного подхода, трансформировать ее.

Потребность в последнем, на наш взгляд, вызвана различиями в стиле и порядке ведения деятельности в государственном аппарате и в коммерческих компаниях. Как подтверждается в упомянутом отчете об опыте проектного управления в органах исполнительной власти и организациях в России, «жесткая организационная структура в органах исполнительной власти не позволяет сформировать команды для реализации проектов» [15, с. 14]. Строгая иерархичность и формализованность исполнения задач, соблюдаемые на каждом этапе выработки управленческого решения, препятствуют использованию не только командных технологий, но и иных, «гибких», процедур исполнения поручений, документов. А это приводит к формальному, поверхностному применению различных инструментов менеджмента проектов, например, таких, как паспортизация проектов, календарное планирование, отчетность ведения проекта и т.д. Проектная деятельность, как подчеркивает П.В. Магданов, не только «не терпит иерархии, но и наносит ущерб сложившимся в организации вертикальным связям» [10, с. 9]. Если вертикальная структура управления сохраняется, значит, проектный подход организацией используется частично.

Наконец, последним, на наш взгляд, препятствием к внедрению менеджмента проектов в систему государственного управления является сложность оценки результатов деятельности. Проблема заключается в трудности формирования показателей результативности проекта, конечных или промежуточных, отсутствии адекватного механизма сбора и обработки интересующих сведений. Кроме того, как подчеркивает П.В. Магданов, «система ключевых показателей деятельности, основанная на бюджетных данных, часто дает неверное представление о соответствии цели и полученного результата» [11, с. 25]. Ситуация усложняется в том случае, если изменениям подвергаются сложные социальные объекты, а эффект влияния на них проявляется с течением времени. И в теоретическом, и в практическом плане трудность использования проектных технологий заключается в создании эффективной системы контроля [11, с. 25].

Таким образом, наряду с сильными сторонами использования проектов в государственном управлении существуют и ряд слабых. Внедрение проектного подхода в деятельность органов власти, с одной стороны, соответствует

идеям модернизации системы государственного управления, предложенным NPM. Именно вследствие реализации принципов NPM и появилась возможность использовать проект как механизм решения задач государственного уровня. С другой стороны, сама система государственного управления в России не подготовлена к применению всех составляющих элементов управления проектами. Качественные характеристики ряда компонентов бюрократического аппарата не соответствуют требованиям, предъявляемым к должному состоянию органов власти, решивших применять проектный подход. В случае отсутствия проведения необходимых изменений, вероятно, снизится положительный эффект использования проектов в государственном управлении, а также результативность воплощения в жизнь идей NPM.

Список литературы

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/ansoff_igor/ansoff_igor_strategicheskoe_upravlenie/ (дата обращения: 18.08.2013).
2. *Воропаев В.* Управление проектами – неиспользованный ресурс в экономике России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/331624/> (дата обращения: 08.07.2014).
3. *Гаталов Е.Н.* Проблемы современной административно-государственной реформы в России // *Власть.* 2009. № 3. С.25–26.
4. *Захаров А.С.* Изменение культуры государственного управления в информационном обществе // *Вестн. Тамб. гос. ун-та.* 2011. Вып. 1 (93). С. 61–67.
5. *Кшланд Д., Кинг В.* Системный анализ и целевое управление / пер. с англ. М.М. Горяинова, А.В. Горбунова; под ред. И.М. Верещагина. М.: Сов. радио, 1974.
6. *Комаровский В.С., Оболонский А.В.* Проблемы реформирования государственной службы в свете международного опыта и отечественных традиций // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.12: Полит. науки.* 1997. № 4. С. 56–71.
7. *Кошкин П.П.* Традиционно-бюрократическая идеология и «новый менеджери́зм» (сравнительный анализ) [Электронный ресурс]. URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2007/management/koshkin.pdf> (дата обращения: 23.01.2014).
8. *Красильников Д.Г., Якимова М.Н.* Стандарт РМВОК и проектное управление в органах государственной власти Пермского края: приближение к идеалу // *Ars Administrandi.* 2011. № 3. С. 44–54.
9. *Купряшин Г.Л.* Государственный менеджмент: концепция и условия реализации [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251 00&a=d&cl=CL1&d=HASH08b75fd74133d5a5db5aae.1.4> (дата обращения: 23.01.2014).
10. *Магданов П.В.* Интеграция структурно-функционального и программно-целевого подходов к управлению // *Ars Administrandi.* 2010. № 2. С. 5–15.

11. *Магданов П.В.* Проблемы теории и практики стратегического планирования. Пермь, 2013.
12. *Мировой опыт по управлению проектами в органах государственной власти*: офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/72fa68af-24d4-45a5-8888-3aa46c14c032/Вопрос+2+Мировой+опыт+по+управлению+проектными+в+органах+государственной+власти.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=72fa68af-24d4-45a5-8888-3aa46c14c032> (дата обращения: 12.01.2014).
13. *Об утверждении* Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти [Электронный ресурс]: распоряжение Минэкономразвития России от 14 апр. 2014 г. № 26Р-АУ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/201404181> (дата обращения: 10.09.2014).
14. *О концепции* административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 окт. 2005 г. № 1789-р (ред. от 10.03.2009). URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/13306.133.htm> (дата обращения: 10.09.2014).
15. *Отчет* об опыте проектного управления в органах исполнительной власти и организациях в России: офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/bfc0cd8040a90cf2a94dfb2af281cc1b/Вопрос+№2+Отчет+об+опыте+проектного+управления+в+органах+исполнительной+власти+и+организациях.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=bfc0cd8040a90cf2a94dfb2af281cc1b> (дата обращения: 12.01.2014).
16. *Полковников А.* Эффективное управление проектами. Начальный курс. М., 1998.
17. *Руководство* к Своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК). 5-е изд. Newtown Square: Project Management Institute, 2013.
18. *Сморгунов Л.* Сравнительный анализ административных реформ в западных странах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 2000. № 1. С. 54–75.
19. *Троицкая Е.А.* Административная реформа в современной России в контексте концепции нового государственного менеджмента: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2011.
20. *Hood C.* A Public Management for All Seasons? // Public Administration. 1991. Vol. 69.
21. *Mintzberg H.* The Rise and Fall of Strategic Planning [Электронный ресурс]. URL: http://staff.neu.edu.tr/~msagsan/files/fall-rise-of-strategic-planning_72538.pdf1994 (дата обращения: 18.08.2014).
22. *Pollitt C., Bouckaert G.* Public Management Reform: A Comparative Analysis: New Public Management, Governance, And The Neo-Weberian State. Oxford, 2011.

Получено 06.10.2014

References

1. Ansoff, I. (1989), “*Strategic management*”, [Online], available at: http://lib.aldebaran.ru/author/ansoff_igor/ansoff_igor_strategicheskoe_upravlenie/ (Accessed 18 August 2013).
2. Voropaev, V. (2003), “*Project management is an untapped resource in the economy of Russia*”, [Online], available at: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/331624/> (Accessed 8 July 2014).
3. Gatalov, E.N. (2009), “The problems of the modern administrative-state reform in Russia”, *Vlast*, no. 3, pp. 25–26.
4. Zaxarov, A.S. (2011), “Changing the culture of governance in the information society”, *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (93), pp. 61–67.
5. Cleland, D. and King W. (1974), *Sistemnyi analiz i celevoe upravlenie* [Systems analysis and project management], Translated by Goryainov, M.M. and Gorbunov, A.V., in Vereshharin, I.M. (ed.), Sovetskoe radio, Moscow, Russia.
6. Komarovskij, V.S., Obolonskij, A.V. (1997), “Problems of civil service reform in the light of international experience and national traditions”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 56–71.
7. Koshkin, P.P. (2007), “*The traditional bureaucratic ideology and “new public management” (comparative analysis)*”, [Online], available at: <http://teoria-practica.ru/-1-2007/management/koshkin.pdf> (Accessed 23 January 2014).
8. Krasilnikov, D.G., Yakimova, M.N. (2011), “PMBOK standard and project management in Perm krai public authority: approaching the ideal”, *Ars Administrandi*, no. 3, pp. 44–54.
9. Kupryashin, G.L. (2004), “Public administration: concept and conditions”, [Online], available at: http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00--0kongress--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251_00&a=d&cl=CL1&d=HASH08b75fd74133d5a5db5aae.1.4 (Accessed 23 January 2014).
10. Magdanov, P.V. (2010), “Integration of the structural and functional approach to governing with the program-targeted one”, *Ars Administrandi*, no. 2, pp. 5–15.
11. Magdanov, P.V. (2013), *Problemy teorii i praktiki strategicheskogo planirovaniya* [Problems of the theory and practice of strategic planning], Perm, Russia.
12. The official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2013), “International experience in project management in public authorities”, available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/72fa68af-24d4-45a5-8888-3aa46c14c032/Вопрос+2+Мировой+опыт+по+управлению+проектными+в+органах+государственной+власти.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=72fa68af-24d4-45a5-8888-3aa46c14c032> (Accessed 12 January 2014).
13. The official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2014), *Ob utverzhdenii Metodicheskix rekomendacij po vnedreniyu proektnogo upravleniya v organax ispolnitel'noj vlasti* [On confirmation of

Methodical recommendations for project management implementation in executive authorities]: Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation no. 26R-AU dated 14 April 2014, available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/201404181> (Accessed 10 September 2014).

14. The official site of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation (2009), *O koncepcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006–2010 godax* [On the concept of administrative reform in the Russian Federation in 2006–2010]: Order of the Russian Government no. 1789-r dated 25 October 2005, available at: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/13306.133.htm> (Accessed 10 September 2014).

15. The official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2013), “Report on the experience of project management in the executive bodies and organizations in Russia”, available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/bfc0cd8040a90cf2a94dfb2af281cc1b/Вопрос+№2+Отчет+об+опыте+проектного+управления+в+органах+исполнительной+власти+и+организациях.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=bfc0cd8040a90cf2a94dfb2af281cc1b> (Accessed 12 January 2014).

16. Polkovnikov, A. (1998), *E'ffektivnoe upravlenie proektami. Nachalnyj kurs* [Effective project management. The initial course], Moscow, Russia.

17. *Rukovodstvo k svodu znaniy po upravleniyu proektami (Rukovodstvo PMBOK)* [A guide to the project management body of knowledge. (PMBOK® Guide)] (2013), 5th ed., Project Management Institute, Newtown Square, US.

18. Smorgunov, L. (2000), “Comparative analysis of administrative reforms in the western countries”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 1, pp. 54–75.

19. Troitskaya, E.A. (2011), “The administrative reform in modern Russia in the context of the concept of new public management”, Ph.D. Thesis, Political institutes, processes and technologies, Perm State University, Perm, Russia.

20. Hood, C. (1991), “A Public management for all seasons?”, *Public Administration*, vol. 69.

21. Mintzberg, H. (1994), “*The rise and fall of strategic planning*”, [Online], available at: http://staff.neu.edu.tr/~msagsan/files/fall-rise-of-strategic-planning_72538.pdf1994 (Accessed 18 August 2014).

22. Pollitt, C., Bouckaert, G. (2011), *Public management reform: a comparative analysis: new public management, governance, and the neo-weberian state*, Oxford, UK.

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF PROJECT-BASED APPROACH IN THE CONTEXT OF NEW PUBLIC MANAGEMENT IMPLEMENTATION

Mariya N. Yakimova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: mari.yakimova@gmail.com

The article describes advantages of introducing project management approach to government in the context of New Public Management (NPM) implementation.

Weaknesses of project management in modern Russia's public administration were identified. The connection between the administrative reform and the ability to apply project-based approach in government was revealed.

Key words: project; project management; new public management; administrative reform; government

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 33:378(470.53)

Т.Ю. КОВАЛЕВА, к.экон.н., доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: kovalevatu@yandex.ru

В.Г. БАЛЕЕВСКИХ, магистрант кафедры учета, аудита и экономического анализа
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: viktoriya-baleevskih@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ В ЦЕЛЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

В статье предложен подход и разработан алгоритм диагностики образовательных кластеров, определены критерии их идентификации и предложена модель отраслевого кластера высшего образования и повышения квалификации. На основе применения комплекса количественных и качественных методов анализа кластеров установлено, что в экономике Пермского края формируются четыре потенциальных образовательных кластера, развитие которых должно стать приоритетным направлением образовательной экономической политики региона.

Ключевые слова: образовательные кластеры; алгоритм идентификации; региональная экономика; кластерная экономическая политика

В современных условиях кластерный подход принимается за основу разработки государственной политики во многих субъектах Российской Федерации [6; 15; 16], что обусловлено способностью кластерных структур решать социально-экономические проблемы за счет эффективного сочетания механизмов сотрудничества и конкуренции [11; 17].

Исследования российских и зарубежных ученых свидетельствуют о том, что кла-

стерный потенциал экономики территорий возможно использовать для совершенствования такой социально ориентированной сферы, как образование [2; 12; 19; 21]. Сегодня особенно остро ощущается снижение качества образовательных услуг, усугубляются диспропорции в структуре спроса на услуги образования, сфера дошкольного образования во многих российских регионах

переживает глубокий кризис [1, с. 45–46; 19, с. 531]. В связи с этим и актуализируются вопросы формирования образовательных кластеров, функционирование которых будет нацелено на интенсивное решение указанных проблем в целях обеспечения устойчивого развития территорий.

Вопросам создания образовательных кластеров уделено немало внимания. Однако в зарубежной и отечественной экономической науке пока не сложилось единого мнения относительно трактовки образовательного кластера и моделей его формирования [8].

Согласно представлению Р. Кулата (*R. Culatta*), образовательный кластер должен быть инновационным и представлять собой группу взаимосвязанных образовательных, научно-исследовательских и бизнес-структур, нацеленных на производство и реализацию инноваций, их продвижение на локальном и мировом рынках [25].

Модель образовательно-инновационного кластера Р. Кулата включает трех основных участников: образовательные учреждения, научно-исследовательские организации и коммерческие структуры. Образовательные учреждения обеспечивают формирование интеллектуально-поисковой среды, в которой создаются благоприятные условия для разработки новых идей, технологических решений и продуктов преподавателями и студентами, а также для внедрения инноваций в процесс обучения. Отдельно подчеркивается, что образовательные структуры имеют реальную возможность проверить перспективные разработки в рамках пилотных инновационных проектов. Научно-исследовательские организации в сотрудничестве с коммерческими партнерами и образовательными учреждениями осуществляют фундаментальные и прикладные исследования, проводят экспертизу научно-технических проектов, разработанных в кластере, разрабатывают эффективные технологии обучения, направленные на повышение результативности исследовательской деятельности в системе образования. Коммерческие партнеры осуществляют коммерциализацию инноваций, проводят прикладные исследования по заказу образовательных учреждений. Они также могут финансировать исследовательские проекты, инвестировать капитал в инновационные предприятия, созданные в кластере.

В отличие от зарубежного подхода, в котором образовательные кластеры представлены специализированными структурами, объединяющими различные образовательные учреждения и научные организации, сотрудничающие с бизнесом в целях совершенствования образовательных программ, создания новых продуктов и технологий, российские авторы образовательными кластерами преимущественно считают структуры, ориентированные на повышение эффективности обучения и развитие человеческого капитала, на сближение образовательного процесса с инновационной и предпринимательской деятельностью.

Так, например, Н.А. Корчагина понимает образовательный кластер как исключительно «группу учебных заведений, локализованных на одной территории, формирующих в качестве конечного продукта образовательную услугу, конкурирующих и взаимодействующих между собой и имеющих вокруг поставщиков необходимых факторов производства, оборудования, специали-

зированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, при этом усиливающих конкурентные преимущества друг друга» [10, с. 79].

М.В. Журавлева определяет образовательный кластер как совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и связанных партнерскими отношениями с предприятиями отрасли [3, с. 50].

По мнению В.М. Юрьева и М.С. Чвановой, инновационно-образовательный кластер – это объединение вуза и предприятий определенной отрасли для подготовки кадров и проведения практикоориентированных исследований для этой отрасли [22, с. 9].

В работе А.В. Смирнова «Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе» (2010) представлена модель «анклавного» образовательного кластера, ориентированная на развитие интеллектуально-образовательной сферы конкретной территории (региона) в целях инновационного развития местного производства [18, с. 31]. В качестве основной задачи образовательных учреждений в модели выступает кадровое, материально-техническое и технологическое обеспечение образовательной системы. Институциональную структуру кластера составляют государственная и региональная политика развития системы образования, а также современные образовательные стандарты. Вместе с тем модель А.В. Смирнова не позволяет выделить конкретные формы взаимодействия участников кластера, охарактеризовать специфику внутрикластерных отношений.

М.В. Федоров выделяет три модели формирования образовательного кластера: образовательный кластер с внутренними проектами; образовательный кластер, ядро которого составляет профильный вуз; образовательный кластер корпораций [20].

Инновационно-образовательные кластеры, описанные М.В. Федоровым, являются организованными и представляют собой системное объединение различных организаций, позволяющее использовать преимущества внутрикластерного взаимодействия с целью более быстрого и эффективного распространения новых знаний, стимулирующих инновации для роста конкурентоспособности экономики региона. На примере Свердловской области М.В. Федоров показывает систему инновационно-образовательных кластеров и её структурообразующие элементы [20].

Приведенные трактовки кластеров свидетельствуют о формировании в современной экономической науке комплексного подхода к исследованию кластеров как инструментов территориального развития, имеющих не только универсальный, но и интегрирующий характер, заключающийся в решении комплекса проблем повышения конкурентоспособности экономики, модернизации системы образования, перехода на инновационную модель развития. Однако проблема идентификации перспективных кластерных образований для их поддержки средствами кластерной политики остается открытой для дискуссий ученых-экономистов. В связи с этим актуальность и востребованность формирования комплексного алгоритма анализа кластеров определяется возрастающей ролью кластеров в развитии регионального экономического пространства [7, с. 30].

Изучение опыта исследования кластеров показывает, что диагностика кластеров базируется на синтезе качественных и количественных методов исследования. Универсальным качественным методом исследования является экспертный опрос, позволяющий не только сделать вывод о наличии того или иного кластера на территории региона, но и определить уровень развития институтов конкуренции и сотрудничества в кластере как важнейших его характеристик. Среди количественных методов наибольшее применение в идентификации кластеров как в России, так и за рубежом получили оценки степени локализации и метод структурных сдвигов, позволяющие на основе анализа статистических данных по отраслям (видам экономической деятельности) выявить важные эмпирические закономерности становления и функционирования кластеров [13].

В таблице 1 дана характеристика количественных методов идентификации кластерных структур, которые могут быть использованы для выявления и анализа образовательных кластеров в Пермском крае. Стоит отметить, что в основном идентификация кластеров производится на основе анализа показателей занятости, реже используются данные о валовой добавленной стоимости, инвестициях, выручке, прибыли или объеме отгруженной продукции, если речь идет о кластерах, предприятия в которых производят и реализуют товары [5, с. 19–20; 14, с. 64–65].

Таблица 1

Описание основных количественных методов идентификации кластеров на основе анализа показателей занятости

Метод	Ключевой показатель	Формула для расчета показателя	Интерпретация результатов
1	2	3	4
Оценка степени локализации	Индекс локализации (LQ)	$LQ_i = (l_i/l) / (L_i/L)$	Если величина LQ больше 1, то концентрация данной отрасли в регионе выше, чем в стране в целом, поэтому отрасль обладает кластерными признаками. Согласно подходу М. Портера, LQ , превышающий 0,8, также свидетельствует о высоком кластерном потенциале отрасли
Метод структурных сдвигов (<i>Shift-Share</i> анализ)	Национальный фактор (NS)	$NS = l_{t-1}^i * (\frac{L_t}{L_{t-1}} - 1)$	NS позволяет определить, насколько занятость в регионе в данном виде экономической деятельности изменилась под влиянием изменения занятости в стране в целом

1	2	3	4
Метод структурных сдвигов (<i>Shift-Share</i> анализ)	Отраслевой фактор (<i>IM</i>)	$M = l_{i-1}^i * \left(\frac{L_i^i}{L_{i-1}^i} - \frac{L_t}{L_{t-1}} \right)$	<i>IM</i> отражает, насколько рост отрасли региона в данном виде экономической деятельности базируется на росте отрасли в масштабах национальной экономики
	Региональный фактор (<i>RS</i>)	$RS = l_{i-1}^i * \left(\frac{l_t^i}{l_{t-1}^i} - \frac{L_t^i}{L_{t-1}^i} \right)$	<i>RS</i> считают основным критерием идентификации кластера в <i>Shift-Share</i> анализе. Показатель регионального вклада сравнивает темпы роста занятости в регионе в данном виде экономической деятельности с темпом роста занятости этого же сектора на уровне страны. Отрасли, характеризующиеся высокими значениями <i>RS</i> , обладают значительным кластерным потенциалом; отрасли со стабильно отрицательными значениями регионального фактора являются аутсайдерами экономики
	Структурный сдвиг (<i>SS</i>)	$SS = NS + IM + RS = l_t^i - l_{t-1}^i$	<i>SS</i> позволяет определить общий прирост переменной с учетом влияния национального, отраслевого и регионального факторов

Примечание: l_i – занятость в i -й отрасли в регионе; L_i – занятость в i -й отрасли в стране; l и L – общее количество занятых в регионе и стране соответственно; l_{t-1}^i – занятость в i -й отрасли в регионе в период $(t-1)$; L_{t-1} и L_t – общее количество занятых в стране в периоды $(t-1)$ и t соответственно; L_{t-1}^i и L_t^i – количество занятых в i -й отрасли в стране в период $(t-1)$ и t .

Ведущие специалисты в области кластерного анализа подчеркивают необходимость синтеза индикаторов и методов выявления кластеров [24; 26]. Так, например, с целью выделения лидирующих отраслей (видов деятельности), которые способны создать ядро образовательного кластера, целесообразно использовать подход к классификации региональных отраслевых лидеров по соотношению показателей *RS* и *IM* (табл. 2).

Первый и второй типы отраслей относятся к числу региональных лидеров. Очевидно, что отрасли первого типа имеют наибольший кластерообразующий потенциал; отрасли второго типа также способны сформировать ядро кластера. Отрасли третьего типа в меньшей степени обладают способностью образовать ядро кластера, поскольку региональные условия роста не столько способствуют, сколько препятствуют их развитию. Однако не исключено, что

Таблица 2

Типология отраслей по соотношению показателей RS и IM [5, с. 25; 23]

Тип отрасли	Соотношение показателей	Интерпретация показателей
1	$RS > 0, IM > 0$	Имеют место благоприятные региональные и отраслевые условия развития
2	$RS > 0, IM < 0$ $ RS > IM $	Благоприятные региональные условия развития преобладают над менее благоприятными отраслевыми условиями роста
3	$RS < 0, IM > 0$ $ RS < IM $	Благоприятные отраслевые условия развития преобладают над менее благоприятными региональными условиями роста
4	$RS > 0, IM < 0$ $ RS < IM $	Благоприятные региональные условия развития не в состоянии превзойти неблагоприятные отраслевые условия роста
5	$RS < 0, IM > 0$ $ RS > IM $	Благоприятные отраслевые условия развития не в состоянии превзойти неблагоприятные региональные условия роста
6	$RS < 0, IM < 0$	Имеют место неблагоприятные региональные и отраслевые условия развития

реализация стимулирующей экономической политики обеспечит их трансформацию в первый или второй тип отраслей-лидеров.

Визуализация комплекса результатов количественной диагностики кластеров возможна на основе подхода, позволяющего построить карту кластерных компонентов по значениям регионального (RS) и отраслевого факторов (IM) с масштабированием компонента кластера по индексу локализации (LQ) [7, с. 33].

Построение кластерной карты обеспечивает корректную выборку лидирующих кластерных компонентов (видов экономической деятельности) на основе следующих критериев, приведенных в таблице 3.

Таблица 3

Критерии отнесения видов деятельности к числу ключевых компонентов кластеров

Показатель	Критерий
Индекс локализации (LQ)	$LQ \geq 0,8$ не менее двух раз в течение анализируемого периода
Региональный компонент (RS)	$RS > 0$ не менее двух раз в течение анализируемого периода
Соотношение регионального и отраслевого компонентов (соотношение RS и IM)	Соотношение позволяет причислить вид деятельности к 1, 2 или 3 типу отраслей

Принципиально важным для разработки эффективной региональной политики поддержки и развития кластеров является определение их текущих стратегических позиций, потенциала развития кластеров в экономике реги-

она. Для этого необходимо оценить вес и размер кластеров, а также построить матрицу стратегических позиций кластеров.

Алгоритм идентификации и диагностики региональных кластеров, который разработан авторами для выявления образовательных кластеров в экономике Пермского края, представлен на рис. 1.

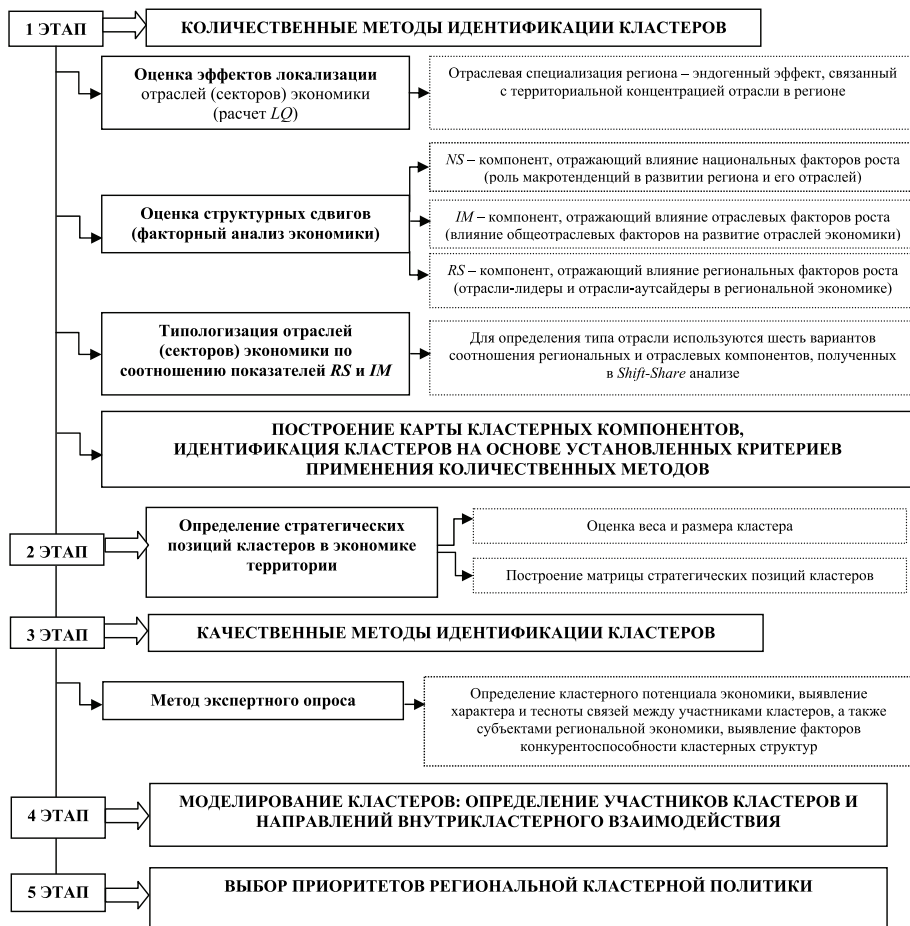

Рис. 1. Этапы идентификации и диагностики региональных образовательных кластеров

Коротко представим результаты количественного и качественного анализа образовательных кластеров, которые послужили основанием для выбора приоритетов и направлений их развития в экономике Пермского края.

Карты компонентов образовательных кластеров, построенные для вида экономической деятельности (ВЭД) «Образование» по показателю среднесписочной численности работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава), приведены на рис. 2. Как говорилось выше, построение таких карт позволяет представить комплекс результатов применения

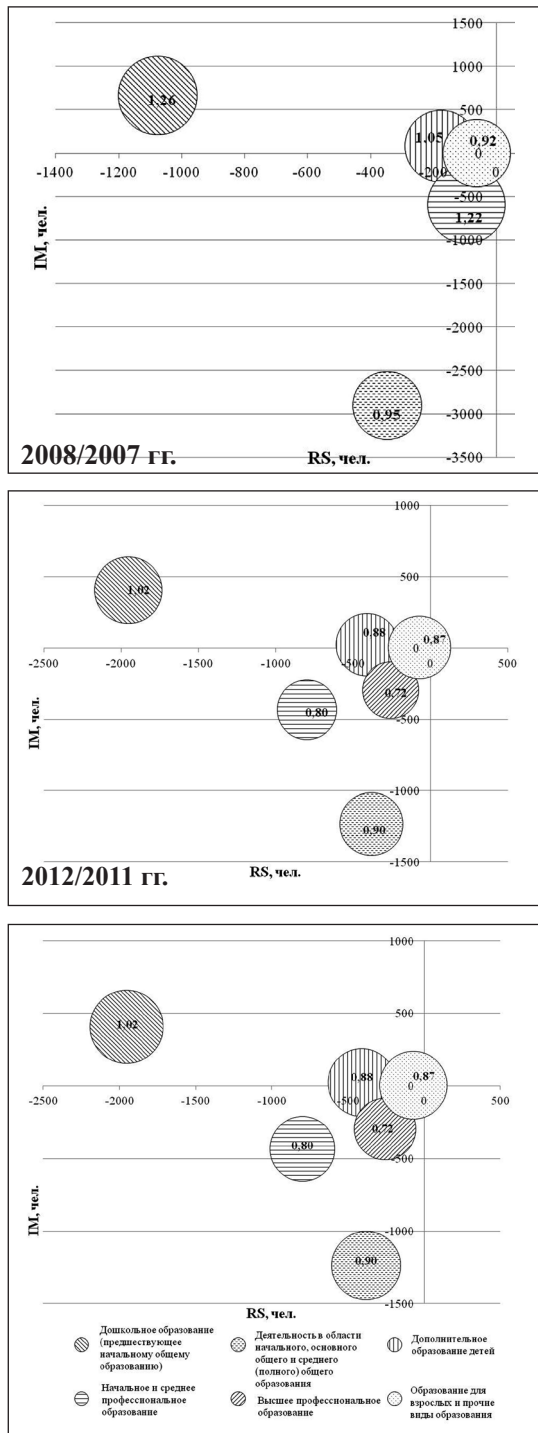
таких количественных методов, как индекс локализации и структурные сдвиги. Более подробно с результатами расчетов по этим двум методам можно ознакомиться в работе [9].

Как видно из кластерных карт, ни одна сфера образования Пермского края не может быть названа региональным лидером по совокупности критериев. В особенности за рассматриваемый период отрицательные тренды можно зафиксировать:

- по индексу локализации в сферах дошкольного образования, начального, среднего профессионального и высшего образования (в дошкольном образовании за 2007–2012 гг. LQ снизился на 21%, в начальном и среднем профессиональном – на 35%; LQ высшего образования в 2012 г. составил только 0,72);

- по *Shift-Share* анализу во всех сферах, кроме высшего образования (занятость в сферах дошкольного и школьного образования, дополнительного образования детей, начального и среднего профессионального образования, а также образования для взрослых сокращалась в основном за счет влияния регионального компонента

Рис. 2. Подклассы ВЭД «Образование» Пермского края в координатах $RS-IM$ за 2008/2007 гг. и 2012/2011 гг. с учетом коэффициентов локализации (карты кластерных компонентов)

Примечание: на рисунке диаметр пузырька – это значение коэффициента локализации подкласса. Построено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

(*RS*); только в высшем образовании *RS* принимал положительные значения дважды);

- по матрице типов отраслей (соотношение *RS* и *IM*) в сферах высшего и среднего профессионального образования, дошкольного образования и образования для взрослых.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости улучшения региональных условий развития образования в Пермском крае и являются достаточным основанием для разработки и реализации государственной кластерной политики в регионе.

Сводные результаты применения количественных методов выявления образовательных кластеров в экономике Пермского края согласно критериям (табл. 3) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Сводные результаты количественной идентификации кластеров по показателям занятости в Пермском крае (период анализа 2007–2012 гг.)

Вид экономической деятельности	Методы идентификации кластеров		
	Индекс локализации (<i>LQ</i>)	Региональный фактор (<i>RS</i>)	Соотношение <i>RS</i> и <i>IM</i>
Дошкольное образование (предшествующее начальному общему образованию)	+	-	-
Деятельность в области начального, основного общего и среднего (полного) общего образования	+	-	-
Дополнительное образование детей	+	-	-
Начальное и среднее профессиональное образование	+	-	-
Высшее образование	-	+	+
Образование для взрослых и прочие виды образования	+	-	-

Примечание: + кластерные признаки присутствуют; - кластерные признаки отсутствуют.

Необходимо отметить, что ни один из подклассов ВЭД «Образование» не соответствует всем трем критериям одновременно. Однако, учитывая тот факт, что образовательные кластеры Пермского края находятся на стадии зарождения, к числу ключевых компонентов кластеров можно отнести виды деятельности, соответствующие установленным требованиям хотя бы по одному из критериев.

В целом полученные результаты свидетельствуют о высоком кластерном потенциале сферы образования Пермского края и формировании в регионе четырех образовательных кластеров:

- 1) кластер дошкольного образования;
- 2) кластер школьного образования;

- 3) кластер дополнительного образования детей;
 4) кластер профессионального образования и повышения квалификации.

Для определения стратегических позиций образовательных кластеров в экономике региона был произведен расчет показателей «размер кластера, чел.» (среднесписочная численность работников в кластере) и «вес кластера, %» (доля занятых в кластере в общей среднесписочной численности занятых в регионе), определен LQ кластера (табл. 5).

Таблица 5

**Размер, вес и коэффициент локализации образовательных кластеров
Пермского края (2007 и 2012 гг.)**

Кластер	Размер кластера, чел.			Вес кластера, %			LQ , ед.		
	2007 г.	2012 г.	Отн. изм., %	2007 г.	2012 г.	Отн. изм., %	2007 г.	2012 г.	Отн. изм., %
Дошкольного образования	33610	27809	-17	3,52	3,20	-9	1,30	1,02	-21
Школьного образования	47558	35284	-26	4,98	4,07	-18	0,96	0,90	-6
Дополнительного образования детей	6991	5945	-15	0,73	0,69	-6	1,07	0,88	-18
Профессионального образования и повышения квалификации	27435	19716	-28	2,87	2,27	-21	0,90	0,75	-17

Примечание: Рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

В 2007 и 2012 гг. лидером по показателям «размер кластера» и «вес кластера» является кластер школьного образования; наименьшее значение по данным показателям имеет кластер дополнительного образования детей. Стоит также отметить, что все образовательные кластеры Пермского края являются сужающимися: наибольшее сокращение среднесписочной численности работников и доли занятых в общей среднесписочной численности занятых в регионе наблюдается в кластере профессионального образования и повышения квалификации (28 и 21% соответственно), наименьшее – в кластере дополнительного образования детей (15 и 6% соответственно).

На рисунке 3 при помощи матричного инструментария Бостонской консалтинговой группы показаны текущие стратегические позиции образовательных кластеров Пермского региона.

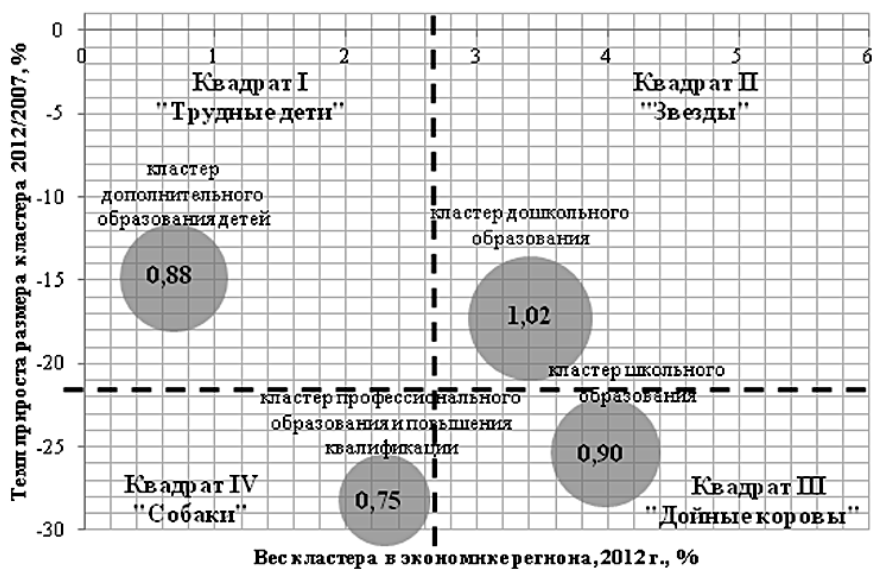

Рис. 3. Матрица «Вес кластера в экономике региона – изменение размера кластера» с учетом коэффициентов локализации кластеров, 2012/2007 гг.

Примечание: на рисунке диаметр пузырька – это значение коэффициента локализации кластера в 2012 г.

Как видно из рис. 3, кластер дополнительного образования детей имеет небольшой показатель LQ и вес в экономике Пермского края, однако по сравнению с другими кластерами у него низкие темпы снижения ключевых показателей, что свидетельствует о неопределенности будущего кластера. Поэтому кластер дополнительного образования должен быть ориентирован на поиск возможностей расширения и поддержания низких темпов снижения размера кластера, а впоследствии добиться устойчивого его роста, а также повышения веса в экономике Пермского края. Кластер дошкольного образования должен удержать текущие стратегические позиции, обеспечивающие ему возможность развивать конкурентные преимущества. Кластер школьного образования, несмотря на высокий вес в региональной экономике, имеет значительные темпы снижения размера, следовательно, ключевые направления его развития связаны с сокращением темпов снижения размера кластера и ростом показателя LQ . Кластер профессионального образования и повышения квалификации больше остальных нуждается в целенаправленном управляющем воздействии со стороны региональных властей, политика которых должна быть направлена на увеличение веса кластера в региональной экономике и противодействие тенденциям значительного снижения размера кластера и LQ .

Далее, согласно алгоритму диагностики образовательных кластеров Пермского региона (рис. 1), был использован метод экспертных оценок. Экспертам было предложено оценить ряд параметров по шкале от 0 до 4 в целях дальней-

шего выявления проблем и определения направлений развития образовательных кластеров в Пермском крае.

Нами были опрошены более 30 экспертов, распределение которых по видам профессиональной деятельности представлено на рис. 4.

Рис. 4. Распределение экспертов по видам профессиональной деятельности

Результаты оценки значимости и полноты сотрудничества образовательных организаций Пермского края друг с другом, бизнесом показаны на рис. 5.

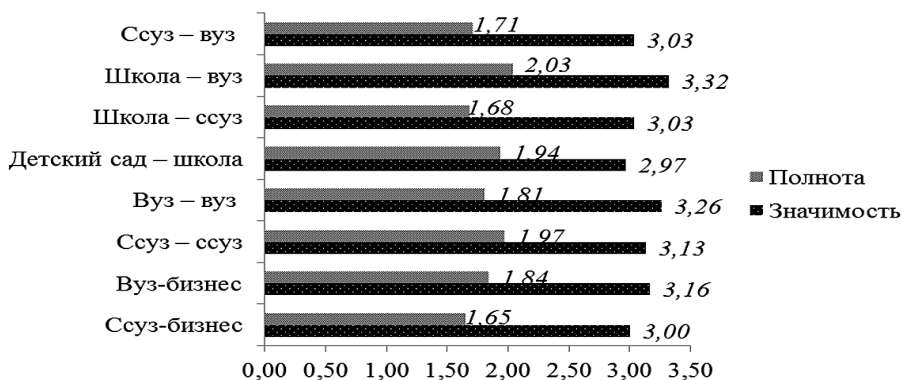

Рис. 5. Экспертная оценка уровня взаимодействия и сотрудничества образовательных организаций друг с другом и бизнесом

Примечание: 0 – отсутствие значимости и сотрудничества, 4 очень высокий уровень значимости и сотрудничества

Из рис. 5 видно, что оценка значимости всех уровней взаимодействия существенно выше, чем оценка полноты: усредненное отклонение от средней оценки по полноте сотрудничества составило $-8,67\%$, а по значимости $+55,65\%$. Следовательно, в регионе не созданы условия для установления долгосрочных партнерских взаимоотношений образовательных учреждений друг с другом и бизнесом. Решить эту проблему возможно при помощи инструментария кластерной политики.

Экспертные оценки значимости и полноты различных форм сотрудничества между образовательными организациями Пермского края представлены на рис. 6.

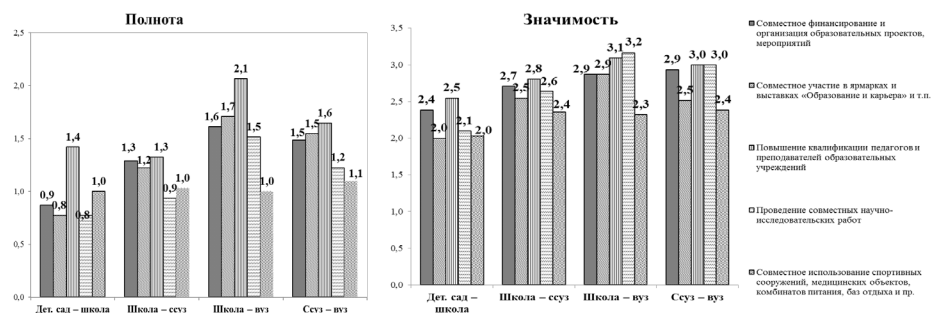

Рис. 6. Уровень развития вертикальных связей между образовательными организациями Пермского края: экспертная оценка

Согласно рис. 6, уровень развития вертикальных связей между образовательными организациями края крайне низкий при условии высокой значимости практически всех форм сотрудничества.

Результаты оценки уровня развития горизонтальных связей между профессиональными образовательными организациями Пермского края представлены на рис. 7.

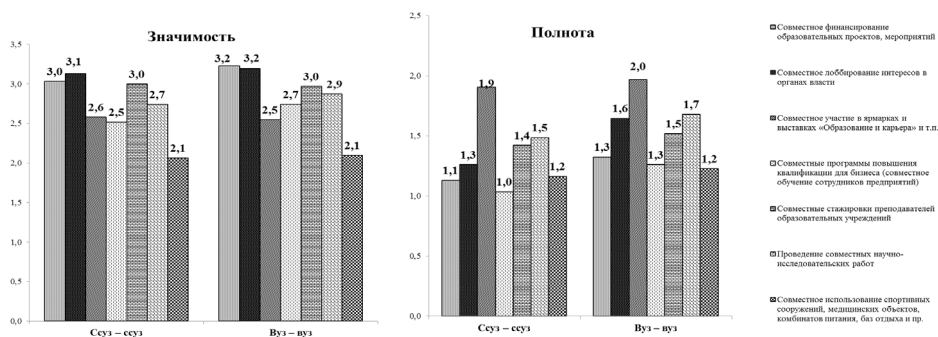

Рис. 7. Уровень развития вертикальных связей между профессиональными образовательными организациями Пермского края: экспертная оценка

Из рис. 7 также следует, что все формы взаимодействия между одноуровневыми образовательными организациями развиты слабо. При высокой значимости таких форм, как совместное финансирование образовательных проектов и мероприятий, совместное лоббировании интересов в органах власти, организация совместных стажировок преподавателей, они являются на данный момент наименее развитыми.

Интерес представляют полученные значения полноты и значимости взаимодействия организаций профессионального образования с бизнесом, в том числе с потенциальными работодателями (рис. 8).

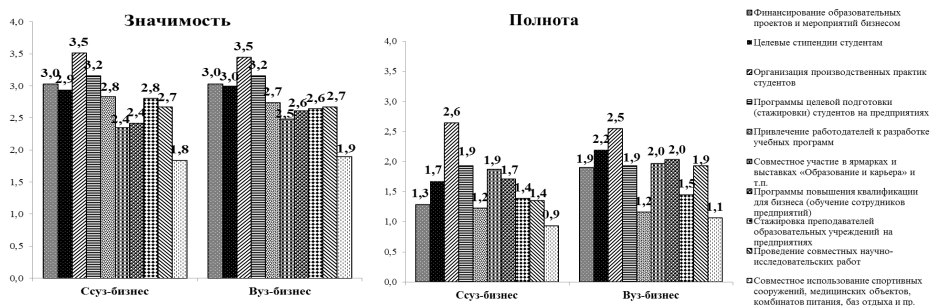

Рис. 8. Формы сотрудничества организаций профессионального образования и бизнеса: экспертная оценка

Как видно из рис. 8, оценку полноты выше среднего значения получила такая форма сотрудничества, как организация производственных практик. При этом отмечается неразвитость следующих форм сотрудничества с бизнесом: финансирование образовательных проектов и мероприятий бизнесом, привлечение работодателей для разработки образовательных программ, реализация программ повышения квалификации для предпринимателей и проведение совместных научно-исследовательских работ.

Вместе с тем следует отметить, что эксперты выше среднего оценили уровень развития всех сфер образования региона: дошкольное образование получило оценку 2,26, начальное, основное и среднее общее образование – 2,94, среднее профессиональное образование – 2,19 и высшее образование – 2,74. Конкурентоспособность образования составляют качество предоставляемых услуг, высококвалифицированный кадровый состав, устойчивый спрос на образовательные услуги, применение инновационных методов обучения и доверие к образовательным учреждениям со стороны местного сообщества (табл. 6).

Таблица 6

Факторы, составляющие конкурентоспособность образовательных услуг Пермского края: экспертная оценка

Факторы	Дошкольное образование	Школьное образование	СПО	ВО
1	2	3	4	5
Доступность образовательных услуг	2,3	2,6	2,3	2,7
Разнообразие образовательных услуг, в том числе дополнительных образовательных программ, курсов, занятий	2,4	2,6	2,3	2,8
Качество предоставляемых образовательных услуг	2,7	3,1	2,9	3,0
Гибкая ценовая политика	1,8	1,7	2,2	2,5
Устойчивый спрос на образовательные услуги	2,7	2,7	2,4	2,8

1	2	3	4	5
Материально-техническое оснащение образовательных учреждений	2,3	2,4	2,5	2,6
Высококвалифицированные кадры	2,7	3,1	2,8	3,2
Применение инновационных методов обучения, компьютерных технологий	1,7	2,6	2,7	3,1
Доверие к образовательным учреждениям	2,7	2,5	2,3	2,7
Удовлетворенность работодателей подготовкой специалистов (для профессионального образования)	-	-	2,3	2,4

Примечание: СПО – среднее профессиональное образование; ВО – высшее образование.

Результаты количественного и качественного анализа кластерных структур, формирующихся в сфере образования Пермского края, позволяют приступить к определению субъектного состава кластеров и смоделировать систему взаимодействия его основных участников.

Наибольший интерес для нас представляет сфера профессионального образования, развитие которой сегодня является наиболее важной задачей социально-экономической политики регионов РФ. Перечень задач и целей в данной образовательной подсистеме региона наиболее широкий и значимый; от их решения и достижения зависит социально-экономическое положение региона. В первую очередь данная подсистема должна обеспечить регион необходимыми специалистами, которые, в свою очередь, должны обеспечить конкурентоспособность региона и формирование в его экономике долгосрочных конкурентных преимуществ. Поэтому в настоящей статье разработана модель кластера профессионального образования и повышения квалификации.

Образовательный кластер профессионального образования и повышения квалификации в Пермском крае необходимо создавать по отраслевому принципу, т.е. данный кластер должен представлять совокупность учебных заведений, предприятий и организаций одного профиля. Такие кластеры, на наш взгляд, позволят региону качественно улучшить производственные процессы (в т.ч. за счет реализации инновационного потенциала отрасли, взаимодействия производства, образования и науки), а также повысить качество выпускаемой продукции.

Отраслевые кластеры профессионального образования и квалификации должны строиться по принципу непрерывного профессионального образования. В условиях современной экономики необходимо обеспечить механизм постоянного обновления знаний и компетенций профессиональных

кадров. Кроме того, благодаря принципам многоуровневой подготовки (преемственность, завершенность, целостность) возможно сокращение сроков профессионального образования.

Иерархическая структура разрабатываемой кластерной модели может иметь следующий вид. В центре кластерной модели – ядро кластера – должны находиться крупные образовательные организации (университеты, академии и т.п.), вокруг которых образуется зона, состоящая из более мелких и узкоспециализированных образовательных организаций, тренинги и бизнес-центров, языковых школ и т.д. – второй ярус кластера. Также ко второму ярусу относятся различные научно-исследовательские центры, опытно-конструкторские лаборатории. Факультативным элементом второго яруса данного кластера могут являться общеобразовательные организации. Таким образом, возникает кластер, в котором строятся внутренние связи между образовательными организациями, а его целью становится развитие партнерства для обеспечения более эффективной образовательной деятельности. Третий ярус отраслевого образовательного кластера составляют профильные предприятия, сертификационные и оценочные центры, органы власти, некоммерческие организации.

Концептуальная модель отраслевого кластера профессионального образования и повышения квалификации представлена на рис. 9 (разработана авторами).

Рис. 9. Концептуальная модель отраслевого кластера профессионального образования и повышения квалификации

Выгоды от создания отраслевых кластеров профессионального образования и повышения квалификации для основных субъектов экономики отражены в табл. 7. (составлено авторами по [4]).

Выгоды ключевых участников отраслевого кластера профессионального образования и повышения квалификации

Образовательные организации, НИИ, опытно-конструкторские бюро и т.п.	Предприятия	Государство
<ul style="list-style-type: none"> – Практическое внедрение и апробация новых разработок в сфере образовательного процесса; – определение областей народного хозяйства и секторов промышленного производства, нуждающихся в модернизации; – получение дополнительных доходов для осуществления своей деятельности; – приобретение информации о достижениях по специальным каналам отраслей промышленности или кластеров; – обучение молодых специалистов в рамках производственных программ; – широкое участие в государственных и региональных программах и заказах; – доступ к специальным площадкам и материально-техническому обеспечению на базе предприятий с учетом последних тенденций 	<ul style="list-style-type: none"> – Повышение квалификационного уровня персонала производства; – снижение издержек производства в связи с повышением квалификации персонала; – появление дополнительных конкурентных преимуществ от непрерывного обучения сотрудников; – стратегическое партнерство с вузами, государственными и региональными структурами в области регулирования рынка труда; – доступ к сети экспертов; – продвижение товаров, продукции, услуг и реклама предприятия; – развитие социальной ответственности предприятия 	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие региональных эффективно действующих образовательных структур; – поддержка промышленных структур, ориентированных на интенсификацию производства в регионе; – реализация мероприятий в рамках государственной и региональной политики развития приоритетных направлений исследований в различных сферах экономики; – разработка высокотехнологичных продуктов путем создания конкурентоспособных производств; – реализация образовательных и профессиональных программ в промышленном секторе экономики; – формирование в регионе необходимых правовых, организационных и экономических механизмов взаимодействий органов власти, науки, производства и бизнеса

Исходя из отраслевой специфики экономики Пермского края в регионе целесообразно развивать следующие отраслевые кластеры профессионального образования и повышения квалификации:

- машиностроительный образовательный кластер;
- нефтехимический образовательный кластер;
- строительный образовательный кластер;
- агропромышленный образовательный кластер.

На примере машиностроительного образовательного кластера представим его иерархическую ярусную структуру и модель взаимодействия основных участников (рис. 10):

1-й ярус: Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ);

2-й ярус: Пермский авиационный техникум им. А.Д. Швецова, Пермский радиотехнический колледж им. А.С. Попова, Пермский промышленно-коммерческий колледж, Пермский государственный автотранспортный колледж, Пермский политехнический колледж им. Н.Г. Славянова, Пермский техникум промышленных и информационных технологий, лаборатории при ПНИПУ, научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро, учебные центры;

3-й ярус: ЗАО «Металлист-Пермские моторы», ЗАО «Новомет-Пермь», ООО «Пламя», ОАО «Пермский мотовозоремонтный завод» и др. машиностроительные предприятия Пермского края, Министерство промышленности, предпринимательства и торговли Пермского края, Министерство образования и науки Пермского края, Пермская торгово-промышленная палата, центры оценки и сертификации кадров.

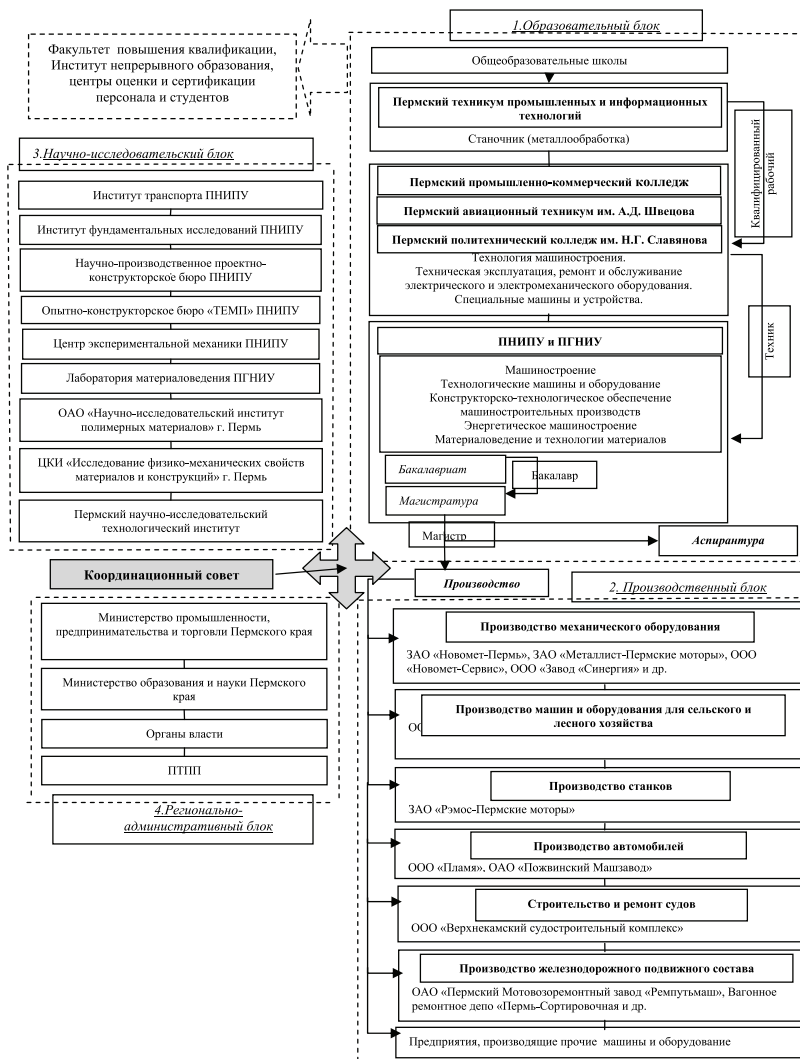

Рис. 10. Модель машиностроительного образовательного кластера Пермского края

Резюмируя вышеизложенное, обозначим ключевые направления региональной политики по формированию эффективно функционирующих образовательных кластеров в региональной экономике. Региональная кластерная политика в сфере образования Пермского края должна быть направлена на:

- создание благоприятных условий для долгосрочного взаимодействия образовательных организаций региона друг с другом (формирование и укрепление как горизонтальных, так и вертикальных связей);
- стимулирование инноваций в образовательной среде (новые технологии обучения, информатизация образовательного пространства, компьютерные технологии, позволяющие смоделировать ключевые производственные процессы (разнообразные симуляторы, специальные программные продукты);
- развитие практикоориентированного обучения путем активного включения в образовательный процесс предприятий, научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, технологических центров;
- создание организованных кластерных структур, управленческие функции в которых должна выполнять специализированная организация, заинтересованная в успехе кластерных проектов – например, координационный совет кластера как профессиональное сообщество специалистов, занимающееся развитием кластера.

Список литературы

1. *Базуева Е.В.* Соответствует ли экономическое образование в России запросам современного общества // Материалы Четырнадцатых Друкеровских чтений / под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2013. С. 41–46.
2. *Вахрушева Н.И.* Образовательный кластер как форма инновационного развития региона // Экон. науки. 2009. № 8. С. 385–387.
3. *Журавлева М.В.* Профессиональная подготовка кадров на основе кластерного подхода // Вестн. Высшей школы Alma mater. 2010. № 2. С. 50–56.
4. *Ивасенко Л.В., Джумаева Р.А.* Инновационный образовательно-производственный кластер. Проблемы формирования // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2010. № 1. С. 29–33.
5. *Карлина Т.В.* Идентификация ядер региональных экономических кластеров на основе анализа структурных сдвигов в условиях циклично развивающейся экономики // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Экономика. 2011. Вып. 4 (11). С. 18–29.
6. *Кластерная политика* [Электронный ресурс] // М-во промышленности, предпринимательства и торговли Перм. края. URL: <http://mintorg.permkrai.ru/section/show/13605> (дата обращения: 08.08.2014).
7. *Ковалева Т.Ю.* Алгоритм идентификации и оценки кластеров в экономике региона // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Экономика. 2011. № 4. С. 30–40.

8. Ковалева Т.Ю. Сравнительный анализ трактовок и моделей формирования образовательных кластеров // Вестн. УрФУ. Сер.: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 155–163.
9. Ковалева Т.Ю., Балеевских В.Г. Результаты идентификации образовательных кластеров в Пермском крае // Экон. и соц. науки: прошлое, настоящее и будущее. Материалы III Междунар. заочной научн.-практ. конф., 30 апреля 2014 г. М.: ИД «Экон. газета», 2014. С. 548–551.
10. Корчагина Н.А. Образовательные кластеры как основа повышения конкурентоспособности учебных заведений // Прикаспийский журн.: управление и высокие технологии. 2009. № 3. С. 78–84.
11. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: ООО ИД «Бюджет», 2010. 272 с.
12. Матушанский Г.У., Гарифуллина Р.Р., Бакеева Р.Ф. Инновационные территориальные образовательные кластеры: зарубежный и отечественный опыт // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2014. № 1, т. 17. С. 354–358.
13. Миролюбова Т.В. Региональные экономические кластеры в системе стратегического планирования: методы идентификации // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 11. С. 39–49.
14. Миролюбова Т.В., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров. Пермь, Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2013. 280 с.
15. Муниципальная кластерная политика [Электронный ресурс]. URL: http://economamursk.ucoz.ru/dir/o_klasterakh/15 (дата обращения: 08.08.2014).
16. Основные кластеры Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Портал Правительства Республики Татарстан. URL: <http://ppt.tatarstan.ru/programproiztruda-1-1.htm> (дата обращения: 01.08.2014).
17. Петров А.П. Модель типологизации кластеров // Ars Administrandi. 2013. № 4. С. 5–16.
18. Смирнов А.В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе. Казань: РИЦ «Школа», 2010. 102 с.
19. Соколова К.С. Использование кластерного подхода в целях повышения конкурентоспособности системы образования: сравнительный анализ международного опыта // Современ. исслед. соц. проблем. 2010. № 4.1 (04). С. 531–541.
20. Федоров М.В. Инновационно-образовательные кластеры: механизмы формирования и управления [Электронный ресурс]. URL: [science.usue.ru/attachments/571_Doklad1.11.11%20\(Klasteri\).ppt](http://science.usue.ru/attachments/571_Doklad1.11.11%20(Klasteri).ppt) (дата обращения: 12.07.2014).
21. Фурин А.Г. Образовательный кластер как инструмент улучшения качества человеческого капитала // Креатив. экономика. 2014. № 4 (88). С. 70–77.
22. Юрьев В.М., Чванова М.С. Теоретические основы подготовки специалистов наукоемких специальностей: становление университета как центра инновационно-образовательного кластера // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2007. Вып. № 10 (54). С. 7–13.
23. Applying Shift-Share Analysis (SSA) on LEADER + Initiative Local Action Groups in Greece. Deliverable 8.1: Case-study report. Aristotle University of Thes-

saloniki, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rudi-europe.net/uploads/media/Case-study_Greece_2_01.pdf (дата обращения: 04.07.2014).

24. Bergman E.M., Feser E.J. Industrial and Regional Cluster: Concepts and Comparative Applications [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/contents.htm> (дата обращения: 04.07.2014).

25. Culatta R. Accelerating Innovation in Educational Technology. EDU-CAUSE Review. 2012. November/December [Электронный ресурс]. URL: <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ERM1262.pdf> (дата обращения: 09.07.2014).

26. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November - December [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition/ar/1> (дата обращения: 20.03.2014).

Получено 27.11.2014

References

1. Bazueva, E.V. (2013), “Does economic education in Russia correspond to the modern society requests?”, *Materialy Chetyrnadcatyx Drukerovskix chtenij* [Proceedings of the Fourteenth Drucker readings], in Nizhegorodcev, R.M. (ed.), ООО “NIPKC Voshod-A”, Moscow, Russia, pp. 41–46.

2. Vahrusheva, N.I. (2009), “Educational cluster as a form of regional innovation development”, *E'konomicheskie nauki*, no. 8, pp. 385–387.

3. Zhuravleva, M.V. (2010), “A professional personnel training based on the cluster approach”, *Vestnik Vysshej shkoly Alma mater*, no. 2, pp. 50–56.

4. Ivasenko, L.V. and Dzhumaeva, R.A. (2010), “Innovation educational and production cluster. Problems of formation”, *E'konomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy*, no. 1, pp. 29–33.

5. Karlina, T.V. (2011), “Identification of nuclei of regional economic clusters on the basis of shift-share analysis in the conditions of economy developing in cycles”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: E'konomika*, no. 4 (11), pp. 18–29.

6. The official site of the Ministry of Industry, Business and Trade of Perm Krai (2014), “The cluster policy”, available at: <http://mintorg.permkrai.ru/section/show/13605> (Accessed 8 August 2014).

7. Kovaleva, T.Yu. (2011), “Algorithm of identification and evaluation of regional clusters”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: E'konomika*, no. 4, pp. 30–40.

8. Kovaleva, T.Yu. (2014), “Comparative analysis of the interpretations and models of educational clusters formation”, *Vestnik URFU. Seriya: E'konomika i upravlenie*, no. 4, pp. 155–163.

9. Kovaleva, T.Yu. and Baleevskix, V.G. (2014), “The results of educational clusters identification in Perm Krai”, *E'konomicheskie i social'nye nauki: proshloe, nastoyashhee i budushhee. Materialy III Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Economic and social sciences: past, present and future. Proceedings of the III International correspondence scientific-practical conference], ID “E'konomicheskaya gazeta”, Moscow, Russia, pp. 548–551.

10. Korchagina, N.A. (2009), "Educational clusters as a basis of increase of educational institutions competitiveness", *Prikaspijskij zhurnal: upravlenie i vysokie texnologii*, no. 3, pp. 78–84.
11. Makarov, V.L. (2010), *Social'nyj klasterizm. Rossijskij vyzov* [The social clusterism. Russian challenge], OOO Izdatel'skij dom "Byudzhnet", Moscow, Russia, 272 p.
12. Matushanskij, G.U., Garifullina, R.R. and Bakeeva R.F. (2014), "Innovative territorial educational clusters: foreign and domestic experience", *Vestnik Kazanskogo texnologicheskogo universiteta*, vol. 17, no. 1, pp. 354–358.
13. Mirolyubova, T.V. (2011), "Regional economic clusters in the system of strategic planning: identification methods", *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 11, pp. 39–49.
14. Mirolyubova, T.V., Karlina, T.V. and Kovaleva, T. Yu. (2013), *Zakonomernosti i faktory formirovaniya i razvitiya regional'nyx klasterov* [Regularities and factors of regional clusters formation and development], Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta, Perm, Russia, 280 p.
15. Economamursk.ukoz.ru (2014), "Municipal cluster policy", available at: http://economamursk.ucoz.ru/dir/o_klasterakh/15 (Accessed 8 August 2014).
16. The official site of Government of the Republic of Tatarstan (2013), "The main clusters of the Republic of Tatarstan", available at: <http://ppt.tatarstan.ru/programproiztruda-1-1.htm> (Accessed 1 August 2014).
17. Petrov, A.N. (2013), "Model of clusters classification", *Ars Administrandi*, no. 4, pp. 5–16.
18. Smirnov, A.V. (2010), *Obrazovatel'nye klastery i innovacionnoe obuchenie v vuze* [Educational clusters and innovative education in a university], RIC "Shkola", Kazan, Russia, 102 p.
19. Sokolova, K.S. (2010), "Using the cluster approach to enhance the competitiveness of the education system: a comparative analysis of international experience", *Sovremennye issledovaniya social'nyx problem*, no. 4.1 (04), pp. 531–541.
20. Fedorov, M.V. (2014), "*Innovative educational clusters: mechanisms of formation and management*", [Online], available at: [science.usue.ru/attachments/571_Doklad1.11.11%20\(Klasteri\).ppt](http://science.usue.ru/attachments/571_Doklad1.11.11%20(Klasteri).ppt) (Accessed 12 July 2014).
21. Furin, A.G. (2014), "Educational cluster as an instrument to improve the quality of human capital", *Kreativnaya e'konomika*, no. 4 (88), pp. 70–77.
22. Yurev, V.M., Chvanova, M.S. (2007), "The theoretical foundations of high-technology specialists training: establishment of the university as a center of innovative educational cluster", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (54), pp. 7–13.
23. Rural Development Impacts (2010), "Applying shift-share analysis (SSA) on LEADER + Initiative local action groups in Greece. Deliverable 8.1: Case-study report", Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece, available at: http://www.rudi-europe.net/uploads/media/Case-study_Greece_2_01.pdf (Accessed 4 July 2014).
24. Bergman, E.M. and Feser, E.J. (1999), "Industrial and regional cluster: concepts and comparative applications", [Online], available at: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/contents.htm> (Accessed 4 July 2014).

25. Culatta, R. (2012), “Accelerating innovation in educational technology. EDUCAUSE review”, [Online], available at: <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ERM1262.pdf> (Accessed 9 July 2014).

26. Porter, M.E. (1998), “Clusters and the new economics of competition”, [Online], *Harvard Business Review*, November-December, available at: <http://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition/ar/1> (Accessed 20 March 2014).

MODELLING OF EDUCATIONAL CLUSTERS TO DEFINE THE DIRECTIONS OF THE STATE REGIONAL DEVELOPMENT POLICY (THE CASE OF PERM KRAI)

Tatyana Yu. Kovaleva

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: kovalevatu@yandex.ru

Victoriya G. Baleevskikh

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: viktoriya-baleevskikh@mail.ru

The article provides an approach and algorithm of diagnostics of educational clusters, criteria of their identification and the model of a branch cluster of professional education and training. Having applied a number of quantitative and qualitative methods of cluster analysis, the authors found that the economy of Perm Krai is characterized by four potential educational clusters, the development of which should be a priority of educational policy in the region.

Key words: educational clusters; algorithm of identification; regional economy; cluster economic policy

УДК 39:332.122(470.345)

А.С. СОЛДАТОВА, аналитик

АНО Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий
«Научный ресурс», г. Саранск, ул. Коваленко, 30
Электронный адрес: anasoldatova@mail.ru

Е.В. ШИРМАНОВ, аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Электронный адрес: ev-gen.shirmanov@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО, ЭТНИЧЕСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО В ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ МОРДОВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Идентичность – собирательный концепт, монтируемый из различных уровней, которые, в свою очередь, складываются из наполняемости реальными фактическими практиками матрицы групп первичных источников идентификации (гендерной, профессиональной, религиозной и т.д.). В связи с этим важность приобретает проблематика соотношения различных компонентов в конструкте идентичности, или в терминологии З.А. Жаде – «множественной» или «интегральной» идентичности [2]. Вопрос актуален при изучении российской практики, где формирование национальной идентичности

представляет сложный и противоречивый процесс, от успешности которого зависят условия существования и развития страны. Особой значимостью и сложностью отмечена проблема становления идентичности в регионах России. И не только в рамках «национального» и «регионального», но и в вопросах конфигурации этнической и региональной идентичностей.

В статье приводятся результаты прикладного исследования – материалы серии фокус-групп в Республике Мордовия, проведенных в ноябре 2014 года. Рассмотрена территориальная идентичность жителей региона, анализируется соотношение уровней: общенационального, этнического, регионального. Авторы приходят к выводу, что уровень системы идентичности «мы – жители России» превалирует в конфигурации уровней жителей изучаемого региона. Поволжье слабо отражено в символической системе идентичности жителей Мордовии. «Этническое» (мордовское) является основой для региональной системы идентичности жителей Республики Мордовия, в том числе для русских и переехавших в регион людей.

Ключевые слова: идентичность; общенациональная идентичность; этническая идентичность; региональная идентичность; символ; символическая политика; брэнд; логотип; вернакулярный район; территория; регион

¹ Статья выполнена в рамках социально значимого проекта «Ценности и символы государственно-гражданской идентичности современного российского общества: локальное измерение (на примере ПФО)». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Авторы разграничивают эти два вида идентичностей, так как видят в этих феноменах разные основания, механизмы формирования и отождествления. Этнический уровень – «разумеющаяся данность», которая базируется на естественном восприятии «своей» общности. Она определяется моментально, с рождением, и «включается» культурным окружением. В отличие от этнической, региональная идентичность в обобщенном виде задается двумя базами, которые вписываются друг в друга, – социальным самочувствием и спецификой территории. Согласимся с М.Н. Губогло, который относит к перечню «продуктов» региональной идентичности «качество жизни, инфраструктуру, образование, здравоохранение, работу, участие в общественно-политической и культурной деятельности» [1, с. 183]. М.В. Назукина представляет их как «уникальный “набор” проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и дискурсивных практик, конституирующих региональную самость» [4, с. 18].

Оба этих уровня локализованы и регулируются в большей степени коммуникативными, а не нормативными установками и представляют собой политическую общность с собственной «обособленной» системой ценностей.

Вероятно, у жителей неоднородных по национальному признаку регионов России (если мы не рассматриваем феномен русской этничности) присутствуют оба уровня. Это соотношение составляет базу как для общенациональной идентичности, так и для возможностей регионального развития. Первое обуславливается основным посылом для вхождения в более «масштабный» социум, второе – способами и формами самоорганизации территории.

Для фрагментации и детализации проблематики выбрана Республика Мордовия и ее административный центр Саранск, где проживает треть всего населения. Как и другие города Поволжья, он представляет собой тип небольших городских пространств – провинций со сходной для большинства российских городов социальной, политической и культурной средой, демонстрирующих общие тенденции в формировании и развитии политической идентичности. Вместе с тем Саранск, как и многие подобные города Поволжья, специфичен. Его жители обладают разными этническими и конфессиональными идентичностями, объединяя на своей территории русских, мордву, татар, украинцев, армян.

Наиболее измеряемыми в контексте проблематики являются отраженные в массовом сознании символы идентичности – социальные конструкты, способствующие возникновению ощущения сопричастности, ориентации на принятие ценностей, включению в жизнь социальных групп. Декодирование их элементов с помощью самого человека – своего рода возможность понять его смысловое значение, проанализировать ценностные ориентации, а также отследить реакцию на целенаправленные мероприятия по формированию того или иного уровня территориальной идентичности.

С этой целью коллективом исследователей была проведена серия фокус-групп в рамках социально значимого проекта «Ценности и символы государственно-гражданской идентичности современного российского общества: локальное измерение (на примере ПФО)».

Для эффективного исследования в республике отбор жителей Саранска

осуществлялся по следующим критериям: 1) проживание в Саранске (с рождения, до 1 года, до 5 лет, до 10 лет, более 20 лет); 2) определенная национальная принадлежность (мордвин (мордовка) (около 50%), русский (русская) (около 40%), татарин (татарка) (около 10%); 3) принадлежность к различным социальным группам.

Опорным материалом для исследования явились символьные системы идентичности. Символы были разделены для анализа на

– «символы государственной власти», которые чаще представлены территорией, гербом, флагом, гимном;

– «гражданские символы»: брэнды гражданских проектов, исторические события, культурные деятели, торговые марки и проч.

Также выделены «специфические элементы» в структуре символики жителей Мордовии:

– символика «этноса» (например, мордовский национальный орнамент, восьмиконечная розетка, финно-угорский символ солнца, бордовый (мореный) цвет и иные солярные символы);

– символика «региона» (логотипы учреждений и предприятий, товаров, мероприятий и др.).

Для исследователей были интересны представления жителей о своем месте обитания, границах т.н. вернакулярного района. Специалисты часто соотносят эти границы с территорией Поволжья. Так, например, Р.Ф. Туровский выделил Поволжье в ряду таких макрорегионов России, как Центр, Север, Юг, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Причем, по мнению автора, это «деление было отражено в советских экономических районах, которые имели неплохой культурно-исторический смысл» [5, с. 155]. Поэтому анализу подверглась и символическая система идентичности уровня «мы – жители Поволжья».

Соответственно целям исследования все демонстрируемые символы были разделены на тематические блоки.

Блок «символы России» получился одним из самых дискуссионных. Оценки государственных символов: герба и флага, – оказались достаточно ожидаемыми. С одной стороны, официальная государственная символика – атрибут отождествления себя с Россией: «...как-то встаешь утром и смотришь, и чувствуешь себя частью России»; или «... он [герб] вызывает смятение. Герб и не должен вызывать чувство радости или еще что-то, он отражает нашу страну и он вызывает гордость, в то же время какое-то опасение, что ты можешь сделать что-то не так, навредить стране, поэтому больше это чувство ответственности». При этом он включает национальную идею и ее смыслы: «Тут [на гербе] установление справедливости, то величие, к которому мы должны стремиться. Зло на нем побеждено, и мы должны к этому стремиться. В этом смысл этого герба».

С другой стороны, ассоциации сразу приводят к размышлениям о власти имущих и отождествлению «государственного» с политиками и чиновниками. Показательной является дистанцированность от государственных и политических институтов власти. Формирование более широкого уровня – социальной идентичности, вероятно, проходит в том числе и через объединение государственных чиновников и политиков в группу «они», «другие». Так,

один из респондентов о гербе РФ сказал: *«Видишь символику, и сразу вспоминаются довольные сытые лица политиков и государственных деятелей, они там собираются на послание»*. Тогда как в группу «мы» включаются другие группы: *«А вот образ простого россиянина или огромного количества россиян, заводчан, студентов и преподавателей не возникает»*. Данное высказывание может сигнализировать о переадресации негативного отношения и противопоставления «нам» общенационального, связанного с государственными интересами («их» интересы).

Наиболее обсуждаемым стал вопрос о соотношении «имперских» и «советских» элементов официальной символики, который перешел в плоскость видения истории и наследия двух эпох. Прослеживается отторжение и той, и другой систем символов «прошлого» (заметно не коррелирует с возрастом участников): *«нужно убрать какие-то имперские символы, Россия ведь демократическое государство»*; *«к советским символам по-разному отношение складывается, я вижу в них негатив»*, и проч.

Рис. 1. Демонстрируемая на фокус-группе схематическая карта России

Участники фокус-группы отказались рассуждать на тему вариантов внесения изменений в государственную символику, дискуссия безальтернативно сошла на нет после реплики одного из участников: *«Герб – это та вещь, которую, как Родину, не стоит и даже не нужно выбирать. Мы с вами говорим не о каких-то брэндах, это ведь не брэнд. Это герб»*.

Демонстрация схематичной карты Российской Федерации вызвала ряд прогнозируемых вопросов респондентов: *«Почему на карте нет Крыма?»*, *«Учтен ли Калининград?»*, а также комментарии по поводу недостатков в части содержания карты, например об отсутствии на карте государств-соседей: *«Что у нас нет окружения, вы это имеете в виду? Что мы в изоляции и нам никто руки не подаст?»*, но и одобряемый всеми участниками ответ: *«А мы всегда так жили, и нас это никогда не смущало»*. Стоит уточнить, что данное фокус-групповое исследование проходило в ноябре 2014 г., во время «второго пакета» санкций против России, из чего можно заключить, что данное событие могло сказаться на направленности дискуссии. Вопрос об изоляции стал

достаточно острым и вызвал неподдельный интерес всех участников. Однако можно было проследить и включение адаптивного механизма к ситуации – через «возвращение» к самобытности и самоорганизации.

Выявлено особое отношение к России «военно-оборонительной». Тема Великой Отечественной войны становится опорной в государственно-гражданской идентичности, через нее происходит прямой отсыл к патриотизму, и, наоборот, при обсуждении темы патриотизма респондентами моментально поднимается тема «великих подвигов дедов».

На вопрос о том, на что может побудить государственная символика, мнения сходились на общепринятом «*я в армию пошел*», «*налоги плачу*» и др. В основном были отражены только конституционные обязанности. Довольно показательными были ответы следующего типа: «*приходится ходить на митинги и всякие мероприятия. И я бы был согласен, но ведь сгоняют не на добровольной основе*». Как и в предыдущем блоке, красной нитью, проходящей через все понятия об истинно гражданских действиях, являлась тема Великой отечественной войны: «*Это, смотря какие праздники бывают. Есть 9 Мая. Тогда гордостью наполняется душа, когда видишь флаг*». В этой тематике отражается стремление быть частью этой истории: «*...ассоциируется с какими-то нашими победами. Видишь такие страдания и борьбу народа, частью которого ты являешься*».

Наиболее часто упоминаемые символы-ассоциации «российскости» выстроились в смысловые цепочки. Набор достаточно стандартный, однако интересна сама последовательность воспроизведения ассоциаций: 1) символы властно- и персоно-идентичности (термин, обоснованный Н. Петровым [3]) (Путин, Кремль (как место локализации власти); 2) государственные символы (флаг, герб); 3) символы-клише (медведь, балалайка, водка); 4) характеристики территории (большая, холод, морозы).

Обсуждение перечня символов показал некоторые существенные тенденции в видении обществом «себя». Проводя аналогии с медведем как традиционным символом, респонденты отмечали как «добродушие», так и «ярость». Хотя ярко заметен тот факт, что «медведь» переходит из плоскости идентификации с Россией в политизированную плоскость, однозначно воспринимаемая как логотип политической партии «Единой России», и приобретает специфичный оттенок восприятия.

Рис. 2. Демонстрируемое на фокус-группе олимпийское лоскутное одеяло (элемент визуального образа Сочи-2014)

Еще один затронутый в дискуссии символ – «лоскутное одеяло».

Считывание его происходит с точки зрения отождествления с многонациональностью, которая воспринимается с положительным знаменателем. Например, респондент замечает *«...мы разные, при этом мы добрые, потому что одеяло – это то, что укрывает»*. И даже просматривается запрос на российскую специфику: *«...можно было бы даже показать через лоскутки разные национальности, что проживают на нашей территории, это было бы правильно»*.

Конструкт «нашего» героя «нашего» времени собирался из двух противоположных систем ценностей, в объяснениях респондентов – тот, образ которого насаждается, и одобряемый «россиянин». В первом случае логика такова: *«... мы многое из Запада берем, поэтому этот человек – это успешный бизнесмен»* или *«... в основном у нас ориентировано все на получение дохода, чем больше у человека денег, тем больше у него влияния»*. Общественно одобряемый и признаваемый в качестве образца – россиянин *«справедливый, сильный, миролюбивый, ответственный, добротный»*, его социальная роль – *«простой рабочий»*.

Далее обсуждался блок с вопросами о региональной символике. Отражение локального уровня идентичности как любви к своей «малой Родине» отчетливо удалось проследить через определение понятия «россиянин». Один из респондентов указывает: *«...тут у меня возникает образ моих родителей, моих предков. То, что они родились здесь, жили, строили настоящее свое и будущее своих детей»*. Тогда как второй опрашиваемый, наоборот, проявляет свою общенациональную идентичность: *«Я – гражданин России, а Россия – это величие»*.

Опрос показал, что символы региона наиболее встречаются (запоминаются) участникам на мероприятиях, где символика носит «побочный» характер. Вместо классических вариантов (торжественные мероприятия, государственные и региональные праздники, здания институтов власти и учреждений) были названы спортивные соревнования, новостные программы на телевидении, орнамент одежды, символ технопарка, брусчатка на площади и др. Интересно тот факт, что, даже разбирая региональные символы, респонденты отвечали, что связывают их с В.В. Путиным, его визитами в республику, отмечая, что символика чаще выказывается именно в такие дни.

Понимание официальных региональных символов не всегда совпадало. Однозначно узнаваемы в гербе Республики Мордовия символы, отражающие тяготение к сельскому хозяйству как вектору хозяйственного развития: *«... сельское хозяйство у нас в символике, ну и еще охота разрешена»*, *«тут колосья, это говорит о том, что у нас земля плодородная»*. Меньше известны детали, связанные с соляными знаками (используемые у финно-угорских народов).

Плохо узнаваемы символы советского периода (кроме участников старше 40). Однако они легко считываются.

О гербе Саранска советского периода (утвержден в 1967 г.): *«...это символ преобразователей, то есть это “Электровыпрямитель” и ламповый завод “Светотехника”*; *«...тут у нас отражена вся наша основная промышлен-*

Рис. 3. Герб Республики Мордовия

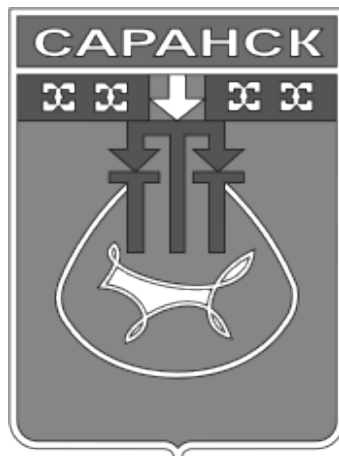

Рис. 4. Советский герб города Саранска

ность, лиса вот из вольфрамовой проволоки»; «...мы тогда были столицей света».

Отношение к колориту региона складывается из внешнего и внутреннего измерения. Если вопросы касались оценки этнических символов и логотипов, содержащих их составные элементы, то ответы начинали носить характер неодобрительности излишнего размаха их демонстрации: «...ну очень сильно бросается в глаза»; «...слишком какое-то аляпистое»; «...красное, разухабистое». Но если те же самые вопросы задавались в плоскости представления региона на общероссийском и международном уровнях, то это «национальное» виделось «уникальным». Один из респондентов так оценил ситуацию: «...и как здесь нам легко, все есть, костюм есть, особенный, уникальный, ни у кого такого нет. Пожалуйста, выезжай, показывай, рассказывай о себе».

В рамках этой тематики был поднят вопрос о допустимом соотношении «республиканского» и «общенационального». В целом были высказаны две точки зрения. Первая часть респондентов одобрила демонстрацию регионального только на уровне общероссийского. Остальные участники склонялись к мнению, что даже на уровне государства не всегда уместно быть отдельной единицей со своим символично-смысловым полем, а только тогда, когда многообразие – основной лейтмотив соответствующих мероприятий. Например, подобные выражения: «...потому что у страны есть свои официальные символы. Если каждый будет со своими символами, то что тогда?»; и первое мнение: «...если мы говорим о том, что это какое-то официальное представительство, они [символы] должны представлять и ассоциироваться с Россией»; «...нужны какие-то единые символы, чтобы показать, что Россия единый народ, и у нас есть символы, которые объединяют, в принципе, всю страну». Правда, многие признали, что вряд ли за границей или даже в отдаленных регионах представляют, где находится Мордовия, тем более способны узнать ее по символике. В данном контексте регионализм если и находит свое выражение в республике, то скорее является сугубо культурным: «...нужно чаще показывать свою уникальность. Я имею в виду, что в России единствен-

Рис. 5. Эмблема исторического праздника 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (отмечался в 2012 г.)

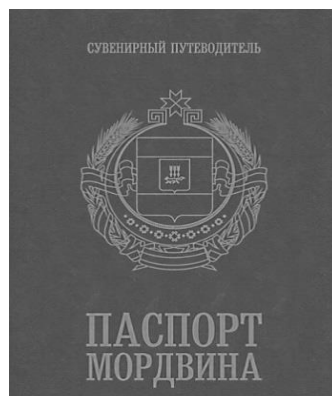

Рис. 6. Сувенирный путеводитель по истории и культуре мордовского народа «Паспорт мордвина»

ное должно быть – многообразие, вот это самое главное. Каждый народ тут должен чувствовать себя комфортно, так Путин говорил даже».

Отношение к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, которое отмечалось в Мордовии в 2012 г., выступает своеобразным индикатором понимания жителями республики своей «множественной» принадлежности и идентичности.

При обсуждении символов события считывания были разнообразные. В основном дискуссия строилась вокруг темы о связи региона с другими и о его роли в развитии страны. Мордовия представлялась как отдельный регион со своими традиционными коммуникационными связями, как корабль между Волгой и Окой, взаимодействующий с соседями по берегам рек, а также как часть России, где российское государство, в состав которого входит Мордовия, и есть ладья и она движется в определенном направлении.

По мнению респондентов, презентационный сувенир из Мордовии – это мордовский («этнический») сувенир или набор продовольственных продуктов, который, в принципе, можно рассматривать как региональный (по виду специализации хозяйства в регионе). Наиболее удачными сувенирами из Мордовии участники считали мордовский бальзам, местные конфеты и сгущенку, сырокопченые изделия: «...колбаса и сгущенка – наши бренды в продовольственном мире»; «...наша сгущенка на самом деле самая лучшая, она всех приводит в восторг и стоит всего ничего трехлитровая банка». Вместе с тем, кроме продовольственных товаров, назывались подарки, отражающие этнический колорит: паспорт мордвина, футболка с надписями на мордовском языке, мордовские куклы и шкатулки.

Наблюдателям удалось уловить элементы персоно-идентичности на уровне региона, сформированной вокруг фигуры экс-главы республики Н.И. Меркушкина. Участниками фокус-групп наличие сильного лидера было

увязано с особенностями древнемордовского народа, в том числе проведены аналогии с Тюштей (легендарный мордовский царь, с его именем связаны представления о возникновении, становлении и гибели древнего объединённого мокшанского и эрзянского государств). Меркушкина отождествляли с самым ярким представителем этноса, приписывая ему честь возрождения региона и его административного центра: «...конечно, любого спроси. Потому что люди, которые приезжают сюда, видят город, какой он позитивный, чистый, нормальный город. Так что он [Меркушкин] – хороший наш символ».

Символьно-смысловая система Поволжья оказалась мало знакома участникам фокус-группы. Из представленных логотипов (Молодежный форум ПФО «iВолга», региональная экологическая фотовыставка «Среда обитания. Живая Волга», площадка молодежных субкультур Поволжья, рок-концерт «Рок над Волгой» и др.) участники (более младшего возраста) с трудом идентифицировали только форум «iВолга». По мнению самих респондентов: «...а что, эти символы с таких серьезных мероприятий?»; «...странно, мне они совсем не знакомы». Скорее всего это результат отсутствия целенаправленных шагов и мероприятий по формированию поволжской территориальной идентичности. Также причиной может являться слабая включенность республики в общеповолжские мероприятия. Но, с другой стороны, последующая за показом символов дискуссия частично подтвердила отсутствие «народного» признания Поволжья как своего вернакулярного района.

Подведем краткий итог, настолько, насколько позволяет это сделать выбранный нами прикладной метод исследования проблематики.

1. Уровень системы идентичности «мы – жители России» превалирует в конфигурации уровней жителей изучаемого региона.

2. «Этническое» (мордовское) является основой для региональной символично-смысловой системы идентичности жителей Республики Мордовия, в том числе для русских и переехавших в регион жителей.

3. Отношение к «этническому» (национальному колориту региона) складывается из нескольких измерений. Жители довольно критически оценивают излишнюю трансляцию и демонстрацию своего «этнического» на внутрорегиональном уровне, но на общероссийском и международном – оно представляется «уникальным», важнейшим в представлении региона.

4. Поволжье как более крупный регион места проживания слабо отражен в символической системе идентичности жителей Мордовии.

Список литературы

1. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
2. Жаде З.А. Российская идентичность как многоуровневая структура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm> (дата обращения: 11.02.2015).
3. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и регион. идентичности в России / под ред. Т. Хопф. СПб.: Летний сад, 2003. 256 с.

4. Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионоведение. 2011. № 4. С. 12–18.
5. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.

Получено 01.03.2015

References

1. Guboglo, M.N. (2003), *Identifikaciya identichnosti: E'tnosociologicheskie ocherki* [Identification identity: Ethno-sociological essays], Nauka, Moscow, Russia, 764 p.
2. Zhade', Z.A. (2008), “*Russian identity as a multi-level structure*”, [Online], available at: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm> (Accessed 11 February 2015).
3. Petrov, N. (2003), “Formation of regional identity in modern Russia”, in Xopf, T. (ed.), *Centr i regional'nye identichnosti v Rossii* [The center and regional identities in Russia], Letnij sad, St. Petersburg, Russia, 256 p.
4. Nazukina, M.V. (2011), “Structural levels of regional identity in modern Russia”, *Regionologiya*, no. 4, pp. 12–18.
5. Turovskij, R.F. (2003), *Sootnoshenie kul'turnyx landshaftov i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii* [Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia], Gelikon Plyus, St. Petersburg, Russia, pp. 139–173.

NATIONAL, ETHNIC AND REGIONAL IDENTITIES OF INHABITANTS OF MORDOVIA (BASED ON APPLIED RESEARCH)

Anna S. Soldatova

*Autonomous non-profit organization Center of science, analytics, educational and social technologies “Scientific resource”, 30 Kovalenko str., Saransk, 430013, Russia
E-mail: anasoldatova@mail.ru*

Evgeny V. Shirmanov

*Ogarev Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russia
E-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru*

The article contains the results of applied research – materials of focus groups, held in the Republic of Mordovia in November 2014. Territorial identity of the region’s inhabitants is considered, the ratio of national, ethnic and regional levels is analyzed. The authors conclude that the level of identity “we are the citizens of Russia” is more important than other identity levels. Volga region is poorly reflected in the symbolic system of the Mordovia inhabitants identity. “Ethnic” (Mordovian) is the basis for the regional identity of the inhabitants of the Republic of Mordovia, including Russians and people who have moved into the region.

Key words: identity; national identity; ethnic identity; regional identity; symbol; symbolic politics; brand; logo; vernacular region; territory; region

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 332.1+330.52

О.Б. ГАНИН, к.экон.н., доцент кафедры финансов, кредита и биржевого дела, начальник управления стратегического развития
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: OVGanin@yandex.ru

И.О. ГАНИН, аспирант, ст. преподаватель кафедры предпринимательства и экономической безопасности
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: ganinio@bk.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МУНИЦИПАЛИТЕТА: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Решение задачи обеспечения устойчивого социально-экономического развития российской экономики с ориентацией на повышение уровня жизни населения предполагает необходимость определения с учетом особенностей текущего момента того «основного звена», потянув за которое, мы вытянем всю цепь элементов общественного развития. Сегодня таким «основным звеном», «локомотивом развития», «точкой роста» со значительным отставанием от общецивилизационных темпов развития становятся муниципалитеты в своей наиболее развитой форме крупных горо-

дов. Как отмечал «на заре» российской урбанизации специалист по вопросам пространственного развития, региональной и промышленной политики

В статье рассматривается сущность и содержание категории «экономическая безопасность» как определяющего фактора обеспечения устойчивого развития социально-экономических систем на уровне муниципальных образований. Авторы определяют экономическую безопасность муниципалитета как состояние устойчивости экономического сектора муниципального образования, обеспечивающее его социально-экономическое развитие в рамках национальной экономики под воздействием внутренних и внешних экономических угроз, достигаемое за счет реализации его внутреннего ресурсного потенциала и адекватного управления.

Ключевые слова: безопасность; экономическая безопасность; угрозы; устойчивость экономических систем; устойчивость социально-экономического развития; элементы системы экономической безопасности; муниципалитет

П.Г. Щедровицкий, «именно в крупных городах сохраняются очаги конкурентоспособной промышленности, высоких промышленных и гуманитарных технологий, происходит рост современной городской культуры, без которой невозможен переход к постиндустриальной фазе развития. Именно в крупных городах сконцентрирована деловая и интеллектуальная активность, наиболее развита транспортная, телекоммуникационная и финансовая инфраструктура. Именно здесь, при нынешней социальной организации производства, сконцентрированы основные информационные и управленческие ресурсы, тот человеческий и культурный капитал, с опорой на которые может проектироваться сегодня будущий подъем страны. Именно города, а отнюдь не субъекты Федерации являются пресловутыми донорами региональных и федеральных бюджетов. В конце концов, именно крупные города на всех выборах голосуют за ценности гражданского общества и правового государства» [37].

Эта точка зрения, получающая в последнее время все большее признание, актуализирует направление научных исследований в части проблематики обеспечения устойчивого социально-экономического развития городов, составляющих опорный каркас страны и обеспечивающих ее пространственную целостность, устойчивость и управляемость ее дальнейшего развития.

Об остроте обозначенной проблемы говорит тот факт, что «в условиях диковатой российской рыночной экономики ... проблемы в российских городах нарастают» [14].

В свою очередь, создание условий для устойчивого развития муниципалитетов как «точек роста» современной национальной экономики требует обеспечения их экономической безопасности через выбор адекватных систем муниципального управления экономикой городов. Совершенствование же систем управления предполагает четкое определение дефиниции «экономическая безопасность» на сущностном уровне для ее дальнейшего использования в качестве базового понятия в ходе прикладных исследований и при выработке управленческих решений.

Как отмечает Т.Н. Манасерян, «проблема экономической безопасности никогда не существовала сама по себе и не является надуманным понятием. Она является производной от задач экономического роста на каждой ступени развития общества. Конкретное содержание этой проблемы изменяется под влиянием сложившихся в данный период внутренних и внешних условий» [23, с. 4]. В то же время экономическая наука не дает однозначной трактовки данного понятия, что открывает широкие возможности для поиска общих точек соприкосновения в разнородных и разноплановых определениях.

Как отмечают исследователи этой темы, «можно сделать вывод о том, что понятие “экономическая безопасность” является сравнительно новым для российских органов управления экономикой, а спектр подходов к формированию понятия экономической безопасности предельно широк – более двадцати различных подходов, что свидетельствует, во-первых, об актуальности проблемы, во-вторых, об отсутствии четко выработанного понимания сути феномена экономической безопасности, в-третьих, о несовершенстве существующей законодательной базы в данной сфере. А между тем отсутствие общепризнанного

научного определения понятия «экономическая безопасность» порождает неопределенность в трактовке государственной функции по ее обеспечению и к ошибкам в формировании программ социально-экономического развития как России в целом, так и ее регионов» [22, с. 57].

Такая степень исследованности проблемы диктует необходимость дальнейшего продолжения анализа с учетом новейших достижений научной мысли и полученных актуальных данных текущей экономической жизни. Методология научного исследования требует для определения сущности понятия такого уровня абстракции, когда дефиниции при своей полной прозрачности обладают определенным существенным содержанием [22]. А для выявления предельного уровня абстракции дефиниции «экономическая безопасность» необходимо начать с определения термина «безопасность» вообще, безотносительно к ее конкретному виду. И как показывает анализ научных работ по этой теме, наибольшего успеха добились те авторы, которые использовали диалектический метод исследования.

Яркий пример реализации диалектического подхода к определению сущности явления продемонстрировали В.И. Лячин и А.И. Смирнов, рассмотрев во взаимосвязи два понятия – «опасность» и «безопасность». Такой подход позволил авторам установить, по их мнению, самый абстрактный, предельный уровень наполнения конкретным содержанием понятия «опасность» и противоположного ему понятия «безопасность». При этом авторы отмечают, что вышеизложенная трактовка абстрактной сущности пары категорий «опасность – безопасность» может быть применена к любому конкретному явлению общественной жизни.

В то же время, пишет С.В. Новоселов [26, с. 42–43], трактовка сущности понятия «безопасность» через дихотомию «опасность» была характерна для ранних этапов научного исследования этого явления. С этой позицией согласен и М.Ю. Зеленков, отмечая, что в русском языке слово «безопасность» образовано по принципу антиномии (противоречия между двумя положениями, каждое из которых признается логически доказуемым), т.е. за счет добавления приставки «без» к слову «опасность». Такой негативистской ограничительной лексической конструкции было, наверное, достаточно. Однако сегодня, к сожалению, приходится отмечать, что, как на Западе, так и в отечественной науке, проблема с неопределенностью сущности и содержания категории «безопасность» все еще не решена, что требует дальнейшей проработки этого понятия с учетом его многозначности и многоплановости [13, с. 5]. Одновременно следует подчеркнуть мысль, высказываемую некоторыми авторами о том, что категория «безопасность» не абсолютна, а относительна и смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира.

Исходя из анализа первоисточников можно видеть, что в научной литературе определение понятия «безопасность» не сводится к установлению предельного уровня абстракции в плоскости дихотомии «опасность – безопасность». Многие определения безопасности даются через раскрытие собственного содержания «безопасности», а не в единстве с «опасностью». При этом из-за многоаспектности содержания само понятие «безопасность» трак-

туется авторами неоднозначно или многовариантно, в зависимости от конкретного среза или аспекта изучения проблем безопасности.

Так, по мнению С.А. Панарина, понятие «безопасность» совмещает в себе как минимум три значения. Безопасность – это:

- многоаспектное состояние;
- многогранное представление о том, каким оно может быть и каково оно на самом деле;
- конкретная цель [29, с. 6].

В свою очередь, А.И. Петренко указывает, что в одних источниках «безопасность – это качество какой-либо системы, определяющее ее возможность и способность к самосохранению. В других – это система гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие и защиту от внешних и внутренних угроз» [30, с. 7–8].

Нельзя обойти вниманием и следующее определение: «Безопасность – это состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к выживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [38, с. 12].

Ряд исследователей трактует понятие безопасности через термин «защищенность». Так, по мнению А.Г. Шаваева, например, «криминологическая безопасность объекта означает защищенность его от внешних и внутренних угроз, позволяющую надежно сохранить и эффективно использовать его материальный, финансовый и кадровый потенциал» [35, с. 43]. В.В. Бирюков придерживается мнения, что безопасность – это отсутствие угрозы или удержание ее на согласованном относительно защищенности системы уровне [5]. А.В. Гыскэ указывает на то, что безопасность можно представить как уровень (степень) защищенности какого-либо субъекта от тех или иных угроз, вследствие воздействия которых ему (субъекту) может быть нанесен определенный ущерб [12, с. 28]. А.В. Болятко определяет безопасность как систему гарантий защиты жизненно важных интересов государства, общества и личности внутри и вне страны. Она может проявляться на различных уровнях: мирового сообщества, региона, отдельного государства, социальной общности, личности и др. [7, с. 10]. Как отмечает С.В. Новоселов, современные источники полагают, что «безопасность есть защищенность общества, личности, государства от опасностей и угроз», «ощущение субъектов, что им ничего не угрожает и т.п.» [26, с. 44]. Понятие защищенности детализирует Е.Н. Поздняков, когда пишет, что «защищенность – это достижение определенной, заранее заданной степени безопасности, способность противостоять конкретным четко сформулированным угрозам» [31, с. 6–8].

Дальнейшее развитие понимание «безопасность» получает в работе Н.В. Щедрина [36], который раскрывает понятие безопасности, опираясь на системный подход. Согласно данному подходу, общество может рассматриваться как совокупность отдельных систем, каждая из которых, несмотря на свою внутреннюю сложность, является элементом системы более высокого уровня. Любая система одновременно существует как целое и как часть. Главная (объективная) цель системы как целого – самосохранение. Но, будучи частью вышестоящей системы, она выполняет определенную функцию, от чего зависит сохранение целого. Следовательно, у каждой системы есть и вто-

рая (функциональная) цель – сохранение вышестоящей системы. В свою очередь, нормальное функционирование системы зависит от состояния ее частей. В этом смысле система высшего порядка стремится к сохранению входящих в нее элементов. При этом части, чтобы сохраняться как системы, должны иметь свою относительную автономность. Полное «поглощение» системой входящих в нее «систем - частей» ведет к разрушению последних.

Исходя из вышесказанного Н.В. Щедрин, соглашаясь с Д.М. Мехонцевой [24], определяет безопасность через существенные признаки системы, в качестве которых он выделяет «целостность», «упорядоченность», «устойчивость», «самоуправление», «управление».

«Утрата хотя бы одного из названных свойств означает разрушение системы. Чтобы этого не произошло, всякая система должна обеспечивать свою безопасность, т.е. состояние целостности, упорядоченности, устойчивости, а также способности к самоуправлению и управлению» [36, с. 71–73].

Такой системный подход к понятию «безопасность» отчетливо конкретизирует безопасность как состояние устойчивости системы (объекта), включающее в себя и упорядоченность ее внутренних элементов, и внутреннюю целостность, а также способность системы к самоуправлению и управлению.

Подводя итог анализу научных определений понятия «безопасность», можно сделать вывод о том, что при всем многообразии трактовок их условно можно сгруппировать по определенным критериям, наиболее часто встречающихся при определении сущности и содержания категории «безопасность».

Согласно классификации М.Ю. Зеленкова, к первой группе можно отнести авторов, которые дают определение понятия «безопасность» через использование противоположного по значению понятия «опасность». Вторую группу образуют исследователи, раскрывающие подходы к категории «безопасность» через понятие защищенности. В третью группу входят ученые, трактующие категорию «безопасности» как состояние системы. К четвертой группе можно отнести авторов, подходящих к сущности категории «безопасность» через деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишит фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития [13, с. 12].

Более развернутую классификацию дает С.З. Павленко, выделяя пять групп определений безопасности: к первой группе отнесены определения, которые характеризуют безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества и государства; ко второй – те, которые определяют безопасность через отсутствие опасности; к третьей – определения, где безопасность является свойством системы; к четвертой – определения, характеризующие безопасность как специфическую деятельность государственных органов; к пятой – дефиниции, обозначающие безопасность как определенное состояние [28, с. 94–99].

В процессе дальнейшей систематизации подходов к раскрытию сущности категории «безопасность» А.И. Поздняков сделал вывод о том, что наибо-

лее распространены три концептуальных подхода: официальный, системно-философский и аксиологический.

В контексте официального подхода безопасность определяется как защищенность интересов (в том числе и национальных) от угроз.

Сторонники системно-философского подхода в определении безопасности акцентируют внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности, нормального функционирования, устойчивого развития системы (страны, государства, общества как социальной системы).

В рамках аксиологического подхода под безопасностью понимается защищенность ценностей, принадлежащих субъекту (стране, обществу, коллективу, личности), от значимого для него ущерба. В этом подходе национальная безопасность определяется как защищенность национальных ценностей, национального достояния от значимого ущерба.

При этом, по мнению автора, наиболее корректным с научной точки зрения следует считать аксиологический подход [31, с. 251].

Оставляя за А.И. Поздняковым право на выбор приоритетной для его исследования аксиологической методологии, хочется, тем не менее, отметить, что все три подхода не взаимоисключают друг друга, а фактически отражают разные уровни исследования одного и того же явления – от сущности к внешним формам проявления в следующей последовательности:

- системно-философский;
- аксиологический;
- официальный.

С точки зрения организации эффективного управления социально-экономическим развитием территории важно отметить необходимость и целесообразность последовательной реализации всех трех подходов в движении от исследования теоретической сущности понятия «экономической безопасности» к выявлению ценностных предпочтений в виде целей, задач, показателей и критериев и, в завершении, к выработке практических рекомендаций и проектов нормативно-правовых документов.

В подтверждение такого подхода следует отметить следующую мысль:

«Если экономическая наука изучает хозяйство, экономическую сферу общества в онтологической модальности, как качественное проявление материального бытия, то современная экономическая философия рассматривает ту же реальность, но к онтологической модальности добавляется ее аксиологическая проекция. Аксиологическая модальность деятельности – указание на ценностно значимое, на субъективированное бытие, т.е. бытие в его отношении к человеку как субъекту, указание на ценностную значимость нечто для субъекта. Именно особенности аксиологической модальности отличают ценность от других категорий деятельностного подхода – истины, пользы, удовольствия, цели и т.д.; но эти же особенности кардинально отличают экономическую философию от экономической науки и политической экономии» [2].

При этом важно подчеркнуть, что безопасность должна рассматриваться с учетом наличия объективных противоречий «в функционировании и развитии объекта», которые являются или источником развития объекта или причиной его деградации в зависимости от соответствия принимаемых управленческих решений объективным требованиям внутренних процессов развития.

Подводя итог анализа рассмотренных выше подходов к раскрытию сущности категории «безопасность» с теоретической, познавательной точек зрения, можно согласиться с М.В. Бондаренко, что все современные определения и характеристики безопасности принципиально не противоречат друг другу, а дополняют и развивают, конкретизируют и углубляют представления о безопасности как социальном явлении, о ее сущности. Они ориентируют на то, что по своей сущности безопасность представляет собой определенное состояние объекта, системы, взаимосвязь, взаимодействие и соотношение всей совокупности условий и факторов, обеспечивающих сохранение, защищенность, функционирование, развитие и совершенствование объектов, систем [8, с. 18–19].

В то же время целесообразно из всего множества определений, каждое из которых со своих позиций раскрывает природу такого явления, как безопасность, выделить наиболее существенные, базовые элементы, которые могли бы быть нами использованы в дальнейшем исследовании. Исходя из рассмотренных подходов к трактовке сущности и содержания понятия «безопасность» как многоаспектной и многофакторной категории хотелось бы акцентировать внимание на следующих моментах.

1. Из определения «безопасности» как противоположности «опасности» вытекает, что безопасность как «упорядоченный хаос» характеризуется общественным порядком, упорядоченностью общества. А с точки зрения развития оно есть процесс становления общества органической целостностью.

С экономической точки зрения на стороне безопасности находятся пропорциональность, равновесные цены, стабильность, устойчивость, интеграция и тому подобные характеристики общественного устройства. Сюда же можно добавить и сбалансированность как показатель состояния системы, включающий и пропорциональность и равновесность.

2. Категория «безопасность» должна отражать состояние системы как в статике, так и в динамике.

3. «Безопасность» как категория сама обладает динамичностью и изменчивостью.

4. Понимание смысла безопасности заключается в представлении о состоянии или цели, конституирующих взаимоотношения между индивидами, локальными сообществами и обществом в целом, а также государством.

5. Субъектами отношений безопасности являются как отдельные лица, социальные группы, нации, целое общество и государство, персонифицированные в виде определенных структур, институтов и установлений.

6. Категория «безопасность» проявляется на различных уровнях: мирового сообщества, отдельного государства, региона, социальной общности, личности и др., представляя из себя многоуровневую полисистемную структуру.

7. Безопасность – это многоаспектное состояние системы, определяющее ее возможность и способность к самосохранению, а также обеспечивающее ее устойчивое развитие и защиту от внешних и внутренних угроз.

8. Опасность – объективно существующая возможность негативного воздействия на социальный организм, в результате которого ему может быть причинен какой-либо ущерб, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательную динамику или параметры (характер, темпы, формы).

9. «Опасность» является направляющим вектором в трактовке всех производных и зависимых от нее категорий – «угроза», «вызов», «риск», «защита» и т.п. При этом мы будем рассматривать «риск» не как самостоятельный дестабилизирующий фактор, а как количественный показатель вероятности реализации той или иной угрозы и размера потенциального ущерба.

10. Источники опасности – это условия и факторы, которые содержат в себе потенциальную или уже реализуемую при определенных условиях возможность негативного воздействия на объект безопасности (систему, социальный организм).

11. Угроза определяется как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. «Угроза и борьба с ней являются сущностью безопасности» [13, с. 32].

12. Реальная и потенциальная угроза объектам безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности.

13. Угроза представляет собой совокупность двух компонент: как субъективных намерений, так и объективных возможностей причинить тот или иной ущерб.

14. Защищенность – это достижение определенной, заранее заданной степени безопасности, способность противостоять конкретным четко сформулированным угрозам.

15. Понятие безопасности предполагает системный подход, согласно которому общество может рассматриваться как совокупность отдельных систем, каждая из которых, несмотря на свою внутреннюю сложность, является элементом системы более высокого уровня, а любая система одновременно существует как целое и как часть. Главная (объективная) цель системы как целого – самосохранение. Вторая (функциональная) цель каждой системы – сохранение вышестоящей системы.

16. Безопасность реализуется через существенные признаки системы, в качестве которых выделяются: целостность, упорядоченность, устойчивость, самоуправление, управление.

В своем дальнейшем исследовании мы отдадим приоритет «устойчивости» как признаку состояния системы, который включает в себя целостность и упорядоченность, и определяет формат реализации ее способности к самоуправлению и управлению.

17. Системно-философский подход в определении безопасности акцентирует внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности, нормального функционирования, устойчивого развития системы (страны, государства, общества как социальной системы).

18. Под безопасностью в ее фундаментальном, наиболее общем, смысле предлагается понимать такие условия существования любого рассматриваемого объекта (включая состояние объекта как его имманентную характеристику), при которых его свойства не подвергаются нежелательным изменениям (т.е. причинению вреда и нанесению ущерба) или, что точнее, нежелательные изменения минимизируются.

19. Безопасность – это прежде всего свойство объекта как системы выживать, развиваться и совершенствоваться, его способность сохранять свои особые качества при наличии имманентных внутренних и внешних противоречий в функционировании и развитии объекта (системы), которые могут привести его к разрушению.

Совершенствование системы является результатом диалектического взаимодействия требований устойчивости (статичности) системы и необходимости ее развития (динамичности).

20. По своей сущности безопасность представляет собой определенное состояние объекта (системы), обусловленное взаимосвязью, взаимодействием и соотношением всей совокупности условий и факторов, обеспечивающих сохранение, защищенность, функционирование, развитие и совершенствование этого объекта (системы).

21. Категория «безопасность» – не абсолютна, а относительна и смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира.

Обобщая многообразие ранее рассмотренных определений категории «безопасность», за основу дальнейшего исследования возьмет следующую формулировку:

Безопасность – это состояние устойчивости системы, обеспечивающее ее возможность и способность к самосохранению и развитию под воздействием внутренних и внешних угроз.

На основе данного определения сущности категории «безопасность» необходимо развернуть ее содержательную часть за счет ключевых элементов безопасности как системы.

Так, по мнению А.Б. Корсака [17, с. 7], структура понятия «безопасность» включает в себя следующие элементы и выглядит следующим образом (рис. 1):

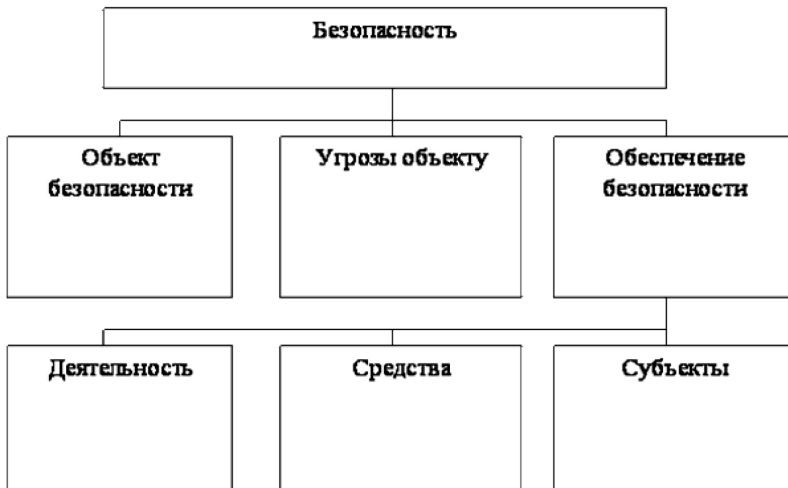

Рис.1. Структура понятия «безопасность»

С нашей точки зрения, целесообразно уточнить данный автором перечень элементов и их иерархию исходя из выполняемых функций управления. В этом ракурсе выделим первый блок безопасности, связанный с собственно объектом безопасности, который подвергается специфическим угрозам, воздействующим на его ключевые параметры (показатели) деятельности (функционирования). Второй блок безопасности – это деятельность по обеспечению безопасности объекта, предполагающая наличие субъектов безопасности, средств обеспечения безопасности и, соответственно, специфической деятельности по обеспечению безопасности.

Исходя из этих предпосылок представим систему безопасности в виде следующей схемы (рис. 2).

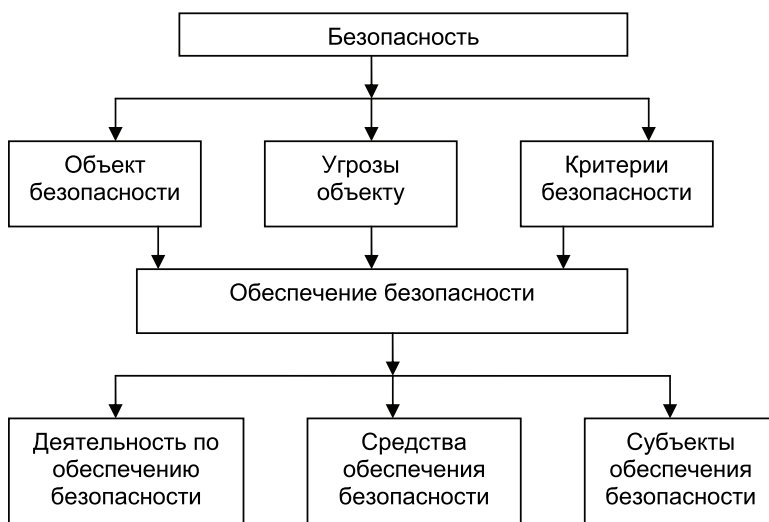

Рис. 2. Основные элементы системы безопасности

При этом следует отметить, что безопасность в динамике предполагает улучшение качественных и количественных показателей жизнедеятельности системы при сохранении ею своей сущности, составляющее основное содержание совершенствования и обеспечения конкурентоспособности. В свою очередь, обеспечение безопасности системы предполагает поиск адекватных форм разрешения внутренних и внешних противоречий либо путем предотвращения угроз (предупреждение, защита, минимизация потерь), либо путем ее адаптации к складывающейся ситуации.

Как мы уже отмечали ранее, категория «безопасность» приобретает смысловое значение только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности. Исходя из этого перейдем к рассмотрению специфики содержания категории «экономическая безопасность», что предполагает необходимость установления специфики ее сущности, определения ее места в системе других видов безопасности. Как показывает анализ подходов к трактовке «экономической безопасности», как правило,

авторами используется иерархия различных видов безопасности, в основе которой находится понятие национальной безопасности. По мнению ряда исследователей, понятие «национальная безопасность» включает в себя широкий спектр различных видов безопасности, защищающих национальные интересы во всех областях жизнедеятельности страны. При этом экономической безопасности придается основное значение, поскольку она, в свою очередь, разветвляется в систему различных видов безопасности, что диктует необходимость определения особенностей «экономической» безопасности в наиболее общем виде.

В то же время, как подчеркивают некоторые авторы, если вопрос о смысле категории «безопасность» вообще поднимается в специальной литературе и на него, как было показано выше, даются ответы, то стремления определить категорию экономической безопасности на предельном уровне абстракции не замечается. Поэтому вместо экономической безопасности вообще в качестве предельной категории рассматривается национальная экономическая безопасность как главная составляющая национальной безопасности. В результате определение национальной экономической безопасности, как правило, дается специалистами не по отношению к ее сущностному содержанию, а по отношению к национальной безопасности, точнее, к термину «национальный», который применительно к рыночной экономике требует научной расшифровки. Пока же термин «национальный» носит неопределенный характер, поэтому и понятие «национальная безопасность» в исходном плане оказывается многоаспектным и сложным по содержанию [22, с. 62].

Обобщив имеющиеся в научной литературе трактовки основных составляющих национальной безопасности, В.И. Лямин и А.И. Смирнов [22, с. 60] предложили следующую схему ее структуры (рис. 3).

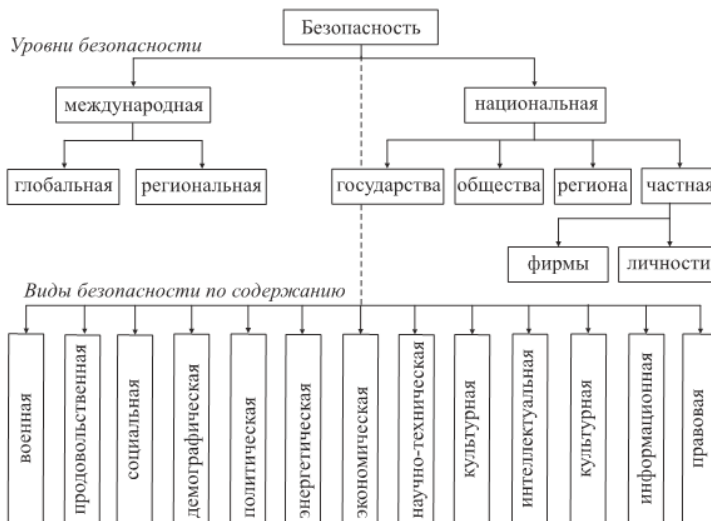

Рис. 3. Структура понятия «национальная» безопасность

При этом даже при поверхностном взгляде становится очевидной необходимость доработки этой структуры, поскольку в данной схеме национальной безопасности «экономическая безопасность» не выделена в качестве основной подсистемы, как это декларируют авторы, неполно отражаются уровни безопасности, некорректно интерпретируется иерархия «видов безопасности по содержанию».

К сожалению, такая «линейно-горизонтальная» манера перечисления всевозможных видов безопасности делает процесс анализа ее содержания бесконечным и малоперспективным. Предлагается для определения «границ объекта исследования» исходить из соотношения экономической и социальной сфер как сферы первичного производства добавленной стоимости и национального дохода и сферы его перераспределения в соответствии с критериями социальной справедливости и государственных социальных стандартов.

В свою очередь, соотношение экономики и политики будем рассматривать как соотношения базиса и надстройки, формы и содержания, процессов и персонализирующих их институтов власти и управления.

Как отмечает В.В. Морунов, «экономическая безопасность» как экономическая категория относительно недавно стала использоваться в отечественной экономической литературе. Это связано, в первую очередь, с отсутствием использования такого же или аналогичного этому понятия в экономической теории за рубежом, где большее распространение получил термин «национальная безопасность». При этом методология определения сущности категории «экономическая безопасность» в России отличается от трактовки этого выражения за рубежом.

Далее автор делает вывод о том, что в самом общем виде существующие сегодня трактовки понятия «экономическая безопасность» могут быть объединены в несколько групп [25, с. 53].

Авторы первого подхода в наиболее общем виде связывают экономическую безопасность с таким состоянием экономической системы (экономики государства, страны, национального хозяйства, национальной экономики), при котором реализуются возможности самовоспроизводства и устойчивого экономического роста, обеспечивающих оптимальное удовлетворение жизненно важных общественных потребностей в условиях наличия неблагоприятных внешних и внутренних факторов социально-политического, экономического или экологического характера [3, с. 66; 6, с. 28; 10, с. 148; 18, с. 6; 37, с. 12].

Ко второй группе авторских трактовок экономической безопасности В.В. Морунов относит тех, кто формулирует понятие «экономическая безопасность» как совокупность условий, защищающих хозяйство страны от внешних и внутренних угроз [1, с. 5; 15, с. 49; 32, с. 39].

Среди авторов третьего подхода В.В. Морунов называет тех, кто под экономической безопасностью подразумевает способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на международном и международном уровнях.

На основании проведенного анализа автор делает следующий вывод:

«Более точным, на наш взгляд, является первый подход, поскольку он определяет экономическую безопасность как состояние экономики, которое

можно создать, оценить и предугадать на основе имеющейся информации, например экономических показателей (индикаторов). По нашему мнению, первый подход наиболее оптимистичен и основан на принципах управления экономикой.

Используя как основу определения авторов первого подхода, можно сформулировать авторское определение категории “экономическая безопасность” в следующем виде:

экономическая безопасность – это определенное состояние экономики, при котором в условиях экономического (внутреннего и внешнего) суверенитета и наличия конкурентной среды субъектами экономических отношений (в том числе органами управления и хозяйствующими субъектами) обеспечивается устойчивый (постоянный) экономический рост и устойчивое развитие экономики в целом и, как следствие:

- 1) происходит:
 - оптимальное удовлетворение потребностей личности, общества и государства;
 - рациональное управление экономикой;
- 2) обеспечивается:
 - защита экономических интересов (на национальном и международном уровнях);
 - защищенность от внутренних и внешних угроз и влияния негативных факторов;
 - целостность экономического пространства» [25, с. 54–55].

Разделяя позицию автора, развивая и предметно конкретизируя понятие «безопасность», данное ранее, сформулируем понятие «экономической безопасности» как *состояние устойчивости экономической системы, обеспечивающее ее возможность (потенциал) и способность (адекватность управления) к самовоспроизводству и устойчивому развитию под воздействием внутренних и внешних экономических угроз (противоречий)*.

Следует при этом согласиться с мнением, что данная трактовка понятия «экономическая безопасность» вообще не является самоцелью. Это наиболее абстрактное сущностное определение является не конечной, а начальной точкой последующего анализа конкретных форм и уровней экономической безопасности, которая носит методологический характер и задает общие границы предмета исследования [22, с. 64].

В содержательном плане целый ряд исследователей связывает экономическую безопасность с экономическими противоречиями [16, с. 30; 38, с. 11–12]. Тезис о том, что источником угроз экономической безопасности являются внутренние и внешние экономические противоречия, трудно переоценить в методологическом плане, так как при таком подходе обеспечение безопасности становится тождественным познанию противоречий и обеспечению их своевременного разрешения. Следовательно, если мы включаем в понятие экономической безопасности единство и борьбу противоположностей как сторон противоречия, то и все более конкретные категории экономической безопасности должны основываться на этом диалектическом подходе.

Значительное количество содержательных определений экономической безопасности формулируется исходя из частных аспектов проводимых авторами исследований. Некоторое представление о многообразии подходов к трактовке экономической безопасности, сформулированных российскими учеными, дает таблица.

Таблица

**Определения понятия экономической безопасности,
предложенные российскими учеными [1; 3; 6; 15; 19; 38]**

Автор	Содержание понятия «экономическая безопасность»
Л.И. Абалкин [1]	Совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию.
С.А. Афонцев [3]	Устойчивость национальной экономической системы к эндогенным и экзогенным шокам экономического или политического происхождения, проявляющуюся в ее способности нейтрализовать потенциальные источники негативных шоков и минимизировать ущерб, связанный с реально произошедшими шоками.
И.Я. Богданов [6]	Состояние экономики страны, которое, во-первых, по объемным и структурным параметрам достаточно для обеспечения существующего статуса государства, его независимого от внешнего давления политического и социально-экономического развития и, во-вторых, способно поддерживать уровень легальных доходов, обеспечивающий абсолютному большинству населения благосостояние, соответствующее стандартам цивилизованных стран.
А. Илларионов [15]	Такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом.
Ю.С. Курочкин [19]	Способность экономики удовлетворять внутренний спрос и компенсировать предложение (оплатить восполнение спроса) извне собственными ресурсами.
В.К. Сенчагов [38]	Такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал.

Такое разнообразие подходов к определению понятия экономической безопасности вызывает беспокойство некоторых ученых. Например, И.Н. Петренко считает, что «подобная многовариантность ... размывает сам предмет исследования» [30, с. 109]. И.Я. Богданов отмечает, что определения чрезмерно детализированы, излишне акцентируют внимание на интересах государства [6, с. 27, 39].

Другие ученые придерживаются иного взгляда на многовариантность подходов к раскрытию содержания экономической безопасности и не считают актуальной опасность «растворения» проблемы ее детализацией. Например, Т.Д. Ромашенко пишет: «... невозможно дать одно емкое определение экономической безопасности, характеризующее это явление во всем его многообразии. Экономическая безопасность относится к категориям со сложной пространственно-временной геометрией. Различные определения экономической безопасности – это равноправные, дополнительные описания, признак полиморфности, гетерогенности экономического явления» [33, с. 58].

Ю.С. Курочкин наиболее серьезным недостатком имеющихся определений категории экономической безопасности считает выражение ее сущности через сумму социальных, политических и военных понятий, не связанных с экономикой непосредственно [19, с. 1153].

С нашей точки зрения, при всем многообразии существующих определений они, отражая разную степень детализации и конкретизации, не вступают в противоречие с данным нами ранее понятием экономической безопасности. В то же время исходя из принципа многоуровневости, полицентричности и системности понятия «экономическая безопасность» перейдем к анализу собственного уникального содержания этой категории.

В наиболее общем виде, по мнению некоторых авторов, категория «экономическая безопасность» представляет собой особый вид безопасности наряду с такими ее частными элементами, как военная, социальная, политическая, экологическая, информационная, культурная, научно-технологическая, правовая, демографическая, энергетическая, интеллектуальная, криминологическая, генетическая безопасность и т.п. [27, с. 12–13].

В свою очередь, Н.П. Гусаков и Н.А. Зотова отмечают, что экономическая безопасность является подсистемой национальной безопасности, включающей в себя вышеперечисленные элементы. При этом, считают авторы, любая из подсистем национальной безопасности (как и сама национальная безопасность) включает три базовых элемента: интересы, угрозы и защита [11].

Л.И. Абалкин добавляет, что экономическая безопасность является базисом национальной безопасности [1].

Тем не менее эти подходы не раскрывают собственного специфического содержания понятия «экономическая безопасность», что предполагает необходимость дальнейшего наполнения этой категории экономическим содержанием. С точки зрения содержательного наполнения категории «экономическая безопасность» на уровне национальной экономики интерес представляет ряд работ М.Е. Листопад, посвященных анализу данной проблематике. Как пишет автор [21, с. 387], обобщая сложившиеся представления, каждый из подходов отражает ту или иную важнейшую составляющую экономической безопасности страны. Однако взятые в отдельности они не позволяют составить общего концептуального представления о данной системе. Такую оценку автор дополняет собственным концептуальным осмыслением анализируемой категории на базе воспроизводственного подхода. По мнению М.Е. Листопад, экономическую безопасность страны можно определить как способность национальной экономической системы к непрерывному расширенному воспроизводству,

при котором обеспечивается ее жизнеспособность и возможность сохранять признаки полноценного экономического субъекта в условиях изменяющейся среды.

При этом в качестве основополагающих характеристик жизнеспособности и полноценности национальной экономической системы автор выделяет конкурентоспособность, платежеспособность, гомеостатичность, адаптивность.

Углубляя свое понимание экономической безопасности, М.Е. Листопад отмечает, что «характер отношений по поводу обеспечения безопасности национальной экономической системы в своей основе содержит коллизию интересов отдельных личностей, общественных групп, предпринимательских структур, государств и их коалиций.

Коллизия интересов присутствует как внутри системы, так и в ее взаимоотношениях с внешним окружением. Внутри системы – это противоречия между субъектами социально-экономических отношений, связанные с распределением и присвоением ресурсов и благ, выбором целей и средств обеспечения социально-экономического развития, объективно присущим состоянием и субъективной оценкой качеств системы и т.д. В отношениях с внешним окружением – это противоречия в интересах между странами по поводу возможных изменений в глобальной расстановке сил и связанных с ними изменений в возможностях мобилизации мировых ресурсов развития и перераспределения в свою пользу большей части мирового дохода» [20].

Соглашаясь с позицией автора, добавим к перечню возникающих отношений распределения и потребления еще и отношения производства.

В то же время не все выводы М.Е. Листопад являются бесспорными. Так, тезис о том, что «основополагающими отношениями системы экономической безопасности являются отношения конфликта – столкновения несовпадающих взглядов, мнений, стремлений, интересов выражающих их сил», требует определенной корректировки. Исходя из классической гегелевской трактовки этапов развития диалектического противоречия – тождество, различие, противоположность и противоречие – можно отметить, что конфликт соответствует высшей стадии обострения противоречия и, как правило, уже утрачивает роль позитивного стимула развития данной системы. В этом плане, деятельность по обеспечении экономической безопасности должна сводиться к недопущению перехода экономических противоречий в стадию конфликта.

С учетом сказанного можно согласиться с выводом автора, что «с точки зрения решения проблем национальной экономической безопасности наиболее предпочтительными являются формы бесконфликтного взаимодействия. Бесконфликтное взаимодействие не только объективно снижает уровень угроз, но и способствует получению большего экономического результата сторонами взаимодействия. Причем, чем выше уровень взаимодействия, тем выше получаемый результат» [20].

В свою очередь, развивая тему содержательного наполнения понятия «экономическая безопасность», И.М. Глотина отмечает, что по своему смыслу экономическая безопасность рассматривается большинством авторов исходя из статического подхода, в то время как в обществе происходят многообраз-

ные социально-экономические трансформации. Экономическая безопасность государства представляет собой сложное социально-экономическое понятие, отмечает автор, отражающее меняющиеся условия материального производства, внешние и внутренние угрозы экономике страны. При этом экономическая безопасность определяется, согласно мнению большинства ученых, уровнем развития производственных сил, состоянием социально-экономических отношений, уровнем научно-технического развития, международной обстановкой [9].

Анализ точек зрения ученых на определение «экономическая безопасность» позволил И.М. Глотиной [9, с. 237–238] выделить ряд структурных элементов, характеризующих объективную сторону данной категории (рис. 4). Среди них: наличие объекта и субъекта экономической безопасности; деструктивное воздействие внутренних и внешних угроз; использование средств, обеспечивающих безопасность объекта; деятельность, направленная на обеспечение безопасности.

Рис. 4. Элементы категории «экономическая безопасность»

При этом автор делает важное замечание о том, что «в большинстве источников говорится о безопасности личности, общества и государства как о гармоничной триаде. Следует заметить, что это не полный перечень. В него должны быть включены также предприятия, отрасли и территории (регионы и муниципалитеты), выступающие как относительно самостоятельные акторы хозяйственной деятельности и, соответственно, объекты экономической безопасности. Их интересы не всегда и не во всем совпадают, и их безопасности в одних случаях взаимно дополняют друг друга, в других – оказываются в конфликте друг с другом» [9, с. 237].

Наряду с этим подходом ряд авторов выделяют и другие уровни экономической безопасности [4, с. 98; 34, с. 23].

Этот методологический подход имеет важное значение как с точки зрения реализации системного подхода к реализации экономической безопасности общества в целом с учетом сложности и иерархичности его экономической структуры, так и с точки зрения ее наполнения. В то же время следует отметить, что, рассматривая основные уровни экономической безопасности применительно к различной степени пространственной локализации экономических систем, исследователи, в лучшем случае, останавливаются на их перечислении без определения критериев их классификации и ранжирования, принципов экономического агрегирования, расстановки приоритетов с точки зрения обеспечения устойчивого развития национальной экономики.

С точки зрения эффективного государственного и муниципального управления важно определить ключевую на текущем этапе точку устойчивости системы, тот «локомотив роста», который определяет успешность социального экономического развития общенациональной экономической системы в целом. В современных условиях можно констатировать тот факт, что такими «точками развития» становятся не промышленные предприятия, не отрасли и даже не кластеры, а города, определяющие пространственно-территориальную концентрацию современных производительных сил (интеллектуальных, трудовых, финансовых, производственных и др.) во всем многообразии современных форм урбанизации (крупные города, мегаполисы, агломерации, мегалополисы).

На муниципальном уровне иерархии национальной экономической системы содержание категории экономической безопасности необходимо раскрывать через конкретные элементы экономической системы муниципального уровня с учетом степени их развития и сложившихся особенностей взаимодействия. Соответственно, при таком подходе в качестве исследуемого объекта экономической безопасности мы будем понимать экономическую систему муниципалитета соответствующего уровня в целом и ее внутренние отдельные составляющие в их единстве и взаимодействии. В качестве таких составляющих в агрегированном виде на предельном уровне абстракции выделим экономический потенциал территории муниципалитета: трудовые ресурсы, землю и недра, интеллектуальный капитал, капитал финансовый, производственный и товарный. Природно-климатические и пространственные факторы, влияющие на эффективность функционирования элементов экономической системы, могут учитываться при рассмотрении конкретных условий принятия тех или иных управленческих решений.

В качестве субъектов экономической безопасности будем рассматривать институциональные структуры федерального, регионального и муниципального уровня власти, хозяйствующие субъекты, общественные объединения, а также отдельных людей, реализующих свои экономические интересы в рамках данной муниципальной экономической системы.

Применительно к урбанизированному поселению, выступающему в современных терминах административного деления в форме муниципального образования – городского поселения и городского округа – необходимо сформулировать критерии экономической безопасности, определяющие его специфическое содержание.

Муниципальное образование как объект экономической безопасности представляет собой относительно обособленную экономическую подсистему национальной экономики соответствующего уровня со своими специфическими внутренними составляющими в их единстве и взаимодействии. В качестве таких составляющих целесообразно рассматривать ресурсный потенциал территории, включающий в себя материально-вещественные и интеллектуальные факторы общественного производства, трудовые ресурсы, финансы, а также ее природно-климатические и географические особенности. В рамках текущей хозяйственной деятельности все ресурсы муниципалитета формируют муниципальную экономику (экономику муниципалитета в широком понимании этого понятия) и подразделяются на отраслевые сегменты (функционально-

целевые блоки), определяющие особенности отраслевого управления.

В качестве субъектов экономической безопасности муниципального образования выделим институциональные структуры муниципального уровня власти, территориальные органы государственной власти, хозяйствующие субъекты, ассоциации представителей бизнес-сообщества и общественные объединения, а также отдельных людей, реализующих свои экономические интересы в рамках данной экономической системы муниципалитета.

В этом контексте под экономической безопасностью муниципалитета мы будем понимать состояние устойчивости экономического сектора муниципального образования, обеспечивающее его социально-экономическое развитие в рамках национальной экономики под воздействием внутренних и внешних экономических угроз, достигаемое за счет реализации его внутреннего ресурсного потенциала и адекватного управления.

Из этого определения вытекает несколько важных следствий, определяющих логику дальнейшего исследования. Во-первых, необходимо детальное рассмотрение понятия экономического сектора муниципального образования, до сих пор не имеющего своего устойчивого содержательного понимания. Во-вторых, следует определить круг качественных и количественных показателей устойчивости социально-экономического развития муниципалитета, отражающие его уровень во взаимосвязи с макроэкономическими показателями национальной экономики. В-третьих, предполагается необходимость структуризации и «оцифровки» показателей ресурсного потенциала территории. В-четвертых, следует классифицировать и оценить внутренние и внешние угрозы безопасности муниципалитета в сфере экономики. И, наконец, в-пятых, необходимо проанализировать имеющиеся и выработать новые механизмы управления, адекватные реальным и потенциальным угрозам развитию муниципальных образований.

При этом, как справедливо отмечает М.Е. Листопад, эффективность экономической системы будет определяться не только объективными факторами – потенциалом экономики, возможностями ее развития и адаптации к изменяющимся условиям внешней среды – но и тем, насколько принимаемые законодательными властями и субъективные по своей природе принципы, правила и нормы будут соответствовать характеру экономических отношений, формой реализации которых они выступают [20].

Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // *Вопр. экономики.* 1994. № 12. С. 4–13.
2. *Аксиологическое измерение современной экономической философии* [Электронный ресурс]. URL: <http://dialectics.ru/511.html> (дата обращения: 08.01.2015).
3. *Афонцев С.А.* Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности [Электронный ресурс] // *Россия XXI.* 2001. № 2. URL: <http://www.lerc.ru/books/bulletin/0008/0018/> (дата обращения: 22.12.2014).

4. *Белозеров И.П., Клоков Е.А.* Место и значимость экономической безопасности в структуре национальной безопасности России // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Экономика. 2009. № 2. С. 94–100.
5. *Бирюков В.В.* Некоторые аспекты применения системного подхода и методов имитационного моделирования в оценке военной угрозы. Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. М.: Изд-во ВАГШ, 1992.
6. *Богданов И.Я.* Экономическая безопасность России: теория и практика. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 348 с.
7. *Болятко А.В.* Задачи военной безопасности и обеспечение их решения // Военная мысль. 1993. № 4. С. 10–13.
8. *Бондаренко М.В.* Безопасность как социальная категория: формирование категориально-понятийного аппарата // Наука и практика. 2010. № 4 (45).
9. *Глотина И.М.* Современная архитектура исследования категории «экономическая безопасность» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 3 (59), т. 1. С. 236–238.
10. *Градов А.П.* Национальная экономика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 240 с.
11. *Гусаков Н.П., Зотова Н.А.* Национальные интересы и внешнеэкономическая безопасность России. М.: компания «Евразийский регион», 1998. 270 с.
12. *Гыскэ А.В.* Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М.: Прогрессивные био-мед. технологии, 2001. 326 с.
13. *Зеленков М.Ю.* Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2013. 196 с.
14. *Зубаревич Н.* Разнообразие – это то, что способствует движению вперед [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-2381971.htm> (дата обращения: 08.01.2015).
15. *Илларионов А.И.* Критерии экономической безопасности // Вопр. экономики. 1998. № 10. С. 35–58.
16. *Ипполитов К.Х.* Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. М.: Рос. союз предприятий безопасности, 1996. 263 с.
17. *Корсак А.Б.* Система обеспечения экономической безопасности мегаполиса: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008. 47 с.
18. *Кочергина Т.Е.* Экономическая безопасность. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 445 с.
19. *Курочкин Ю.С.* Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. С. 1146–1161.
20. *Листопад М.Е.* Диалектика основополагающих отношений системы экономической безопасности [Электронный ресурс] // Новые технологии. 2011. Вып. 1. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-nt/2011-01/025.pdf> (дата обращения: 10.01.2015).
21. *Листопад М.Е.* Эволюция представлений об экономической безопасности [Электронный ресурс] // Теория и практика обществ. развития. 2011. № 3. С. 385–387.

22. *Лячин В.И., Смирнов А.И.* Определение сущности экономической безопасности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Соц.-экон. науки. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 55–66.
23. *Манасерян Т.Н.* Основы экономической безопасности. Ереван: Изд-во РАУ, 2009. 287 с.
24. *Мехонцева Д.М.* Самоуправление и управление: вопросы общей теории систем. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. 248 с.
25. *Морунов В.В.* Экономическая безопасность как экономическая категория // Экон. науки. 2011. № 10 (83). С. 53–55.
26. *Новоселов С.В.* Безопасность: сущность и содержание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 2 (23). С. 42–50.
27. *Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность)* / под ред. Е.А. Олейникова. М.: ЗАО «Бизнес-школа “Интел-Синтез”», 1997. 279 с.
28. *Павленко С.З.* Безопасность Российского государства как политическая проблема: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998.
29. *Панарин С.А.* Безопасность и этническая миграция в России // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 4. С. 5–27.
30. *Петренко А.А.* Безопасность в коммуникации делового человека. М.: Технолог. школа бизнеса, 1994. 203 с.
31. *Поздняков А.И.* Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
32. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006. 479 с.
33. *Ромащенко Т.Д.* Экономическая безопасность национального хозяйства: теория, методология, формирование в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 216 с.
34. *Светлаков А.Г., Шепель Д.В.* Экономическая безопасность: проблемы и перспективы // Экон. безопасность России: полит. ориентиры, законодат. приоритеты, практика обеспечения. Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2004. № 4. С. 20–28.
35. *Шаваев А.Г.* Криминологическая безопасность негосударственных объектов экономики. М.: ИНФРА-М. 1995. 126 с.
36. *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999. 180 с.
37. *Щедровицкий П.Г и др.* Остов России (города и муниципальное управление) [Электронный ресурс] // Известия. 1998. 4 дек. URL: <http://conflictmanagement.ru/ostov-rossii-goroda-i-municipalnoe-upravlenie-2> (дата обращения: 20.12.2014).
38. *Экономическая безопасность: производство – финансы – банки* / под ред. В.К. Сенчагова. М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998. 621 с.

Получено 14.02. 2015

References

1. Abalkin, L.I. (1994), "The economic security of Russia: threats and their reflection", *Voprosy e'konomiki*, no. 12, pp. 4–13.
2. Dialectics (2009), "Axiological dimension of modern economic philosophy", available at: <http://dialectics.ru/511.html> (Accessed 8 January 2015).
3. Afoncev, S.A. (2001), "Controversial problems of the concept of national economic security", [Online], *Rossiya XXI*, no. 2, available at: <http://www.lerc.ru/books/bulletin/0008/0018/> (Accessed 22 December 2014).
4. Belozеров, I.P. and Klokov, E.A. (2009), "Place and importance of economic security in the structure of the national security of Russia", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "E'konomika"*, no. 2, pp. 94–100.
5. Biryukov, V.V. (1992), *Nekotorye aspekty primeneniya sistemnogo podxoda i metodov imitacionnogo modelirovaniya v ocenke voennoj ugrozy. Sovremennye problemy nacional'no-gosudarstvennoj i mezhdunarodnoj bezopasnosti* [Some aspects of system approach and simulation techniques in the estimation of military threat. Modern problems of national-state and international security], VAGSH, Moscow, Russia.
6. Bogdanov, I.Ya. (2001), *E'konomicheskaya bezopasnost' Rossii: teoriya i praktika* [The Russian economic security: theory and practice], RIC ISPI RAS, Moscow, Russia, 348 p.
7. Bolyatko, A.V. (1993), "The targets of military security and ensuring their solutions", *Voennaya mysl'*, no. 4, pp. 10–13.
8. Bondarenko, M.V. (2010), "Security as a social category: the formation of categorical-conceptual apparatus", *Nauka i praktika*, no. 4 (45).
9. Glotina, I.M. (2014), "Modern architectonics of the research of the category "economic security", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 3 (59), pp. 236–238.
10. Gradov, A.P. (2005), *Nacional'naya e'konomika* [National economy], Piter, St. Petersburg, Russia, 240 p.
11. Gusakov, N.P. and Zotova N.A. (1998), *Nacional'nye interesy i vneshnee'konomicheskaya bezopasnost' Rossii* [The Russian national interests and external economic security], Kompaniya "Evrazijskij region", Moscow, Russia, 270 p.
12. Gyske', A.V. (2001), *Bor'ba s prestupnost'yu v sisteme obespecheniya vnutrennej bezopasnosti rossijskogo obshhestva* [The fight against crime in the internal security of the Russian society], Progressivnye bio-medicinskie texnologii, Moscow, Russia, 326 p.
13. Zelenkov, M.Yu. (2013), *Teoretiko-metodologicheskie problemy teorii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [Theoretical and methodological problems of the national security theory of the Russian Federation], Yurudicheskij institut MIITa, Moscow, Russia, 196 p.
14. Zubarevich, N. (2015), "Diversity – is what helps move forward", [Online], available at: <http://www.newsko.ru/articles/nk-2381971.htm> (Accessed 8 January 2015).
15. Illarionov, A.I. (1998), "Criteria for economic security", *Voprosy e'konomiki*, no. 10, pp. 35–58.

16. Ippolitov, K.X. (1996), *E'konomicheskaya bezopasnost': strategiya vozrozhdeniya Rossii* [Economic security: a strategy for the revival of Russia], Rossijskij Soyuz predpriyatij bezopasnosti, Moscow, Russia, 263 p.
17. Korsak, A.B. (2008), "Economic security system of the metropolis", Abstract of D. Sc. dissertation, Economy and management of a national economy: theory of economic systems, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, 47 p.
18. Kochergina, T.E. (2007), *E'konomicheskaya bezopasnost'* [Economic security], Phoenix, Rostov-on-Don, Russia, 445 p.
19. Kurochkin, Yu.S. (2011), *E'konomicheskaya vojna* [The economic war], Izdatel'stvo Sibirskogo universiteta, Novosibirsk, Russia, pp. 1146–1161.
20. Listopad, M.E. (2011), "The dialectic of the fundamental relations of economic security system", *Novye texnologii*, no. 1, [Online], available at: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-nt/2011-01/025.pdf> (Accessed 10 January 2015).
21. Listopad, M.E. (2011), "The evolution of ideas about economic security", *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, no. 3, pp. 385–387.
22. Lyachin, V.I. and Smirnov, A.I. (2008), "Defining the essence of economic security", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-e'konomicheskie nauki*, vol. 8, no. 1, pp. 55–66.
23. Manaseryan, T.N. (2009), *Osnovy e'konomicheskoy bezopasnosti* [Basics of economic security], RAU, Erevan, Armenia, 287 p.
24. Mehonceva, D.M. (1991), *Samoupravlenie i upravlenie: voprosy obshhei teorii sistem* [Self-management and management: issues of common system theory], Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, Krasnoyarsk, Russia, 248 p.
25. Morunov, V.V. (2011), "Economic security as an economic category", *E'konomicheskie nauki*, no. 10 (83), pp. 53–55.
26. Novoselov, S.V. (2010), "Security: essence and content", *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura*, no. 2, pp. 42–50.
27. Olejnikov, E.A. (ed.) (1997), *Osnovy e'konomicheskoy bezopasnosti (gosudarstvo, region, predpriyatie, lichnost')* [Basics of economic security (state, region, enterprise, personality)], ZAO "Biznes-shkola "Intel-Sintez", Moscow, Russia, 279 p.
28. Pavlenko, C.Z. (1998), "The Russian state security as a political issue", Doctoral dissertation, Political institutes, processes and technologies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
29. Panarin, S.A. (1998), "Security and ethnic migration in Russia", *Pro et Contra*, vol. 3, no. 4, pp. 5–27.
30. Petrenko, A. (1994), *Bezopasnost' v kommunikacii delovogo cheloveka* [Security in communication of business person], Texnologicheskaya shkola biznesa, Moscow, Russia, 203 p.
31. Pozdnyakov, A.I. (2006), *Sistema osnovnyx ponyatij teorii nacional'noj bezopasnosti s pozicij cennostnogo (aksiologicheskogo) podxoda* [The system of basic concepts of the theory of national security in terms of value (axiological) approach], RIC ISPI RAS, Moscow, Russia.
32. Raizberg, B.A., Lozovskij, L.Sh. and Starodubceva, E.B. (2006), *Sovremennyy e'konomicheskij slovar'* [Modern economic dictionary], INFRA-M, Moscow, Russia, 479 p.

33. Romashhenko, T.D. (2003), *E'konomicheskaya bezopasnost' nacional'nogo khozyajstva: teoriya, metodologiya, formirovanie v Rossii* [Economic security of the national economy: the theory, methodology, formation in Russia], Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, Voronezh, 216 p.

34. Svetlakov, A.G. and Shepel' D.V. (2004), "Economic security: problems and perspectives", *E'konomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, no. 4, pp. 20–28.

35. Shavaev, A.G. (1995), *Kriminologicheskaya bezopasnost' negosudarstvennykh ob'ektov e'konomiki* [Criminological security of non-state economic objects], INFRA-M, Moscow, Russia, 126 p.

36. Shhedrin, N.V. (1999), *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the legal theory of security measures], Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, Krasnoyarsk, Russia, 180 p.

37. Shhedrovickij, P.G., etc. (1998), "The skeleton of Russia (cities and municipal management)", *Izvestiya*, 4 December, [Online], available at: <http://conflictmanagement.ru/ostov-rossii-goroda-i-municipalnoe-upravlenie-2> (Accessed 20 December 2014).

38. Senchagov, V.K. (ed.) (1998), *E'konomicheskaya bezopasnost': proizvodstvo – finansy – banki* [Economic security: industry – finance – banks], ZAO "Finstatinform", Moscow, Russia, 621 p.

ECONOMIC SECURITY OF MUNICIPAL GOVERNMENT: GENESIS, ITS NATURE AND CONTENT

Oleg B. Ganin

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
E-mail: OBGanin@yandex.ru

Igor O. Ganin

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
E-mail: ganinio@bk.ru

The article considers the nature and content of a category "economic security" as a determining factor in sustainable development of social and economic systems at municipal level. The authors define the economic security of the municipality as a condition of the stability of the municipal economic sector, ensuring its socio-economic development in the national economy under the influence of internal and external economic threats, achieved through the implementation of its internal resource potential and adequate management.

Key words: security; economic security; threats; economic systems sustainability; sustainability of social and economic development; elements of economic security system; municipality

РОЛЬ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛИТ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Исследование феномена «партия власти» для современного российского политического процесса – одно из наиболее актуальных направлений политического анализа. Одной из ключевых задач партии «Единая Россия» (ЕР) является консолидация широких политических и общественных сил вокруг идеи укрепления государственности, поддержки президента, интеграции политического и управленческого класса. В этой связи особый интерес представляет исследование степени интеграции элит «партией власти» на местном уровне.

Статья посвящена изучению места и роли «партии власти» в интеграции элит. Автор внес некоторые уточнения в формулировку понятия «партия власти». Рассмотрены основные функции «Единой России», обоснована ограниченность «партии власти» на муниципальном уровне. Показано, что установлению максимальной степени консолидации партии «Единая Россия» мешает ряд факторов: внутриэлитный конфликт, полицентричный характер региональной элиты, а также существование сильной городской элиты.

Ключевые слова: «Единая Россия»; «партия власти»; региональная элита; политические партии; Свердловская область

Одним из главных атрибутов российской партийной системы является наличие «партии власти» в лице «Единой России». Термин «партия власти» прочно закрепился в российском политическом лексиконе. Его поочередно применяли к таким партиям и общественно-политическим организациям, как «Демократический выбор России» Е. Гайдара (1993), «Наш дом – Россия» В. Черномырдина, межрегиональное движение «Единство» С. Шойгу (1999), которое впоследствии стало основой формирования партии «Единая Россия» (2003, 2007 и 2011 гг.). Как нам представляется, партия власти – это организация партийного или квазипартийного типа, созданная по инициативе и при поддержке существующей власти, представленная в парламенте и по большинству вопросов внешней и внутренней политики поддерживающая президента и правительство [6, с. 309].

С нашей точки зрения, «партии власти» выполняют следующие функции [12, с. 153–160; 13, с. 6–12].

Стабилизаторская функция, направленная на снижение вероятности возникновения конфликтов между исполнительной и законодательной ветвями власти путем фактического подчинения парламента президенту посредством формирования «партии большинства».

«Партия власти» консолидирует электорат с целью завоевания парламентских мандатов. Иными словами, «партия власти» – это организационно

оформленная политическая структура, создаваемая правящей элитой для участия в думских выборах.

Фракция «партии власти» в представительных органах является своего рода «машиной для голосования», поддерживающая инициативы главы государства или правительства. Иными словами, наличие парламентского большинства обеспечивает принятие Госдумой законов, вносимых президентом и правительством, повышает эффективность законодательного процесса. По мнению Мелешкиной, под «партией власти» понимаются политические организации, создаваемые или используемые властью для участия в парламентских выборах и влияния на законодательный процесс [5, с. 145].

Функция консолидации, направленная на объединение групп элит (управленческих, экономических, политических), поддерживающих деятельность президента и правительства в институционально оформленное тело.

Справляется ли партия «Единая Россия» с задачей консолидации элит? Если применительно к федеральному и региональному уровням ответ достаточно очевиден, ситуация на локальном уровне требует, как нам представляется, дополнительного исследования. В данной статье ставится задача ответить на вопрос, в какой мере «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации элит на местном уровне, а также определить факторы, влияющие на ее эффективность.

Наиболее явно консолидирующая роль «Единой России» проявляется в ходе избирательных кампаний. Следовательно, поставленная задача будет решаться на эмпирическом материале местных выборов. Теоретически можно выделить несколько вариантов («моделей») роли партии «Единая Россия» в межэлитных взаимодействиях на электоральном поле [8, с. 149–150]:

1) «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации, вбирая в себя все (или почти все) элитные группы. Поскольку это так, соперниками кандидатов, выдвинутых «Единой Россией», могут быть лишь политические маргиналы, не обладающие сколько-нибудь существенными ресурсами. Соответственно, конкуренция на выборах фактически отсутствует;

2) консолидирующая роль «Единой России» ограничена, партия оказывается под контролем одной или нескольких элитных групп, но не может консолидировать все группировки. По тем или иным причинам некоторые из них либо не допускаются в партию, либо не желают работать на ее площадке. На выборах их кандидаты более или менее успешно конкурируют с представителями «партии власти»;

3) «Единая Россия» не является консолидирующей силой, большинство элитных групп конкурируют между собой публично, за рамками партии. Соответственно, кандидаты «единороссов» выступают на выборах относительно слабо.

Задача, таким образом, заключается не только в том, чтобы определить роль партии, но и объяснить причины сложившейся ситуации.

Исследование выполнено на материалах выборов в одном из субъектов РФ – Свердловской области, которые состоялись в 2012–2014 гг. в муниципальных районах и городских округах (выборы в городских и сельских поселениях не рассматривались). В качестве эмпирических данных использовались данные о кандидатах («субъекте» их выдвижения), а также о распределении голосов избирателей.

Переменная «консолидирующая роль “Единой России” на выборах» измеряется на интервальном уровне с помощью «индекса консолидации», который рассчитывается применительно к каждому избирательному округу. Индекс может принимать значение от 0 до 4. Правила присвоения соответствующего значения представлены в табл. 1. Максимальное значение индекса консолидации соответствует первой из трех названных выше моделей: первая – «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации (значение индекса равно 4). Вторая модель – «Единая Россия» представляет собой достаточно влиятельную силу, но не может консолидировать все элитные группы – предполагает достаточно высокий уровень электоральной конкуренции. Если кандидат «единороссов» побеждает, индексу присваивается значение 3, если проигрывает, – значение 2. Третьему варианту – «Единая Россия» не является консолидирующей силой – соответствуют значения индекса 1 и 0.

Таблица 1

**Операционализация переменной
«консолидирующая роль “Единой России” на выборах»**

Варианты (модели) роли ЕР	Распределение голосов между кандидатами	Значение индекса
1. ЕР является эффективным инструментом консолидации	Кандидат от ЕР набрал более 50% голосов избирателей	4
2. Консолидирующая роль ЕР ограничена	Кандидат от ЕР выиграл, но набрал менее 50%	3
	Кандидат от ЕР проиграл (набирает более 15%)	2
3. ЕР не является консолидирующей силой	Кандидат от ЕР проиграл (набирает менее 15%)	1
	Кандидат от ЕР отсутствует	0

В рамках рассматриваемого периода выборы глав прошли в 47 муниципальных районах (МР) и городских округах (ГО). Результаты кандидатов, выдвинутых на этих выборах партией «Единая Россия», представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты кандидатов, выдвинутых партией «Единая Россия», на выборах глав муниципальных образований в Свердловской области¹

Муниципальные образования	Дата	Доля голосов, полученных кандидатом от ЕР	Значение индекса консолидации
1	2	3	4
Верхний Тагил	16.02.2014	58,22	4
Екатеринбург	08.09.2013	29,7 (проигрыш)	2
Байкаловский МР	08.09.2013	86,65	4

¹ Источник: данные Избирательной комиссии Свердловской области.

IV. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Белоярский ГО	08.09.2013	Нет кандидата	0
Бисертский ГО	08.09.2013	32,56 (проигрыш)	2
Карпинск	08.09.2013	91,17	4
Краснотурьинск	08.09.2013	45,14	3
Пельм	08.09.2013	46,15	3
Староуткинск	08.09.2013	84,79	4
Ивдельский ГО	08.09.2013	41,29	3
Качканарский ГО	08.09.2013	54,72	4
Ирбит	08.09.2013	62,65	4
Камышловский МР	08.09.2013	70,56	4
Невьянский ГО	08.09.2013	50,96	4
Нижнетуринский ГО	08.09.2013	71,99	4
Полевской ГО	08.09.2013	57,72	4
Пышминский ГО	08.09.2013	41,83 (проигрыш)	2
Сысертский ГО	08.09.2013	55,98	4
Таборинский МР	08.09.2013	64,76	4
Шалинский ГО	08.09.2013	66,56	4
Алапаевск	14.10.2012	76,76	4
Арамиль	14.10.2012	39,56 (проигрыш)	2
Верхнее Дуброво	14.10.2012	73,71	4
Волчанский ГО	14.10.2012	31,52	3
Горноуральский ГО	14.10.2012	55,39	4
Дегтярск	14.10.2012	Нет кандидата	0
Каменский ГО	14.10.2012	27,82 (проигрыш)	2
Камышловский ГО	14.10.2012	48,90	3
Краснополянское СП	14.10.2012	85,07	4
Красноуфимск	14.10.2012	54,06	4
Кленовское СП	14.10.2012	78,03	4
Нижний Тагил	14.10.2012	92,35	4
Новоуральский ГО	14.10.2012	49,97	3
Слободо-Туринский МР	14.10.2012	43,36	3
Сухой Лог	14.10.2012	68,80	4
Тугулымский ГО	14.10.2012	73,46	4
Ачитский ГО	08.07.2012	29,92 (проигрыш)	2
Среднеуральск	27.05.2012	23,58 (проигрыш)	2
Артинский ГО	04.03.2012	55,09	4
Мальшевский ГО	04.03.2012	63,88	4
Каменск-Уральский	04.03.2012	74,02	4
Новолялинский ГО	04.03.2012	49,70	3

1	2	3	4
Богданович	04.03.2012	30,94 (проигрыш)	2
Верхний Тагил	04.03.2012	Нет кандидата	0
ЗАТО Свободный	04.03.2012	27,65 (проигрыш)	2
Красноуфимск	04.03.2012	74,63	4
Рефтинский	04.03.2012	62,77	4
Итого			3,1

Из таблицы 2 видно, что в 27 случаях из 47 «единороссы» смогли выставить консолидированного кандидата и победить. Другими словами, на выборах глав муниципальных образований «Единая Россия» более чем в половине случаев оказалась в состоянии выдвинуть сильного кандидата. Во всех остальных случаях конкуренция была достаточно сильной. В 9 муниципалитетах кандидаты, выдвинутые партией «Единая Россия», проиграли. Трижды «единороссы» не выставили своего кандидата, но это объясняется, видимо, исключительно спецификой предвыборной ситуации.

Итак, среднее арифметическое значение «индекса консолидации» показывает, что консолидирующая роль партии «Единая Россия» на муниципальном уровне ограничена, в целом партия не стала пока на 100% эффективным инструментом объединения местных элит.

С нашей точки зрения, степень эффективности «Единой России» как инструмента консолидации элит на местном уровне является результатом одновременного воздействия множества факторов. В каждом отдельном случае их набор и значимость, разумеется, уникальны, но можно выявить некие общие обстоятельства. Для объяснения того или иного фактора будет применен метод case study.

Во-первых, кандидаты от партии «Единая Россия» (или, шире, от областных властей) проигрывают выборы мэров в тех муниципальных образованиях, где им противостоит сильная, единая, автономная от региональной власти городская элита. В качестве примера можно привести выборы главы Екатеринбурга, которые состоялись 8 сентября 2013 года. На этих выборах кандидат от «партии власти» Яков Силин, поддерживаемый свердловским губернатором, проиграл общественнику Евгению Ройзману при попустительстве со стороны муниципальных властей. Дело в том, что между городской и региональной правящей элитами существует конфликт, обусловленный объективными причинами. В качестве экономических источников конфликта можно назвать попытки со стороны региональной власти и аффилированного с ней бизнеса взять под контроль жизненно важные для городской элиты активы. К политическим причинам относится стремление городской элиты сохранить независимость от региональной власти. Конфликт проходит в «мягкой форме»: противостояние элитных групп опосредовано через информацию в СМИ, открытые письма и обращения к населению. Иными словами, ареной борьбы являются информационное пространство (СМИ, городские форумы, блогосфера) и выборы. Иногда конфликт принимает вид полусилового противостояния, когда региональные власти, прибегая к помощи правоохранитель-

ных органов, используют уголовное или административное расследование как форму оказания давления на городскую элиту с целью принудить ее к «консенсусу» [10].

Во-вторых, одним из факторов, оказывающих отрицательное воздействие на реализацию потенциала политической партии «Единая Россия» как площадки согласования интересов элитных групп, является внутриэлитный конфликт. В качестве примера рассмотрим ситуацию на выборах мэра Белоярского городского округа. За право выдвижения кандидата от «Единой России» на выборах соперничали три противоборствующих группы: сторонники собственника холдинга «Финпромко» Анатолия Павлова, который поддерживал руководителя местной ячейки «партии власти» Александра Федорова; команда Ильи Гаффнера, продвигающего в мэры Павла Юдина; команда Олега Гусева, поддерживающего действующего на момент выборов мэра Александра Привалова. Основным предметом конфликта между уральскими олигархами – территория бывшей военной части в с. Косулино. «Единая Россия» из-за конфликта интересов в местном отделении так и не смогла определиться с кандидатом на пост мэра. В ходе выборной кампании мэр (Александр Привалов) и ставленник Павлова (Александр Федоров) решениями избиркомов и судов были исключены из списка кандидатов. В итоге на выборах победу одержал самовыдвиженец [1; 2; 3].

Если взглянуть на ситуацию шире, то суть конфликта заключается в противостоянии двух лагерей внутри фракции «Единой России» в региональном парламенте. С одной стороны, депутаты, образовавшиеся вокруг главы регионального отделения партии Виктора Шептия. Эта группа зародилась, когда Уральским межрегиональным координационным советом «Единой России» руководил депутат Госдумы Игорь Баринов. В нее входят примерно 8 человек: Виктор Шептий, Елена Чечунова, Максим Иванов, Александр Серебренников, Илья Гаффнер, Анатолий Никифоров, Валерий Савельев и Сергей Никонов. С другой стороны, депутаты, лидером которых можно условно назвать Анатолия Павлова: Виктор Якимов, Анатолий Сухов, Людмила Бабушкина [11].

Необходимо отметить, что «партия власти» никогда не была однородной, в том числе из-за своего «происхождения». «Единая Россия» была образована в 2001 году в результате объединения трех политических организаций: «Единство», созданная исключительно под Владимира Путина; «Отечество», организованная Евгением Примаковым и Юрием Лужковым; «Вся Россия», представлявшая интересы регионалов. На региональном уровне федеральный центр проводил политику по включению в списки «Единой России» представителей максимального числа местных групп элит с разными интересами, чтобы аккумулировать их электоральные ресурсы. Переизбыток конфликтующих групп внутри партии иногда делает достижение согласия между ними затруднительным [4].

Наконец, ограничивают консолидирующую роль «Единой России» достаточно сильные региональные отделения других политических партий. В целом партийную систему Свердловской области можно назвать многопартийной. На это указывают результаты двух последних выборов депутатов регионально парламента, когда ни одна из партий не набрала абсолютного большинства голосов избирателей (см. табл. 3).

Результаты выборов депутатов регионального парламента²

Партии	Годы, % / число депутатов, избранных по партийному списку	
	2010	2011
ЕР	39,79 / 6	33,12 / 9
Справедливая Россия	19,30 / 3	27,31 / 7
КПРФ	21,69 / 3	17,45 / 5
ЛДПР	16,88 / 2	15,87 / 4

Из таблицы 3 видно, что второй по популярности и значимости на выборах 2011 года была партия «Справедливая Россия» во главе с депутатом Госдумы А. Бурковым. На выборах глав муниципальных образований кандидаты, выдвинутые эсерами, победили в трех городах (Дегтярск, Арамилы и Бисерт). Кандидаты от иных партий не составили сильной конкуренции выдвиженцам от «Единой России» (за исключением «Гражданской платформы», кандидат от которой победил на выборах главы уральской столицы в сентябре 2013 года).

С нашей точки зрения, формирование многопартийной системы предполагает наличие определенных условий. Основным фактором, который способствовал развитию многопартийности в регионе, является полицентричный характер региональной элиты [7]. Так, в Свердловской области можно выделить ряд элитных групп, имеющих значительное влияние.

К первой группе относят группу губернатора Евгения Куйвашева, которую связывают тесные отношения с корпорацией СТС (частная энергетическая компания, осуществляющая деятельность на территории Уральского федерального округа). На федеральном уровне группа Е. Куйвашева связана с Сергеем Собяниным.

Вторая группа сформирована вокруг полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе Игоря Холманских. Эта группа представляет также интересы «Уралвагонзавода» и местных бизнес-элит Нижнего Тагила. У этой группы на федеральном уровне хорошие взаимоотношения с Дмитрием Рогозиным и генеральным директором государственной корпорации «Ростех» Сергеем Чемезовым; на местном уровне у группы в активе административный ресурс Нижнего Тагила.

В третью группу эксперты включают городскую элиту, фактически связанную с заместителем главы администрации Екатеринбурга Владимиром Тунгусовым, который обладает в пределах Екатеринбурга реальной властью.

К четвертой группе относится слабо консолидированная, но обладающая большим влиянием группа промышленных и металлургических предприятий. Эта группа связана с Уральской горно-металлургической компанией (УГМК), Объединенной металлургической компанией (ОМК), Трубной металлургической компанией (ТМК), корпорацией «ВСМПО-Ависма», Русской медной

² Источник: данные Избирательной комиссии Свердловской области.

компанией, Первоуральским новотрубным заводом, компаниями «Ренова» и «Русал». У данной группы выстроены контакты с Аркадием Дворковичем и Владимиром Якуниным [9].

Таким образом, проведенное исследование показало, что индекс значения «Единой России» как площадки по консолидации элитных групп на муниципальном уровне высокий. Однако установлению максимальной степени консолидации «Единой России» препятствуют несколько факторов. Во-первых, сильная, единая, автономная от региональной власти городская элита, находящаяся в конфликте с областными властями. Во-вторых, конфликты внутри регионального отделения партии «Единая Россия». Наконец, полицентричный характер региональной элиты, наличие нескольких элитных групп, которые используют политические партии в качестве инструментов в политической борьбе. Все это определяет высокий уровень конкуренции на муниципальных выборах в Свердловской области.

Список литературы

1. *Власти* Свердловской области отдали выборы в Белоярском на откуп олигархам [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdaurfo.ru/articles/vlasti-sverdlovskoy-oblasti-otdali-vybory-v-beloyarskom-na-otkup-oligarham> (дата обращения: 10.01.2015).
2. *Выборы* доведут до судов Павлова, Гусева и Гаффнера [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdaurfo.ru/articles/vybory-dovedut-do-sudov-pavlova-guseva-i-gaffnera> (дата обращения: 10.01.2015).
3. *Интриги* в «Единой России» оставят Белоярский без мэра [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdaurfo.ru/articles/intrigi-v-edinoy-rossii-ostavyat-beloyarskiy-bez-mera> (дата обращения: 10.01.2015).
4. *Кынев А.* Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm> (дата обращения: 10.01.2015).
5. *Мелешкина Е.Ю.* Доминирование по-русски или мировой феномен? // Полит. наука. 2006. № 1. С. 136–162.
6. *Мухаметов П.С.* Место и роль «партии власти» в политическом дискурсе // Дискурс Пи. 2010. Вып. 10. С. 308–309.
7. *Мухаметов П.С.* Политические партии в Свердловской области: этапы развития [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis: электрон. науч.-образоват. журн. 2013. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-politicheskie-partii-v-sverdlovskoy-oblasti-etapy-razvitiya> (дата обращения: 10.01.2015).
8. *Панов П.В.* «Единая Россия» как инструмент консолидации элит на местных выборах // Полит. партии и полит. конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: «КМК», 2010. С. 148–162.
9. *Противостояние* региональной и муниципальной власти и «протестные» сценарии в городах: социальная природа, связь с внутриэлитными конфликтами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politanalitika.ru/analitika/> (дата обращения: 10.01.2015).

10. *Резюме* проекта по исследованию внутриэлитного взаимодействия в регионах [Электронный ресурс]. URL: http://www.politanalitika.ru/analitika/rezyume_proekta_po_issledovaniyu_vnutrielitnogo_vzaimodeystviya_v_regionakh/ (дата обращения: 10.01.2015).

11. «Там, где военные стоят у власти, идет социально-экономический подъем». «Хунта Шептия» рвется на высокие посты [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/17-10-2013/articles/1036260564.html> (дата обращения: 10.01.2015).

12. Усманов С.А. Понятие «партия власти» в российской политике // Социология власти. 2008. № 3. С. 153–160.

13. Устименко С.В., Иванов А.Ф. Партия власти в современной России: ретроспектива и перспектива // Власть. 2003. № 8. С. 6–12.

Получено 04.02.2015

References

1. Pravda URFO (2013), “The Sverdlovsk region’s authorities have given Beloyarskij elections at the mercy of oligarchs”, available at: <http://pravdaurfo.ru/articles/vlasti-sverdlovskoy-oblasti-otdali-vybory-v-beloyarskom-na-otkup-oligarham> (Accessed 10 January 2015).

2. Pravda URFO (2013), “The elections will bring to trial Pavlov, Gusev and Gaffner”, available at: <http://pravdaurfo.ru/articles/vybory-dovedut-do-sudov-pavlova-guseva-i-gaffnera> (Accessed 10 January 2015).

3. Pravda URFO (2013), “Intrigues in “United Russia” will deprive Beloyarskij mayor”, available at: <http://pravdaurfo.ru/articles/intrigi-v-edinoy-rossii-ostavyat-beloyarskiy-bez-mera> (Accessed 10 January 2015).

4. Kynev, A. (2009), “Features of the interparty struggle in the Russian regions: the struggle of groups of influence and party imitation”, [Online], available at: <http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm> (Accessed 10 January 2015).

5. Meleshkina, E.U. (2006), “Dominating in Russian style or world phenomena?”, *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 136–162.

6. Muxametov, R.S. (2010), “The place and the role of the “party of power” in the political discourse”, *Diskurs Pi*, no. 10, pp. 308–309.

7. Muxametov, R.S. (2013), “Political parties in the Sverdlovsk region: stages of development”, *Studia Humanitatis*, no. 3, [Online], available at: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-politicheskie-partii-v-sverdlovskoy-oblasti-etapy-razvitiya> (Accessed 10 January 2015).

8. Panov, P.V. (2010), “United Russia” as the instrument of elites’ consolidation at the local elections”, in Korgunyuk, Yu.G., Meleshkina, E.Yu. and Mixaleva G.M. (eds.), *Politicheskie partii i politicheskaya konkurenciya v demokraticeskix i nedemokraticeskix rezhimax* [Political parties and political competition in democratic and undemocratic regimes], “KMK”, Moscow, Russia, pp. 148–162.

9. Politanalitika (2014), “Confrontation regional and municipal authorities and “protest” scenarios in the cities: social nature, connection with intra-elite conflicts”, available at: <http://www.politanalitika.ru/analitika/> (Accessed 10 January 2015).

10. Politanalitika (2014), “Project research summary of intra-elite interactions in the regions”, available at: http://www.politanalitika.ru/analitika/rezyume_proekta_po_issledovaniyu_vnutrielnogo_vzaimodeystviya_v_regionakh/ (Accessed 10 January 2015).

11. URA.ru (2013), “Where military are in power, there is a social-economic rise”, “Sheptiya’s junta” strives to take up high posts”, available at: <http://ura.ru/content/svrd/17-10-2013/articles/1036260564.html> (Accessed 10 January 2015).

12. Usmanov, S.A. (2008), “The concept “party of power” in Russia policy”, *Sociologiya vlasti*, no. 3, pp. 153–160.

13. Ustimenko, S.V. and Ivanov, A.F. (2003), “The party of power in contemporary Russia: retrospective and perspective”, *Vlast*, no. 8, pp. 6–12.

THE ROLE OF THE PARTY «UNITED RUSSIA» IN THE CONSOLIDATION OF ELITES AT THE MUNICIPAL LEVEL

Ruslan S. Mukhametov

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin»

51 Lenin str., Yekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: muhametov.ru@mail.ru

The article is devoted to the study of the «party of power». The author made his remarks on the concept of the «party of power». Much attention is paid to the distinctive features of the « party of power». The article described the main functions of the « party of power». The author believes that the role of “United Russia” at the municipal level is limited. In this work the author finds out that there are several reasons for this. The article refers to intra-elite conflicts, polycentric nature of the regional elite, as well as to the existence of strong urban elites.

Key words: «United Russia»; «party of power»; regional elite; political parties; Sverdlovsk region

УДК 78:352.075

А.А. ЛЯДОВА, ассистент кафедры социально-экономической географии
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: geografizpermi@yandex.ru

С.А. МЕРКУШЕВ, к.геогр.н., доцент кафедры социально-экономической
географии
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15

доцент кафедры экономики и менеджмента
Пермский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Пермь, бул. Гагарина, 10
Электронный адрес: merck.sergey@yandex.ru

РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Под музыкальной составляющей культурных инноваций мы понимаем весь спектр музыкального искусства с присущими признаками новизны, которые могут проявляться в тематике, формах подачи музыкального материала и воздействия на аудиторию. Говоря об инновационной составляющей, мы считаем необходимым подчеркнуть, что любые инновации должны опираться на прочный классический фундамент. Для того чтобы оценить потенциал городов и муниципальных районов с точки зрения использования музыкальных инноваций в их функциональной трансформации, была разработана методика. В ее основе – методика, предложенная М.В. Панасюком, А.В. Руденко для анализа кредитно-банковской системы Татарстана по критерию «центр – периферия» [18].

Определение и анализ системы «центр – периферия» региона являются новым и перспективным направлением исследований, позволяющим дать более глубокую оценку структурно-функциональных особенностей региональной системы, ее территориальной организации и перспектив развития, способствующим повышению качества мониторинга и анализа

На основе концепции «центр – периферия» была осуществлена оценка потенциала развития музыкальной сферы муниципальных образований Пермского края. На основе полученных данных и анализе культурных программ и проектов была дана оценка функциональной трансформации территорий. Авторы выделили 5 групп муниципалитетов в зависимости от восприятия музыкальной составляющей культурной инновации. Наибольшим потенциалом обладает г. Чайковский. Недостаточность музыкальной составляющей инновационного потенциала отмечена в следующих городах и районах Пермского края: г. Березники, г. Верещагино, г. Добрянка, г. Лысьва, г. Нытва, г. Чусовой, Чусовском районе и др.

Ключевые слова: культурные инновации; музыкальная сфера; трансформация функциональной структуры территории; социально-культурные программы и проекты; Пермский край

социально-экономической системы региона, направлений региональной политики.

Авторами предложена довольно простая и понятная методика выявления модальности любого региона, что в дальнейшем позволяет использовать ее для исследования других структурных и функциональных составляющих любой территориальной общественной системы.

На предварительном этапе выделения системы «центр – периферия» в музыкальной сфере Пермского края мы отобрали в 25 городах и всех муниципальных районах Пермского края (без учета городов) все объекты, так или иначе формирующие инфраструктуру музыкального искусства. К ним были отнесены оперные и балетные театры, музыкальные театры, объекты всех ступеней музыкального образования, дома культуры и клубы, центры дополнительного образования, отдельные коллективы (оркестры), общественные организации и союзы в музыкальной сфере, музыкальные магазины и магазины специализированной одежды и обуви, музеи, галереи, библиотеки, церкви, городские парки.

При этом сразу возник вопрос об оценке статуса, концентрации и масштабах связей объекта. Такая задача гораздо проще решается в системах с четко сложившейся функциональной иерархией, с фиксированным статусом единиц в единой сети, деятельность которых характеризуется стандартными статистическими показателями. Но в отношении объектов культуры, чья деятельность менее формализована и многокомпонентна и, как следствие, сложнее поддается анализу на основе обычных показателей, выполнить данное требование затруднительно.

На первом этапе проводилась *оценка ситуационного статуса*. Рассматривались только те объекты, которые могут влиять на развитие музыкальной сферы. Каждый из этих объектов был оценен в зависимости от важности в развитии музыкальной сферы (рис. 1). Баллы распределялись в пределах от 0 до 5 по следующим правилам:

- 0 – отсутствие данного объекта в городе, районе;
- 1 – наличие домов народного творчества, домов культуры и клубов, самодеятельных коллективов и оркестров, церковных хоров и хоров воскресных школ, библиотек, где существуют музыкальные клубы и объединения, городские парки;
- 2 – наличие детских музыкальных школ (ДМШ) и детских школ искусств (ДШИ) районов (без районных центров), культурных и общественных центров, не симфонических оркестров, курортов;
- 3 – наличие ДШИ и ДМШ в центре района и субъекта, средних специальных учебных заведений, готовящих специалистов в сфере музыки, джазовых и духовых оркестров, а также музыкальных магазинов и специализированных магазинов одежды и обуви, музеев, выставочных залов и галерей;
- 4 – наличие музыкальных вузов, музыкальных театров, концертных залов, академических и академических народных хоров, посольств и консульств;
- 5 – наличие оперного театра, органного зала, филармонии, капеллы, консерватории, симфонического оркестра, продюсерских центров, музыкальных издательств.

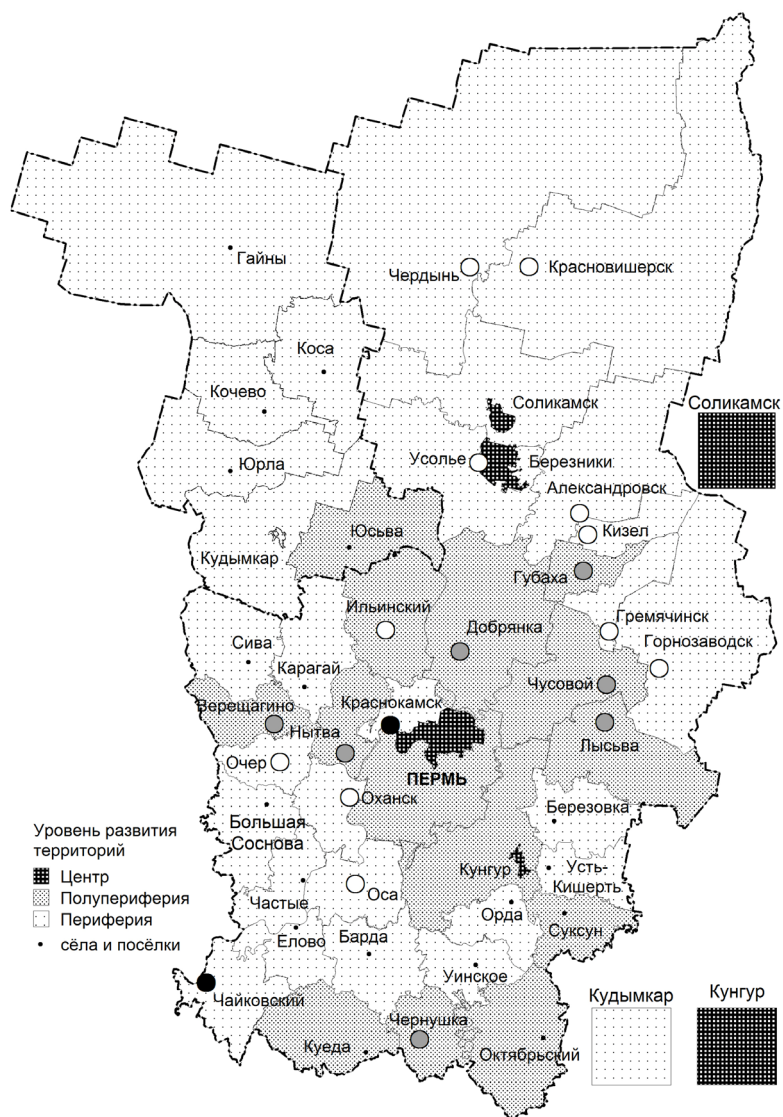

Рис. 1. Ситуационный статус территорий Пермского края

В итоге мера ситуационного статуса объекта в пределах региональной системы определялась по формуле

$$N_a = \sum_i \sum_j V_{aj} \times V_{ij}$$

где $a \in I$, N_a – узловое соединение города a в региональной системе, определенной как n объектов (городов, районов) i , и m организаций j , с V как балл офиса.

Оценка развитости музыкальной сферы i -го объекта вычислялась как

$$O_i = \sum_j V_{ij}$$

Рассчитываются три системы индексов:

1. Индексы центральности, K_c . Данные индексы дают возможность предположить, без наличия других данных, состояние системы «центр – периферия» и оценить ее структуру.

2. Индексы периферийности, K_p . Величина их значения показывает силу активности периферии.

3. Итоговые индексы уровня развития объекта относительно анализируемой системы «центр – периферия». Итоговые индексы рассчитываются по формуле

$$K_{p(c)} = \frac{(L_j \times 100)}{L_{p(c)}}$$

где L_j – промежуточный индекс, определяемый формулой

$$L_j = \sum_i x_{ij}$$

где x_{ij} – балльная оценка i -го показателя для j -го объекта,

L_c – значение индекса для центра.

Индексы подсчитываются для разных уровней системы:

- все объекты периферии по отношению к центру;
- все объекты периферии первого порядка по отношению к соответствующему центру второго порядка и все объекты периферии второго порядка по отношению к тому же центру второго порядка (полупериферии);
- центры второго порядка (полупериферии) по отношению к главному центру.

На втором этапе анализировалась *степень развитости системы связей рассматриваемых объектов с помощью формализованной оценки локализации их функций*. Для каждого объекта определены все его возможные функции, после чего каждой из функций присваивались баллы по следующим критериям:

- 1 – выполнение функции ограничивается пределами соответствующего города или района;
- 2 – выполнение функции ограничивается пределами другого города или района в пределах региона;
- 3 – выполнение функции распространяется за пределы анализируемого региона.

Далее по каждому объекту был подсчитан набор функций.

На третьем этапе составлялась таблица, показывающая, каким статусом обладала та или иная функция, строились карты (рис. 2, 3). Затем определялся статус города (района) путем деления суммы функций с учетом связей объ-

ектов на общее количество функций по всем рассматриваемым объектам той или иной территории. Статус в данном случае показывает потенциал возможностей территории для внедрения музыкальной составляющей культурных инноваций и их использования, в том числе с точки зрения функциональной трансформации территории.

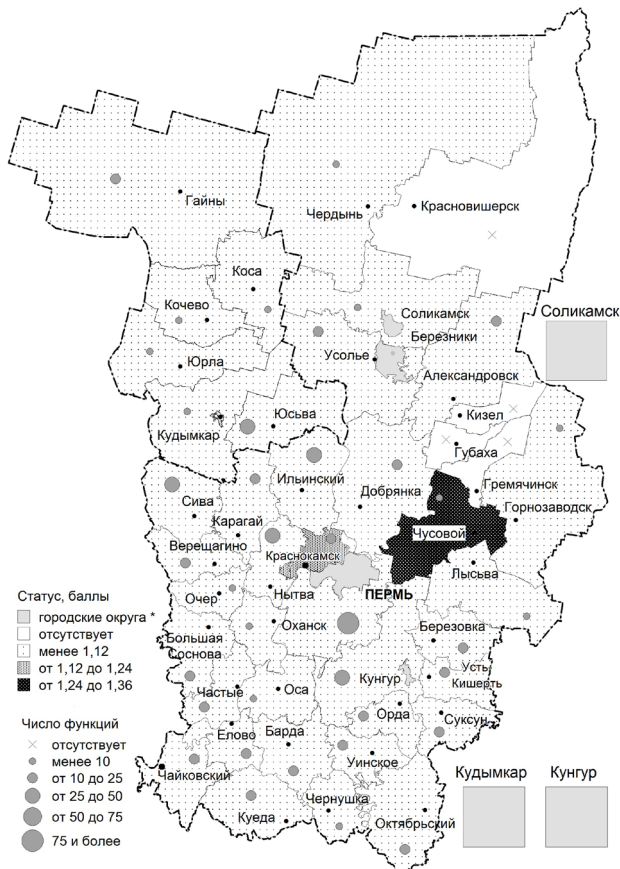

Рис. 2. Оценка статуса муниципальных районов Пермского края

Примечание: в Лысьвенском городском округе рассматривались отдельно г. Лысьва и другие поселения округа, в Губахинском городском округе – только г. Губаха

Считая, что инновации успешны лишь в том случае, когда они опираются на высокий потенциал, мы оценили готовность городов и муниципальных районов Пермского края к восприятию музыкальной составляющей культурной инновации и ее использованию в преобразовании функциональной структуры. Но оценка только ситуационного статуса не позволяет определить причины и содержание роли и значения модальности территории. Исходя из значений статуса нами выделены 5 групп. Одновременно характеристика проводилась относительно одной из крупных региональных культурных программ («Перм-

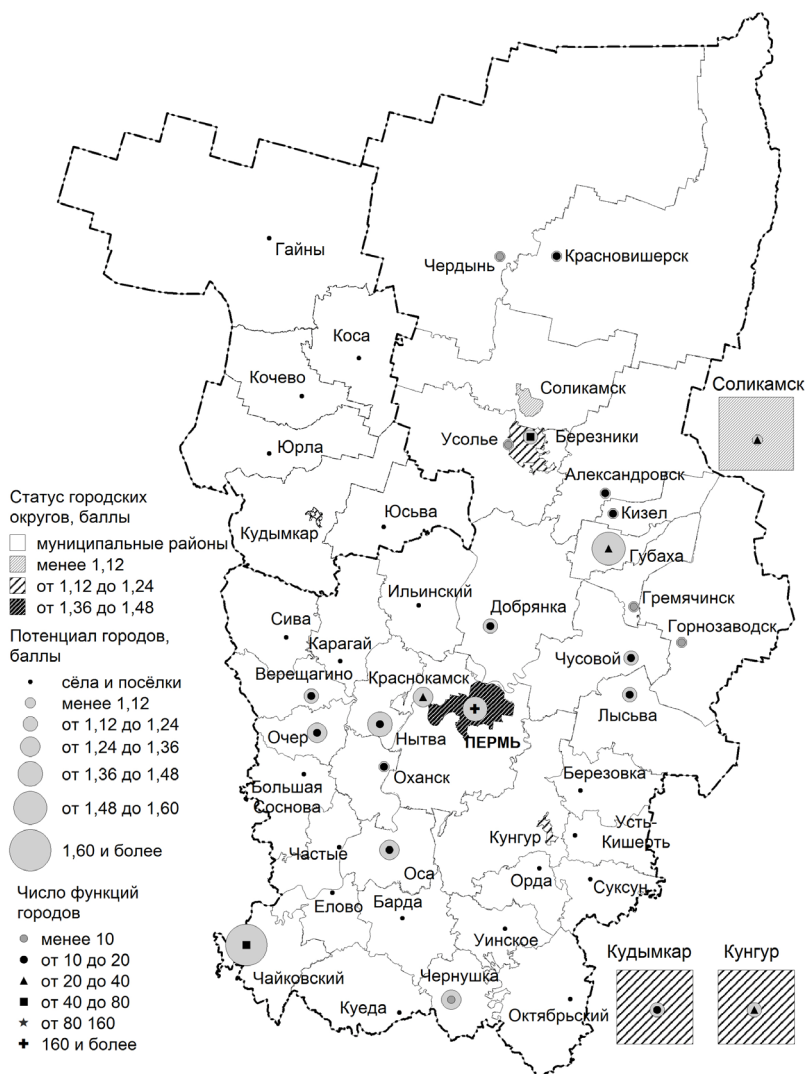

Рис. 3. Оценка статуса городских округов и городских поселений Пермского края

ский край – территория культуры», далее Программа) [20] и муниципальных конкурсов социально-культурных проектов (далее – Конкурс) [7].

В *первую группу* с очень высоким потенциалом (свыше 1,48 балла) вошел единственный город Пермского края – Чайковский (1,71 балла). Он выделяется на фоне других городов региона самым высоким статусом, свидетельствующим о значительном потенциале сферы музыкального искусства города с точки зрения трансформации его функциональной структуры. Этот потенциал прежде всего определяется всесторонней вовлеченностью объектов городской

музыкальной сферы в систему национальных связей, которая формировалась на протяжении длительного времени. Именно с Чайковского в 1970-е гг. начинается становление детского фестивального движения при деятельном участии одного из самых известных советских композиторов Д.Б. Кабалевского. Здесь создается третье в крае музыкальное училище, город вовлекается в развитие музыкального искусства. С самого первого Фестиваля музыкального искусства детей и юношества (2 октября 1977 г. – 19 июня 1978 г.) в нем принимали участие почти все районы и города Пермского края, а также коллективы из других регионов страны [19]. Фактически это позволило Чайковскому стать главным музыкальным центром Пермского края, получить общенациональную известность.

Современный период развития характеризуется тем, что город не утратил своих позиций. Фактически все культурные объекты города функционируют в музыкальном контексте города, являясь организаторами (Чайковское музыкальное училище, ДШИ № 1 и Чайковская ДМШ) [25] или местом проведения мероприятий (постоянно проходят концерты в Чайковской художественной галерее, Чайковском краеведческом музее, Чайковском городском парке, Чайковской городской библиотеке) самого различного уровня. Созданный районный центр развития культуры [25] координирует и продвигает все культурные проекты города: от программ работы с детьми на тему поведения на дороге до Международного конкурса молодых композиторов «Посвящение Чайковскому» и Всероссийского конкурса пианистов, посвященного П.И. Чайковскому. Деятельность Центра еще более активизировалась в 2014 г. благодаря Году культуры, особенно в продвижении таких уникальных проектов, как Международная Академия композиторов (в субъекте, где нет консерватории!). Единственным направлением, пока слабо проявляемым в сфере культуры Чайковского, остается хореографическая и танцевальная деятельность.

Несмотря на такую масштабную деятельность в области музыкального искусства, город не является активным участником Конкурса и Программы, хотя самостоятельно создает новые проекты, и не только в музыкальной сфере. Не проявляется музыкальная направленность в социально-культурном проектировании, осуществляемом за счет бюджета Чайковского муниципального района.

Вероятно, это связано с тем, что усиление централизации на всех иерархических уровнях власти приводит к усилению диспропорций «центр – периферия». И даже центры общенационального масштаба в региональных проектах участвуют слабо. Кроме того, сложившаяся ситуация, на наш взгляд, является негативным следствием чрезмерного увлечения концепцией «конкуренции регионов». В результате не используется шанс получить мощный пропульсивный эффект от взаимодействия двух центров, расположенных в соседних регионах – Чайковского и Воткинска, хотя оба входят в Ассоциацию «Галактика городов П.И. Чайковского». Воткинск, который долгое время был закрытым городом и в котором расположена усадьба, где родился композитор, привлекает тысячи туристов со всего мира; здесь проходят различные мероприятия. Но совместные усилия по развитию фестивального движения, связанные с именем гениального композитора, могли бы, по нашему мнению,

привести к культурному событию общенационального масштаба, сопоставимого с Савонлиннским оперным фестивалем в Финляндии или фестивалем в Олдборо (Великобритания). Добавим, что отсутствие должного взаимодействия привело к тому, что из 1,498 млрд руб., выделенных из федерального бюджета на мероприятия, связанные со 175-летним юбилеем П.И. Чайковского, Пермский край не получил ничего [3]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что в условиях усиления централизованной модели управления на федеральном уровне необходимо уделить особое внимание городам, расположенным на периферии регионов, но обладающим потенциалом общенационального масштаба. Именно такой подход, в том числе, позволит стать Чайковскому музыкальным центром национального масштаба, хотя мы не умаляем возможностей этого города как спортивного центра страны и важного промышленного центра.

Во *вторую группу* с высоким статусом (1.36 – 1.48 балла) попал г. Пермь (1.46 балла). Региональный центр в любом случае будет обладать большим потенциалом связей и возможностей. Его оценку стоит проводить в ряду подобных городов на уровне страны, поэтому в нашей статье он не рассматривается.

В *третью группу* со статусом выше среднего (1.24 – 1.36 балла) попали г. Губаха (1.33 балла), Краснокамск (1.25), Очер (1.31), Чернушка (1.25) и Чусовской район (1.25 балла).

Из всех городов группы Краснокамск и единственный район – Чусовской входят в Пермскую агломерацию. Очер находится у западной границы Пермской агломерации, Губаха у восточной, Чернушка расположена у южных границ региона.

С точки зрения реализации проектов в рамках Программы и Конкурса Краснокамск использует свой потенциал наиболее полно.

Участвуя в Программе, Краснокамск выделялся среди всех победителей своим разнообразием и большим количеством проведенных мероприятий, в том числе с ярко выраженной музыкальной составляющей, что говорит об успешном использовании имеющегося музыкального потенциала.

В 2008 году Краснокамск победил с программой «Рожденный в СССР», благодаря одному из пяти направлений которой в городе прошли такие мероприятия фестивальной и концертной тематики, как творческий вечер, посвященный памяти талантливого педагога, балетмейстера, художника Г.А. Штейнберг, межрегиональный фестиваль исполнителей авторской песни «Правый берег» [20].

В 2013 году Краснокамск победил в Программе с проектом «Краснокамск: модель будущего», яркой составляющей которого стал V фестиваль-конкурс церемониальной культуры, барабанщиков и мажореток «Прикамские звезды». Сам фестиваль возник еще в 2008 г., когда город выиграл региональный грант на его проведение и привлек в свои ряды группы из других городов края, возродив тем самым в крае традиции церемониальной культуры [2]. При этом городу удалось привлечь спонсоров из г. Перми (сеть музыкальных магазинов «МузТорг»). Позже организаторы решили изменить формат фестиваля и он переродился в Международный фестиваль «Барабан +».

Основными участниками всех музыкальных направлений в рамках фестиваля становились ДШИ, ДМШ. Координируют и продвигают все культурные проекты города местные организации – дом культуры Гознак и Ресурсный центр.

Активно проявляется реализованный музыкальный потенциал города и в Конкурсе. Город фактически является единственным в крае, где претворяются в жизнь музыкальные проекты. В 2013 году «Музыкальный салон “Музыка души – в каждой семье”» объединил разнообразные мероприятия. В их числе: «Музыкальные предпочтения в семье», мастер-классы, концерты учащихся музыкальной школы и школы искусств г. Краснокамска, «Домашний концерт» для семей с детьми с ограниченными возможностями, концерт-марафон под открытым небом. Проект был создан структурным подразделением средней общеобразовательной школы № 5 и детским садом № 44 [7].

В отличие от Краснокамска Чусовской район не принимал участие в Программе и не заявлял проекты на Конкурс. Его статус выше среднего при отсутствии профессиональных музыкальных объектов формируется благодаря близости к центру и деятельности только двух музейных объектов – Этнографический парк истории реки Чусовой и Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» [11; 27]. Многосторонняя деятельность этих объектов формирует музыкальную составляющую потенциала района, предлагая подготовленную «площадку» для внешних инноваторов.

Музей «Пермь-36» создан в 1993 г. и является бывшим лагерем ГУЛАГа ВС-389\12 (Пермь-36). Он уникален, поскольку является единственным хорошо сохранившимся на всем пространстве бывшего СССР от огромного множества лагерей сталинского ГУЛАГа. Одним из видов деятельности музея стало проведение международного гражданского форума «Пилорама», собирающего в палаточном городке несколько тысяч участников, в том числе из-за рубежа. В программе форума фестивали авторской песни, театральные спектакли, документальное кино, в мае 2010 г. на территории музея Пермским театром оперы и балета осуществлена уникальная постановка оперы Бетховена «Фиделио». Отметим, что в настоящее время складывается проблемная ситуация вокруг деятельности музея из-за скандала с финансированием [11].

В Этнографическом парке истории реки Чусовой не проводится постоянных фестивалей или организованных выступлений. Парк посещает и выступает в нем бард Олег Митяев, приезжают знакомые музыканты создателя музея – Леонарда Постникова. Интересен музей и тем, что здесь собрана уникальная коллекция гармоней [24].

Чернушка является административным центром района, где проживают представители пяти национальностей – русские, татары, башкиры, удмурты и чуваша. Нахождение на периферии Прикамья, вдали от крупных музыкальным центров (до г. Чайковского – 154 км, до Перми – 228 км) создало условия для развития музыкальной сферы в этнокультурном направлении, даже при наличии среднего музыкального «фундамента».

Этническая составляющая стала одним из основных направлений программы «Чернушка на вырост», с которой в 2014 г. город победил в конкурсе «Центры культуры Пермского края» Программы. В рамках этого проекта

наряду с выставками этнических культур, открытием этноцентра в краеведческом музее, ярмарками изделий мастеров народных промыслов проходили выступления всех народных музыкальных и танцевальных коллективов города и района. В том же ключе проходили другие фестивали Чернушки в рамках Программы – «Праздник Земли», «Купально воскресенье». В систему мероприятий Программы вошел молодежный рок-фестиваль «Южная зона», который проводится с 2004 г. в единственном месте проведения подобных фестивалей на юге края [20].

Из всех городов данной группы богатым историко-культурным и природным потенциалом, связанным с деятельностью рода Строгановых на Урале, а также с пермским периодом истории развития Земли, является Очер. Но его «воплощение» в проектах-победителях Программы было реализовано в 2009 г., но без музыкальной составляющей, хотя в 2007 г. благодаря региональному гранту Очерский краеведческий музей им. А.В. Нещетаева получил возможность реализовать проект экспозиции «Ожившее наследие», посвященной 200-летию юбилею Очерского театра – одного из первых на Урале. Этот народный любительский театр, возникший в строгановских владениях, стал зачинателем оперного искусства в крае. Сама экспозиция, включающая музыкальные инструменты, документы, фотографии, устроена так, что позволяет давать концерты и спектакли [17; 20].

Город Губаха, находясь на периферии, в окружении депрессивных районов востока края, фактически является консолидирующим центром, в том числе и в области культуры. Город стал центром культуры края в 2014 г., но не в сфере музыки. Тем не менее, Губаха сохраняет свой «классический фундамент» благодаря активной деятельности ДМШ и ДШИ, где проходят мастер-классы и концерты преподавателей Московской консерватории, а сами учащиеся школ постоянно выступают в Кизеле и Гремячинске. Дом культуры «Северный» проводит на территории городского парка краевой фестиваль дискотек «Чистые танцы» [4]. Статус города повышается благодаря выступлениям артистов балета Пермского академического театра оперы и балета им. П.И. Чайковского у подножия г. Крестовой в рамках проекта «Балет на закате». Данный проект ориентирован на гармонизацию восприятия природы горных районов края, мастерства артистов и деятельности единственного в этом районе драматического театра «Доминанта», отвечающего за организацию и творческую поддержку проекта [13].

Четвертую группу со средним потенциалом (1.12 – 1.24) образуют города Березники (1.20 балла), Верещагино (1.19 балла), Добрянка (1.20 балла), Кудымкар (1.23 балла), Кунгур (1.20 балла), Лысьва (1.23 балла), Нытва (1.29 балла), Чусовой (1.18 балла), а также Краснокамский район (1.14 балла).

Большинство территорий группы расположены в пределах Пермской агломерации или на ближайших подступах к ней. Березники являются центром второй, пока формирующейся агломерации Пермского края. Статус (потенциал) Кудымкара определен длительным периодом его функционирования как центра субъекта РФ. Таким образом, на статус этих городов (средний) повлияло то, что в их географическом положении центральных черт больше, чем периферийных.

Рассмотрим, как средний потенциал музыкальной составляющей культурных инноваций используется в социально-экономическом развитии территорий группы.

Такие центры, как Нытва, Верещагино, Чусовой, выделяются тем, что не только не позиционируют себя как музыкальные центры региона, но даже ни разу не становились победителями Программы. Единственное, что объединяет эти центры – это активная деятельность их детских школ искусств по развитию музыкальной культуры. Например, Верещагино является центром проведения межмуниципальных конкурсов и выступлений не только для горожан, но и для жителей соседних территорий, поскольку ближайшие музыкальные центры расположены далеко [11; 20; 26].

Близость Нытвы и Чусового к городу Перми создает возможности для постоянных контактов коллективов школ с высшими учебными заведениями (Пермская государственная академия искусства и культуры дает концерты в Нытве) и известными коллективами Перми (MusicAeterna приезжает в Чусовой). Тем самым повышается статус этих школ [5; 24].

В отличие от Чусового и Верещагино на повышение культурного статуса Нытвы повлиял фактор выполнения функций концертных площадок на базе Нытвенского краеведческого музея и Музея ложки, которые приняли участие в проекте Пермской краевой филармонии «Камских вод звезда». Концерты рассчитаны и на местных жителей, и на ту часть слушателей, которые проводят лето за городом [9]. Особый колорит такой деятельности придают экспозиция уникальных музыкальных инструментов (ложек) в Музее ложки и мастер-классы по игре на них, в том числе и гостями из других регионов России.

Более ярким примером влияния Пермского центра является Добрянка (1.20 балла). Город, так же как и Нытва, стал постоянным партнером Пермской краевой филармонии. В стенах Добрянской ДМШ проводятся выступления и мастер-классы коллективов Перми (Академический хор «Млада»), музыкантов из России и зарубежья, проходят мероприятия в рамках Международного фестиваля органной музыки. Концертной площадкой для таких мероприятий стал Культурно-досуговый центр «Орфей» [6]. Свой вклад в потенциал города вносит муниципальное учреждение культуры «Ансамбль песни и танца народов Урала “Прикамье”» – единственный в крае профессиональный танцевальный коллектив. Его деятельность широко известна за пределами региона [10].

Краснокамский район развивает свой потенциал также под влиянием культурных центров. Музыкальная школа пос. Майский принимает участие в конкурсах Пермской краевой филармонии [9]. Дом культуры этого поселка в перспективе можно рассматривать как еще один культурный и музыкальный центр Краснокамского района и края в целом. Здесь в 1978 г. был образован народный ансамбль песни и танца «Узоры Прикамья», о котором знают далеко за пределами края. В 2009 году поселок стал единственным в России, у которого есть город-побратим – город Марли во Франции. Во многом это произошло благодаря совместным выступлениям ансамбля с коллективами г. Марли в Европе [14].

Кудымкар получил относительно высокую оценку в силу того, что долгое время являлся административным центром Коми-Пермяцкого автономного

округа. Город дважды побеждал в Программе (в 2007 и 2011 гг.), но основные его проекты были нацелены на сохранение коми-пермяцкого культурного наследия (создание пешего маршрута по Красной Горке, скульптуры прародителя коми-пермяцкого народа Кудым-Оша, экспозиции в музее имени П.И. Субботина-Пермяка и т.д.) [20]. «Столичность» Кудымкара позволяет ему брать на себя эти проекты, однако они в основном являются привнесенными извне «готовыми культурными продуктами».

Говоря о Березниках, можно отметить, что его музыкальный статус (выше среднего) лишь частично учтен в рамках Программы и городских социально-культурных проектов.

В 2013 году одним из победителей Программы стал березниковский проект «Березники. Город-авангард», в рамках которого существовало направление «Музыка парков и скверов», где учащиеся ДШИ, ДМШ № 1 им. П.И. Чайковского, ДМШ № 2 «Камертон», ДШИ им. Л.А. Старкова, Школы-балета давали совместные концерт на открытом воздухе [20].

Однако музыкальная составляющая «затерялась» в мероприятиях социальной и экологической направленности, хотя инновационный потенциал города далеко не исчерпан [7]. Хотелось обратить внимание на то, что Березники – второй хореографический центр края, но его школа-балет мало известна жителям региона. Все специализированные музыкальные учебные заведения – крупные центры проведения методических или концертных мероприятий не только для г. Березники, но и для соседних районов. Дома культуры города являются крупными концертными площадками. Почти все центры дополнительного образования детей предлагают обучение по различным музыкальным направлениям. В городе действует второе в крае музыкальное училище, где студенты могут обучаться по направлению, которого нет даже в музыкальных вузах Перми – музыкальное звукооператорское мастерство [1]. В 1961 году здесь был создан единственный в крае профессиональный джазовый оркестр, который до сих пор известен в основном березниковцам и любителям джаза в Перми. Фактически в г. Березники складывается ситуация, когда большой музыкальный потенциал работает только на «обслуживание» местного населения второго крупного промышленного центра края.

Относительная сбалансированность статуса (музыкального потенциала) и его использование в рамках региональных конкурсов проектов характерны для Лысьвы и Кунгура.

Лысьва пока не позиционирует себя как музыкальный центр. Хотя город уже зарекомендовал себя как место проведения краевых рок-фестивалей ТРИНИТИ и ЕдиноROCK, который на территории Парка культуры и отдыха имени А.С. Пушкина объединил в одно музыкальное действо танцоров, диджеев и рок-музыкантов [22]. Также в Лысьве, которая является центром благочиния, была открыта школа звонарей [19] при участии создателя первой в России профессиональной школы звонарей старшего звонаря Успенского собора в Архангельске Владимира Петровского.

Город дважды становился победителем Программы (в 2009 и 2014 гг.), в рамках которой начинает заявлять о себе имеющийся музыкальный потенциал инноваций. Так, появился детский интерактивный арт-объект «Крылатые

качели», что связано с именем знаменитого уроженца Лысьвы популярного советского композитора Е. Крылатова. Его юбилей и юбилей музыкальной школы, которую он закончил, отмечались в 2014 г. В рамках празднования благодаря Программе состоялся показ мюзикла на музыку композитора [20; 23].

Кунгур является городом, развитие которого в наибольшей степени осмысленно с точки зрения особенностей его экономико-географического положения и наиболее вероятных направлений перспективного пространственного развития Пермского края [12]. Культурное наследие Кунгура и современные проекты сегодня активно востребованы. Так, старейший в крае муниципальный народный эстрадно-духовой оркестр «Геликон» (1910 г.), хотя и не представлен как визитная карточка города, но всегда участвует во всех знаковых мероприятиях, в том числе в «Небесной ярмарке» (концерты в парке культуры и отдыха). Также являясь центром благочиния, Кунгур проводит краевые пасхальные фестивали, фестивали детских хоровых и вокальных коллективов «Хвалите Господа с небес!» для церковных воскресных школ, коллективов музыкальных и художественных школ городов всех районов благочиния [19].

Соразмерно музыкальному статусу города и его участие в инновационной Программе. Город дважды становился победителем. На выделенные финансовые средства проведены музыкальный фестиваль «Кунгурский разгуляй» и фестиваль-конкурс гармонистов и частушечников «Мы за чаем не скучаем!» [20]. В то же время обращает на себя внимание слабая представленность музыкальной составляющей в рамках Конкурса [7].

Пятую группу образуют города и районы с низким статусом (1.0 – 1.12). Оценка участия данных территорий в Конкурсе не производилась по причине отсутствия такого мероприятия или отсутствия в них музыкальной составляющей. Эту группу можно разделить на 4 подгруппы:

– принимали участие, есть музыкальная составляющая: Александровский район (1.09 балла), Бардымский район (1.1 балла), г. Горнозаводск (1.0 балл), пос. Ильинский (1.03 балл), Октябрьский район (1.0 балл), г. Оса (1.07).

Из всех территорий подгруппы пос. Ильинский входит в Пермскую агломерацию. Поселок дважды побеждал в Программе (2007 и 2014 гг.), и в обоих случаях половина всех проектов была музыкальной. Прошли концерты ансамбля «Духовный сад», детского музыкального театра «Отражение», фестиваль детской эстрады «Звездный дождь». Ввиду своего низкого потенциала данное поселение должно предпринять шаги в направлении его повышения, иначе все усилия в рамках культурных программ не будут иметь должного эффекта [20].

Остальные районы подгруппы – это периферия края, причины проведения здесь музыкальных мероприятий разные.

Концерт «Симфония на воде» и фестиваль «Rock-line над Вильвой» прошли в п. Всеволодо-Вильва (Александровский район), но данное событие можно оценить как привнесённый продукт, так как основным местом проведения фестиваля является Пермь. Благодаря победе в 2013 г. в Программе проекты г. Горнозаводска – хореографическое световое шоу «Бал минералов» и фестиваль-марафон «На Тельманштрассе» [20] – стали известными.

Мероприятия с выраженной этнокультурной музыкальной составляющей прошли в Бардымском и Октябрьском районах (оба района побеждали в 2009 и 2010 гг. соответственно). В последнем был проведен традиционный VI краевой праздник «Играй, гармонь! Звени, частушка!», а Барда принимала VI краевой фестиваль народного творчества татар и башкир «Туган ягым моннары» (Мелодии родного края). Тематика данных фестивалей в определенной степени связана с главной задачей периферии – сохранением и передачей традиционной культуры [20].

Только в г. Осе проводимое мероприятие поддержало Всероссийский детский джазовый фестиваль «Свежий ветер», который теперь проводится ежегодно;

- принимали участие, нет музыкальной составляющей: Чердынь (1.0 балл) и Чердынский район (1.0 балл), Лысьвенский городской округ без г. Лысьвы (1.0 балл), Нытвенский район, Пермский район (1.1 балла);

- не принимали участие, но есть музыкальный потенциал: Юсьвинский район (1.07 балла), Ординский район (1.06 балла), г. Усолье (1.0 балл). Периферийные Ординский район и г. Усолье объединяет наличие базы для развития музыкальной сферы. В Орде был создан духовой оркестр, в Усолье с 2014 г. проводится Фестиваль колокольных звонов и духовной музыки «Звоны России» [8; 16]. Юсьвинский район является самым «потенциально» развитым районом Коми-Пермяцкого округа, обладающим большим количеством музыкальных объектов и старейшим в округе оркестром народных инструментов им. И. Ивановой Пожвинского Дома культуры (возник в 1932 г. в пос. Пожва), который известен за пределами региона [15];

- не принимали участие, нет музыкального потенциала (у всех территорий статус равен 1.0 балл, кроме указанных в скобках): Березовский, Большеосновский, Верещагинский, Еловский, Гайнский, Гремячинский (0 баллов), Добрянский, Кизеловский (0 баллов) и г. Кизел, Карагайский, Кишертский район, Косинский, Кочевский, г. Красновишерск и Красновишерский район (0 баллов), Кудымкарский, Кунгурский район, Сивинский, Осинский, Оханск и Оханский район, Очерский, Соликамский (1.1 балла), Суксунский, Чердынский, Чернушинский, Юрлинский.

Подводя итог, можно рекомендовать организаторам культурной политики в крае обратить внимание на недостаточность музыкальной составляющей инновационного потенциала в следующих городах и районах края: г. Березники, г. Верещагино, г. Добрянка, г. Лысьва, г. Нытва, г. Чусовой, Чусовском районе и на территориях, относящихся к пятой группе.

Список литературы

1. *Березниковское* музыкальное училище (колледж) [Электронный ресурс]. URL: <http://bereznikibmu.ru> (дата обращения: 20.07.2014).
2. *В ритме* забытого жанра [Электронный ресурс] // Мы – земляки. 2013. 10 сент. URL: http://www.mizemlyaki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=732:2013-09-10-20-11-43&catid=1:latest-news&Itemid (дата обращения: 20.07.2014).

3. *Великому сыну Удмуртии*. Началась подготовка к 175-летию П.И. Чайковского // Музыкальное обозрение. 2013. № 7–8 (358–359). С. 2–3.
4. *Дворец культуры «Северный» администрации городского округа «Город Губаха»* [Электронный ресурс]. URL: <http://dvorez-sever.nethouse.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
5. *Детская школа искусств г. Нытва* [Электронный ресурс]. URL: <http://dshi.nytvasc2.ru> (дата обращения: 20.07.2014).
6. *Добрянская детская школа искусств* [Электронный ресурс]. URL: <http://cool-septima.narod.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
7. *Ежегодный доклад Совета муниципальных образований Пермского края «О состоянии местного самоуправления и развитии муниципальных образований в Пермском крае в 2013 году»*: принято 25 апр. 2014 г. VIII Съездом Совета муницип. образований Пермского края.
8. *Звоны над Камой* [Электронный ресурс] // Мы – земляки. 2014. 11 февр. URL: http://www.mizemlyaki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=835:2014-02-11-13-34-59&catid=1:latest-news&Itemid=18 (дата обращения: 15.10.2014).
9. *«Камских вод звезда» взойдет над Прикамьем* [Электронный ресурс] // Независимый гор. портал «prm.ru». 2010. 21 июля. URL: <http://afisha.prm.ru/news/kamVodZvezda> (дата обращения: 21.07.2014).
10. *Концертная организация «Ансамбль песни и танца народов Урала «Прикамье»* [Электронный ресурс]. URL: <http://zsr-perm.ru/mbuk-ansambl-pesni-i-tanca-narodov-urala-prikame-koncertnaya-organizaciya> (дата обращения: 20.07.2014).
11. *Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm36.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
12. *Меркушев С.А.* Среда как ограничитель и стимулятор реализации туристского потенциала территории // Геогр. вестник. 2010. № 1 (12).
13. *Молодежная театр-студия «Доминанта»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teatrd.ru/> (дата обращения: 20.09.2014).
14. *Народный ансамбль песни и танца «Узоры Прикамья» отметил свое 35-летие* [Электронный ресурс]. URL: <http://krasnokamskiy.com/in/md/news2?mode=news&news=1002231> (дата обращения: 20.07.2014).
15. *Оркестр народных инструментов пос. Пожва* [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803805184> (дата обращения: 20.07.2014).
16. *Отчет о деятельности муниципального автономного учреждения Ординского муниципального района МАУ «Ординский духовой оркестр»* [Электронный ресурс]. URL: http://orda.permarea.ru/upload/pages/22430/dat_137171766078.dochttp://rock-line.ru/ (дата обращения: 20.07.2014).
17. *Очерский краеведческий музей им. А.В. Нецветаева* [Электронный ресурс]. URL: <http://nezvmuseum.ucoz.ru/> (дата обращения: 14.09.2014).
18. *Панасюк М.В., Руденко А.В.* Определение системы «центр – периферия» региона // Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практ. опыт: материалы Междунар. конф. (Калининград, Берлин 25–31 авг. 2006 г.). Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2006. С. 90–96.

19. *Пермская епархия* [Электронный ресурс]. URL: [http:// pravperm.ru/](http://pravperm.ru/) (дата обращения: 20.07.2014).
20. *Программа «Пермский край – территория культуры»* [Электронный ресурс]. URL: <http://tk.permkrai.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
21. *Пряжникова В.М.* Чайковский – город музыкальный // Город Чайковский от древности до наших дней: материалы краеведческой конф., посвященной 45-летию г. Чайковского (Чайковский, 7 апр. 2001 г.). Пермь, 2002. С. 59–63.
22. *Рок-фестиваль ЕДИНОРОК 2011* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lysva.ru/forum/music/subject5548> (дата обращения: 18.09.2014).
23. *Старт «зеленого человечка»* // Новый компаньон. 2014. № 9 (778). С. 2–3.
24. *Чайковский районный центр развития культуры* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturechaik.ru/> (дата обращения: 20.07.2014).
25. *Чусовская детская школа искусств имени Балабан* [Электронный ресурс]. URL: <http://planeta-muz.ru> (дата обращения: 20.07.2014).
26. *Школа искусств Верещагинского муниципального района* [Электронный ресурс]. URL: <http://verdmsn.perm.muzkult.ru/> (дата обращения: 10.10.2014).
27. *Этнографический парк истории реки Чусовой* [Электронный ресурс]. URL: <http://etnopark.com/> (дата обращения: 20.07.2014).

Получено 03.12.2014

References

1. The site of the Berezniki music school (college) (2014), available at: <http://bereznikibmu.ru> (Accessed 20 July 2014).
2. The official site of the journal “Mi zemlyaki” (2013), “In the rhythm of forgotten genre”, 10 September, available at: http://www.mizemlyaki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=732:2013-09-10-20-11-43&catid=1:latest-news&Itemid (Accessed 20 July 2014).
3. “For the great son of Udmurtia. Preparations for the 175th anniversary of P.I. Tchaikovsky” (2013), *Muzykal'noe obozrenie*, no. № 7–8 (358–359), pp. 2–3.
4. The site of the Palace of culture “Severnyj” city district administration “City Gubakha” (2014), available at: <http://dvorez-sever.nethouse.ru/> (Accessed 20 July 2014).
5. The site of the Nytva children’s art school (2014), available at: <http://dshi.nytvasc2.ru> (Accessed 20 July 2014).
6. The site of the Dobryanka children’s music school (2014), available at: <http://cool-septima.narod.ru/> (Accessed 20 July 2014).
7. The official site of the Council of Municipalities of Perm Krai (2014), “Annual report of the Council of Municipalities of Perm Krai “On the status of local government and community development in Perm Krai in 2013”, adopted 25 April 2014 by the VIII Congress of the Council of Municipalities of Perm Krai, available at: permarea.ru/upload/pages/6021/dat_1405311714458.doc (Accessed 20 July 2014).

8. The official site of the journal “Mi zemlyaki” (2014), “Chimes over the Kama river”, available at: http://www.mizemlyaki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=835:2014-02-11-13-34-59&catid=1:latest-news&Itemid=18 (Accessed 15 October 2014).

9. Prm.ru (2010), “Kama water star” will rise above the Kama area”, available at: <http://afisha.prm.ru/news/kamVodZvezda> (Accessed 21 July 2014).

10. The site of the innovation project “Zolotyie stranicy Rossii. Perm i Permskij kraj” (2014), “Concert organization “Song and dance ensemble of the Urals peoples “Prikam’e”, available at: <http://zsr-perm.ru/mbuk-ansambl-pesni-i-tanca-narodov-urala-prikame-koncertnaya-organizaciya> (Accessed 20 July 2014).

11. The official site of the Memorial center of the history of political repression “Perm-36”, available at: <http://www.perm36.ru/> (Accessed 20 July 2014).

12. Merkushev, S.A. (2010), “Environment as a limiter and a stimulant implementation of tourist potential of the territory”, *Geograficheskij vestnik*, no. 1 (12), pp. 14–24.

13. The site of the Youth theatre-studio “Dominanta” (2014), available at: <http://www.teatrd.ru/> (Accessed 20 September 2014).

14. The official site of the Krasnokamsk municipal district (2013), “Folk song and dance ensemble “Uzory Prikam’ya” celebrated 35-th birthday anniversary”, available at: <http://krasnokamskiy.com/in/md/news2?mode=news&news=1002231> (Accessed 20 July 2014).

15. Perm Krai. Encyclopedia (2014) “Russian folk orchestra of town Pozhva”, available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803805184> (Accessed 20 July 2014).

16. The official site of the Orda municipal district (2013), “The report of the municipal autonomous organization of the Orda municipal district “The Orda brass band” from 1 January 2013 to 31 December 2013”, available at: http://orda.permarea.ru/upload/pages/22430/dat_137171766078.doc (Accessed 20 July 2014).

17. The official site of the Ocher local history museum n.a. A.V. Necvetaeva (2014), available at: <http://nezvmuseum.ucoz.ru/> (Accessed 14 September 2014).

18. Panasyuk, M.V. and Rudenko, A.V. (2006), “The definition of the system “center – periphery” in the region”, *Ustoichivoe razvitie territorij: teoriya GIS i prakticheskij opyt. Materialy konferencii* [Sustainable development of territories: GIS theory and practical experience: proceedings of the International conference], Kaliningrad, Berlin, 25–31 August 2006, Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni I. Kanta, Kaliningrad, Russia, pp. 90–96.

19. The official site of the Perm eparchy (2014), available at: <http://pravperm.ru/> (Accessed 20 July 2014).

20. The official site of the project “Permskij kraj – territoriya kul’tury” (2014), available at: <http://tk.permkrai.ru/> (Accessed 20 July 2014).

21. Pryzhnikova, V.M. (2002), “Tchaikovsky is a music city”, *Gorod Chajkovskij ot drevnosti do nashix dnei: Materialy kraevedcheskoj konferencii, posvyashhennoj 45-letiyu g. Chajkovskogo*, [Tchaikovsky city from antiquity to the present day: proceedings of the local history conference, dedicated to the 45th anniversary of Tchaikovsky], Chajkovskij, 7 April 2001, Perm, Russia, pp. 59–63.

22. The official site of Lysva town (2011), “The rock festival EDINOROCK 2011”, available at: <http://www.lysva.ru/forum/music/subject5548> (Accessed 18 September 2014).
23. “Start a “green man” (2014), *Novyj kompan'on*, no. 9 (778), pp. 2–3.
24. The official site of the Tchaikovsky district center of culture development (2014), available at: <http://www.culturechaik.ru/> (Accessed 20 July 2014).
25. The site of the Chusovoy children’s art school n.a. Balaban (2014), available at: <http://planeta-muz.ru> (Accessed 20 July 2014).
26. The site of the art school of Vereschagino municipal district (2014), available at: <http://verdmsn.perm.muzkult.ru/> (Accessed 10 October 2014).
27. The official site of the ethnographic park of Chusovaya river history (2014), available at: <http://etnopark.com/> (Accessed 20 July 2014).

MUSICAL CULTURAL INNOVATION AS AN INNOVATION OF MUNICIPAL DISTRICTS’ FUNCTIONAL TRANSFORMATION

Anisya A. Lyadova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: geografizpermi@yandex.ru

Sergey A. Merkushev

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Perm Affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public

Administration, 10 Gagarin bul., Perm, 614060, Russia

E-mail: merck.sergey@yandex.ru

The evaluation of musical sphere development in municipal districts of Perm Krai is based on the «center-periphery» conception. The evaluation of functional transformation of regions was given on the basis of obtained data and analysis of local cultural programs and projects. The authors identified five groups of municipalities, depending on the perception of the musical component of cultural innovation. Tchaikovsky city has the greatest potential. Lack of musical component of innovative potential was noted in the following towns and districts of Perm Krai: Berezniki, Vereshhagino, Dobryanka, Lysva, Nytva, Chusovoy, Chusovoy district and others.

Key words: cultural innovation; music; territorial functional organization; sociocultural programs and projects; Perm Krai

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 66.3(510):338.24

Ю.В. ИРХИН, д. филос. н., профессор кафедры политологии и политического управления
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва, проспект Вернадского, 84

профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, Миусская площадь, 6
Электронный адрес: Irkhine@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И ПРОЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ¹

Целью статьи является комплексное изучение основных мегатенденций общественного развития и управления конфуцианских стран на примере Китайской Народной Республики. Автор раскрывает их содержание, управленческий и проектный потенциал, особенности реализации в условиях современного Китая, рассматриваемого как государство-цивилизация. Особое внимание уделяется вопросу о возможностях использования потенциала управленческих мегатенденций и опыта конфуцианских стран в современной России.

Последние четыре десятилетия Китайская Народная Республика (КНР) стабильно демонстрирует высокие и устойчивые темпы экономического и

В статье проанализированы основные мегатенденции развития и управления конфуцианских стран. Автор исследует современную неоконфуцианскую модель управления КНР как государства-цивилизации, ее достижения, преимущества, проблемы и перспективы. Особое внимание уделяется анализу управленческих мегатенденций общественного развития КНР. Показано значение современного китайского неоконфуцианского опыта управления для России.

Ключевые слова: мегатенденции; азиатские ценности; конфуцианство; новый государственный менеджмент; институциональная среда

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) на 2013–2015 гг.; проект 2.1.1. кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

социального развития, составляющие до 8% ВВП в год [8]. Каждое десятилетие ВВП Китая практически удваивалось и по этому показателю страна вплотную приблизилась к США, став второй экономической державой планеты (а по паритету покупательной способности объемом в 17 трлн дол. – заняла первое место в мире).

КНР является ведущим государством конфуцианской цивилизации, которая охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу, дальневосточного макро-региона. Она включает также Вьетнам, Республику Корею, Сингапур, Тайвань, Японию и др. Характерной особенностью этой цивилизации является ее неотрадиционалистская, неоконфуцианская политическая и культурная матрица управления обществом, которая позволяет решать ряд задач не только индустриального генезиса, но и перехода к постиндустриальному развитию. Как показывает опыт, неоконфуцианские структуры и институты «управляемой» демократии успешно формируют необходимые условия и предпосылки для быстрого социально-экономического развития соответствующих стран [4].

Прогресс стран конфуцианской цивилизации, их прыжок «из третьего мира в первый» (по образному выражению и одноименной книге лидера и основателя современного Сингапура Ли Куан Ю) обусловлен совокупностью ряда факторов. Среди них:

- 1) эффективная конфуцианская этика труда, развитие предпринимательской инициативы;
- 2) всемерная поддержка экспортной стратегии страны;
- 3) лояльность большинства населения к органам власти;
- 4) умение элит и предпринимателей ставить и успешно решать долговременные задачи;
- 5) эффективное лидерство и управление в эпоху противоречивой глобализации, углубляющейся мировой конкуренции за рынки сбыта и сферы влияния, становления информационного общества [6].

Особое значение для успешного экономического развития и политической стабильности конфуцианских стран имеет рациональное использование их политическим руководством системы конфуцианских и постконфуцианских принципов и максим для интеграции общества, актуализации технологических инноваций, совершенствования управления государством, выработки долговременных стратегий и др.

В этих странах популяризируется понятие «азиатские ценности», включающее: 1) иерархический коллективизм; 2) патерналистскую меритократию (благотворное правление моральной и инновационной элиты); 3) стремление к межличностному взаимопониманию, взаимодействию и приспособлению; 4) принципиальную роль коллективных интересов и их гармонию; 5) приоритет семьи [12].

Главное, пожалуй, состоит в том, что указанные страны разработали долговременную, эффективную стратегию своего социально-экономического, научно-технологического, культурного и политического генезиса при творческом использовании традиционных конфуцианских принципов и максим в современных условиях. Причем, конфуцианство предполагает, в частности,

именно долговременные, стратегические, часто циклические подходы к пониманию общественного генезиса. Это актуализирует задачу комплексного анализа и разработки основных управленческих мегатенденций развития в условиях конфуцианских стран.

Под мегатенденциями понимаются основные долговременные тренды (тенденции) общественного развития (мира, цивилизации, страны). Комплексные долговременные прогнозы на конец XX – начало XXI века были впервые озвучены в известных трудах Дж. Нейсбита “Мегатенденции: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь” и “Мегатенденции. Год 2000” [12]. В этих исследованиях были представлены ведущие тренды глобального развития на 90-е годы XIX – начало XXI века. Указанные труды были опубликованы в большинстве стран мира общим официальным тиражом более 14 млн экземпляров (!). Именно после этих работ понятие «мегатенденции» стало широко использоваться в современной научной литературе [7].

В своем новом исследовании “Китайские мегатренды: столпы нового общества”, Джон и Дорис Нейсбит попытались углубить и расширить содержание известных мировых трендов путем разработки долговременных тенденций и управленческих принципов развития, характерных именно для конфуцианских обществ [13].

Попытки авторов понять и раскрыть через конфуцианскую матрицу и соответствующие мегатенденции ведущие факторы развития КНР заслуживают внимания. В книге показаны следующие мегатренды: «Освобождение разума»; «Баланс векторов: “сверху вниз” и “снизу вверх”»; «Высаживание деревьев: “пусть растут леса”»; «Вброд через реку, нащупывая камни»; «Художественная и интеллектуальная подпитка»; «Присоединение к миру»; «Свобода и справедливость»; «От олимпийского золота к нобелевским премиям».

Рассмотрим их подробнее.

Первый мегатренд – «Освобождение разума». Он подразумевает переосмысление идеологии и корректировку управленческих ценностей: ведущее место отводится конкурентоспособной и эффективной стратегии экономического роста. Критериями истинности идеологических концептов выдвинуты практика и факты: «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей» (Дэн Сяопин). После «культурной революции» 70-х гг. XX в. были разрешены партийные дискуссии о развитии страны. КНР стал лидером по числу публикаций – 3 млрд журналов и тираж в 6 млрд экз. книг ежегодно! Приветствуется высшее образование за рубежом (особенно второе – для менеджеров, после первого образования в КНР). Только в США обучаются 80 тыс. китайских студентов.

Принцип «освобождения разума (или мышления)» предполагает:

- 1) обязательный учет конфуцианских традиций;
- 2) использование опыта Запада без ломки политической системы КНР, в основе которой лежит руководящая роль Коммунистической партии Китая (КПК). КНР – это страна, которой следует управлять именно как компанией или корпорацией. Китайцы обретают уверенность в семье, группе, партии, коллективе, которые их объединяют. Конфуцианство подразумевает лояльность к стране и правительству, уважение и повиновение учителям и начальникам.

Современный Китай руководствуется стратегической программой развития до 2020 г., которая выстроена на основе двух концепций: «научного развития» и «социальной гармонии». Согласно первой, экономика КНР должна отойти от сложившейся в 90-е гг. XX в. модели роста за счет экспорта дешевых товаров и сконцентрироваться на разработке собственных передовых технологий. Другим источником роста должно стать увеличение объемов внутреннего потребления. Наконец, важными задачами объявлены укрепление рынка, реформа госпредприятий и постепенный демонтаж государственных монополий. В итоге к 2020 г. Китай должен увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г.

Второй мегатренд – «Баланс векторов: “сверху вниз” и “снизу вверх”» – посвящен анализу управления. «Сверху вниз» – это традиционная руководящая роль КПК, но в рыночных условиях. Отсюда: смешанные формы собственности, особые промышленные зоны с западным капиталом, 3 крупнейших из 5 частных банков в мире. Земля также передана в рыночную аренду на 90 лет.

Каждые 8–9 лет 65-летнее руководство Компартии меняется на 55-летних, прошедших, в частности, школу руководства и в особых инновационных экономических зонах (Дэн Сяопин – Цзян Цзземинь – Ху Дзиньтао – Си Цзиньпин). По сути – это вертикальная неоконфуцианская демократия и контекстное лидерство (формирование среды, структуры, ценностей). Сегодня у власти в КНР находится «пятое поколение руководителей» (начиная от Мао Цзэдуна).

«Снизу вверх» – концепция «трех представительств КПК» (70 млн членов): передовых производительных сил (бизнес), передовой культуры, а также фундаментальных интересов подавляющегося большинства народа. В КНР функционируют кроме КПК еще 8 партий (Демократическая лига, Революционного комитета Гоминьдана, Ассоциация демократического национального развития и др.). Члены этих партий после консультаций назначаются на различные управленческие должности, включая Госсовет, от них избираются и депутаты. Распространены опросы общественного мнения, создание ассоциаций, контрольных групп на местах, избираемых населением, индекс отбивных у чиновников (количество печатей), выступления (прогулки) с различными требованиями, однако в рамках закона.

Третий мегатренд – «Высаживание деревьев: “пусть растут леса”» – посвящен гибкой управленческой стратегии. Так, правительство определяет политику, а граждане формируют структуры, «окультуривают лес: подстригая высокие и давая простор маленьким деревьям», создают новые экономические институты, децентрализуют управление. Государство рационально вмешивается в экономику и поддерживает бизнес. Сформированы гибкие структуры: разрешена аренда и субаренда земли, созданы более 15 млн частных компаний, совместные предприятия с западными фирмами, особенно в области автомобилестроения и электроники. Мировую известность получили особые экономические зоны: Тяньцзинь – крупнейший порт Северного Китая, Шеньчжень, Шанхай (Пудун) и др. (здесь построили современные заводы Тойота, Самсунг, Моторола). 10% бюджета КНР идет на науку!

Особо следует обратить внимание на то, что в КНР достаточно широко используются принципы и методики нового государственного менеджмента, но их умело трансформируют применительно к китайским условиям институциональной среды. Импорт элементов нового государственного менеджмента и их имплементирование в особую институциональную среду КНР ведется достаточно рационально [10].

В Китае ограничивают индивидуалистические (и эгоистические) крайности неолиберализма. Эффективно, публично и жестко (включая смертную казнь) ведется борьба с коррупцией.

Четвертый мегатренд – «Вброд через реку, нащупывая камни» – это обычно разрешенный метод проб и ошибок, отказа от мелочной опеки, оценки по конечному результату. КПК рекомендует на высокие должности незаурядных работников, даже если они не являются ее членами. Более 1 млн работников КНР работают по контракту, в стране 120 тыс. независимых юристов. Разрешены трудовые и имущественные споры. Количество обращений в суд выросло с 520 тыс. – в 1970 г. до 10 млн – в 2007 г. Решение трудовых конфликтов через суд – рост в два раза.

Как уже говорилось, разрешена и приветствуется деятельность особых экономических зон. Так, Шеньчжень (бывшая рыбацкая деревня в 20 тыс. жителей возле Гонконга) за 30 лет превратилась в современный мегаполис («Пусть одни города разбогатеют раньше» – Дэн Сяопин). Поддерживается создание на базе старых заводов современных государственных предприятий с выходом их продукции на экспорт. (Так, китайская “Хайре групп” довела объем продаж современных электроприборов до 2 млрд дол. в год).

Пятый мегатренд – художественная и интеллектуальная подпитка – связана с максимой Дэн Сяопина о том, что КНР должна «строить две цивилизации: материальную и духовную». По всей стране развернуто строительство многофункциональных культурных центров (только в Шанхае их 109). За пределами КНР функционируют 256 (!) институтов или центров Конфуция – проводников его идей, китайской политики. Доходы китайской киноиндустрии – более 1 млрд дол. Когда в 2012 г. Нобелевскую премию по литературе впервые получил китайский писатель Мо Янь, то буквально в течение часа все тиражи его книг («Страна вина», «Красный гаолян») были полностью раскуплены в стране. КНР также стала ведущей спортивной державой.

Мировое признание получил китайский дизайн (500 дизайнерских коллекций). Китайские архитекторы побеждают в мировых проектах (Ма Яньсун «Пять Башен Абсолют в Канаде»). КНР является страной трех из десяти самых высоких зданий в мире (например, высота Шанхайского всемирного финансового центра составляет 492 метра; он признан одним из самых оригинальных и красивых сооружений мира). Получили всемирную известность: Национальный балет в Пекине, Шанхайский балет, национальные оперные фестивали и т.д. В КНР работают более 1 тыс. художников («новая волна»). Сформировался китайский андеграунд – от социалистического реализма к конфуцианско-рыночным реалиям. XXIX летние Олимпийские Игры в Пекине в 2008 г. по качеству их проведения и организации были признаны лучшими из всех проводившихся до них олимпиад. На них китайские спортсмены

одержали убедительную общекомандную победу (100 медалей), содействовали популяризации спортивных достижений КНР. Более 1 млн зарубежных студентов обучаются в 544 университетах КНР; из США в Китае учится – 10 тыс. чел.

Шестой мегатренд – «Присоединение к миру или глобализация на китайских условиях» – раскрывает развитие КНР как мировой мастерской с конфуцианской спецификой. В 2001 году КНР вступила в ВТО, после чего ее экспорт стал расти на 20–30% ежегодно; оборот внешней торговли составляет более 2,6 трлн дол. с большим положительным сальдо. Большая часть экономики Китая завязана на международные торговые площадки. В 2014 году в России открылся филиал Сельхозбанка КНР – 10-го самого крупного банка в мире, с объемом финансовых средств в 2 трлн дол. Размещение акций (ИПО) «Алибабы» (китайской ТНК, занимающейся Интернет-торговлей) в США вывело ее на уровень Google – 250 млрд дол. Объем торговли КНР с ЕС и США составляет по 500 млрд. Учитывая растущую роль КНР в мировой экономике, ее стратегическое значение для США, ученые стали использовать термин «Химерика» (China+America) для характеристики их возможного взаимодействия в финансово-экономической сфере. Децентрализация КНР дает возможность выхода на мировой рынок регионам и т.д. Китай открыт для иностранного инвестирования в фондовые рынки (до 1 млрд дол.). Более 600 млн пользователей Интернета в КНР используют его для торговых, научных и иных отношений с миром. Новейший тренд – возникновение интермедиа и транснациональных медиа; из 10 тыс. новостных ресурсов 2 тыс. существуют в режиме онлайн. КНР – член БРИКС. Возрастает его роль в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке. КНР держит ценные бумаги США на сумму более 1,2 трлн дол.

Китайская национальная платежная система China UnionPay охватывает 141 страну мира и 1 млн банкоматов. К 2015 году было эмитировано более 4 млрд карточек UnionPay; по объему транзакций она обогнала платежную систему Visa. С 2014 года российские банки (Альфабанк, Газпромбанк и др.) все чаще обращаются именно к China UnionPay, имея в виду еще и то, что на нее не распространяются известные санкции Запада. Планируется к 2017 г. эмитировать в России до 2 млн карточек.

Символом открытости КНР к миру выступает крупнейший в мире Международный пекинский аэропорт (построен за 4 года в 2008 г.). Китайские авиалинии считаются самыми безопасными.

Седьмой мегатренд – «Конфуцианская свобода и справедливость» – выражает особенности указанных понятий в КНР. В этой связи ряд известных исследователей (Ф. Фукуяма и др.) полагают, что конфуцианство в принципе не противоречит демократическим преобразованиям в целом ряде сфер. Среди них: традиционная конфуцианская система конкурсных экзаменов для отбора претендентов на должности в госаппарате; введение особой контрольной власти в систему разделения властей; внимание к образованию и просвещению (высокий образовательный уровень является важной основой демократического развития); стремление к постоянному самосовершенствованию и обучению; роль большой семьи как своеобразного института гражданского

общества; значение базовых семейных ценностей и их распространение на все общество и управление; определенная толерантность конфуцианства и его открытость к новациям и др. [11, р. 28] Конфуцианская система ценностей отличается от либеральных принципов, но в современных условиях КНР она демонстрирует свою эффективность [3].

ВВП на душу населения КНР ныне составляет 3,5 тыс. дол. (в Индии – 1,5 тыс. дол.). Система пенсионных выплат стала охватывать 250 млн чел., пособия по безработице получают 150 млн чел. В сельской местности, где таких систем нет, выделяются регулярные субсидии от местных органов власти для наиболее беднейших слоев населения. Внедряется система прожиточного минимума и оценки доходов человека ниже локального стандарта. В КНР 700 млн личных счетов социального страхования. На здравоохранение тратится 3% ВВП, 3 тыс. больниц используют традиционную китайскую медицину (500 тыс. врачей). За последние десятилетия 250 млн чел. переехали в города из сел как работники-мигранты. Национальный вступительный экзамен дает возможность любому китайцу, сдавшему его, попасть в вуз. Развивается дистанционное образование. Центральная школа сельскохозяйственного теле- и радиовещания превратилась в самый крупный в мире институт дистанционного образования (штат – 50 тыс. чел., 3 тыс. филиалов.). Средний класс в КНР – около 400 млн чел. С увеличением доходов, стимулов, заметного роста в сфере услуг и в промышленном секторе в КНР начали проявляться черты общества потребления [9].

Восьмой мегатренд – “От олимпийского золота к нобелевским медалям”. В нем раскрывается смысл становления основ постиндустриального общества и актуализируется программа развития научно-технологической модернизации в КНР. В этой связи следует обратить внимание на создание в Китае «кремниевых долин» – технопарков, например Чжанцзян (объединяет 309 компаний в сфере технологий, ежегодно регистрирует 3 тыс. международных патентов). То же относится и к Циндао, здесь каждый день (!) регистрируется до 10 патентов (9 – технологических). 70% достижений КНР в высоких технологиях не уступают западным. Китайские университеты и бизнес-школы: Тяньцзинская, при Цинхуа, Китайско-европейская в Шанхае и др. – вышли на мировой уровень. Среди лучших ста мировых университетов восемь – китайские. В 2014 году Китай занял первое место в мире (!) по количеству зарегистрированных научных патентов, впервые перегнав по этому показателю США. Обучение и особенно повышение квалификации китайских ученых и управленцев обычно ведется за рубежом в ведущих мировых центрах; с 1996 г. управленческий персонал науки и наукоемких производств набирается только по конкурсу. Китайские айфоны и компьютеры становятся конкурентоспособными с американскими; тем более, что многие части последних производятся именно в КНР.

27 сентября 2008 г. первый китайский космонавт (тайкунавт) Чжай Чжиган осуществил полет на корабле Шеньчжоу-7 с выходом в космическое пространство с китайским флагом в руке. В июне 2012 г. первая китайская женщина-космонавт Лю Ян и ее коллеги на космическом корабле Шэньчжоу-9 совершили двухнедельный полет в космос и произвели ручную стыковку

двух орбитальных объектов. В декабре 2013 г. китайский луноход «Жемчужный заяц» (в литературе Востока тени на Луне похожи на силуэт зайца) достиг Луны, прилунился, благополучно сошел на поверхность и приступил к исследованию спутника Земли. Спутник функционирует до сих пор, передает фотографии Луны, на которых изображены ее вулканические породы и их структуры. К 2020 г. планируется высадка китайских космонавтов на Луне, а в 2030 г. – открытие постоянной лунной обитаемой базы Китая.

В КНР созданы конкурентные региональные самолеты. К 2020 году планируется создать самолет, равный Боингу, лучший в мире электромобиль и др. В 2014 году, по данным МВФ, экономика КНР стала крупнейшей в мире. По паритету покупательной способности ВВП КНР составил 17,6 трлн дол., США – 17,4 трлн дол. В 2010–2014 гг. КНР опережала США уже не только по темпам экономического развития (соответственно 8% и 2–3%), но и по объему прироста ВВП. При сохранении этих темпов развития к 2019 г. китайский ВВП по паритетной покупательской способности сможет опередить США почти на 5 трлн дол.

Итак, указанные мегатенденции и тренды помогают глубже понять причины и условия успешного развития КНР в начале XXI века. Среди них: эффективная политика градуалистских (постепенных и выверенных) реформ; устойчивость политической системы; армия дешевых, а сегодня квалифицированных и ответственных работников; экспортно-ориентированная промышленная политика: западные технологии в обмен на китайский рынок, а ныне китайские технологии, завоевывающие западные рынки; удобный для КНР, несколько заниженный курс юаня и его предложение в качестве резервной мировой валюты; емкий внутренний рынок и др. [14]

Управление по мегатрендам помогает лучше понять и реагировать на известные проблемы развития КНР. Среди них: «перегрев экономики», социальное и региональное неравенство, достаточно низкий уровень валового национального продукта на душу населения, некоторое снижение темпов экономического развития (до +7%) в последние годы, противоречия в развитии гражданского общества (неотрадиционалистский и западноориентированный тренды) и др.

Суммирующим мегатрендом и/или долговременной задачей развития КНР стала выдвинутая ее руководством в 2013 г. концепция «Китайской мечты». Она включает в себя три цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации (национальный подъем) и обеспечение счастливой жизни для народа (народное счастье) [1].

Для этого в стране необходимо: 1) двигаться вперед по собственному «китайскому пути», найденному в результате длительных и трудных поисков; 2) «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации; 3) «сплотить силы Китая». «“Китайская мечта” – это национальная мечта, это мечта каждого китайца», – отмечал Си Цзиньпин. Об этой мечте писал и Дэн Сяопин [2, с. 123]. В ней должно быть устранено противоречие между двумя моделями взаимоотношения власти и народа: «народ для государства» (легистская модель) и «государство для народа» (конфуцианская модель). Только в «породнении» государства с народом «китайская мечта» может реализоваться.

В рамках «китайской мечты» следует выделить стратегическую программу превращения Китая в современную постиндустриальную державу и формирования постиндустриального общества, охватывающую период в 70 лет! – с конца XX в. и до середины XXI века. Эта стратегия развития Китая (1980–2050 гг.) включает три этапа.

В период до 2010 г. в КНР было намечено создать «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения «до уровня малого благосостояния» («сяокан»). Эти цели были достигнуты.

Задачи второго (современного) этапа (2011–2030 гг.) состоят в осуществлении развернутой научно-технической революции и создания основ информационного общества.

Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай на постиндустриальный уровень и к середине XXI в. «засыпать падь», отделяющую его от высоко развитых стран в области экономики и техники.

Данная задача соответствует мысли Конфуция: «Продумывая далекое, не столкнешься с неприятностями в ближайшем будущем» [5, с. 112].

В 2013 году КНР провозгласила концепцию «Нового Шелкового пути», включающую экономический и морской пояса. Экономический пояс предполагает строительство железных и иных дорог, а также систем газо- и нефтеснабжения, охватывающих Северо-Западные провинции Китая, Центральную Азию (Казахстан, Киргизию и др.) и Россию до Западной Европы. В перспективе по железной дороге из Пекина до Москвы (или наоборот) можно будет доехать за 48 часов, вместо нынешних семи суток. КНР готова выделить до 10 млрд дол. для участия в строительстве железной дороги Москва – Казань как участка стратегической магистрали Пекин – Минск. Между Россией и КНР заключен долговременный договор на общую сумму в 400 млрд дол. о тридцатилетней поставке российского газа в Китай по трубопроводу «Сила Сибири».

У России есть все возможности, чтобы ее территория была не только пространством транзита между Европой и Китаем, но и важным активом и ресурсом развития.

Управление по мегатенденциям в конфуцианских странах демонстрирует ряд общих подходов и принципов. Среди них: эффективная вертикаль власти (по сути, одна долговременно доминирующая партия в формально многопартийной политической системе); управляемая неоконфуцианская демократия; сплоченная и инновационная правящая элита; рациональная, конкурентоспособная экспортно-ориентированная стратегия экономического развития; создание и функционирование мощных макрорегиональных или даже мировых валютных бирж (4-я по объему торгов в мире находится в Сингапуре); творческое сочетание конфуцианских традиций и ценностей с современными потребностями общества; умелое использование принципов нового государственного менеджмента в конфуцианской среде; последовательная антикоррупционная политика; умелое разрешение или уклонение от крупных вооруженных конфликтов в международных отношениях и др.

Опыт разработки и анализа мегатенденций развития КНР имеет значение не только для государств конфуцианской цивилизации. Он может быть использован и в России.

Во-первых, при разработке управленческих мегатенденций развития России целесообразно рассматривать ее не только как государство, но и как цивилизацию с соответствующей системой базовых ценностей.

Во-вторых, в условиях нашей страны особое значение приобретает построение эффективной вертикали власти: государство – бизнес – гражданское общество с постоянной обратной связью в парадигме «электронного правительствa».

В-третьих, желателен переход от неолиберальной стратегии управления обществом к системной управленческой модели, объединяющей концепции как нового государственного менеджмента, так и публично-ценностного руководства применительно к российским условиям институциональной среды.

В-четвертых, необходима постоянная государственная поддержка и развитие внутреннего, национального рынков товаропроизводителей (особенно мелких и средних), повышение его емкости; создание особых условий для разработки инновационных технологий и науки.

В-пятых, большая ориентация на использование потенциала формирующихся систем резервных валют и вхождение в них. Формирование в России в 2015 г. Национальной системы платежных карт (НСПК) и подписание с рядом государств соглашений о прямых взаиморасчетах в национальных валютах практически сразу привело к укреплению рубля.

В-шестых, дальнейшее развитие сотрудничества со странами БРИКС, а также всего конфуцианского ареала.

В свое время президент США Р. Рейган заметил: «Америка никогда не уступит ни одной стране мира первенство в информационных, военных и банковских технологиях, ибо потеря даже одного из этих приоритетов “технологической безопасности” аналогична проигрышу в войне». По первым двум направлениям КНР уже начала реально конкурировать с США, а в недалеком будущем предполагает сделать юань конвертируемой валютой. В 2014 году юань по его востребованности и роли в мировом торговом обороте занял четвертое место мире (после доллара США, евро и йены), опередив австралийский и канадский доллары.

КНР заметно увеличила свой валютный вклад во Всемирном банке, играет важную роль в Банке развития БРИКС, создала в октябре 2014 г. в Пекине мощный Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ – Asian Infrastructure Investment Bank – АИВ), с уставным капиталом более 100 млрд дол. Он рассматривается как соперник МВФ и Всемирного банка. Членами АБИИ стало большинство государств Азии и Европы, включая Россию (США, как известно, выступили против создания этого Банка и открыто призывали своих союзников игнорировать этот проект).

Будущее покажет, сможет ли конфуцианская цивилизация и соответствующая система ее управления должным образом ответить на вызовы XXI века, неуклонно расширяя свой человеческий, научно-технологический, управленческий и культурный ареал в современном мире. Равноправное и взаимовыгодное взаимодействие и сотрудничество с государствами этой цивилизации, творческое использование их управленческого опыта будут иметь существенное значение для России.

Список литературы

1. *Авдокушин Е.С.* «Китайская мечта» Дэн Сяопина и ее современные интерпретации // Успехи и проблемы современной модернизации Китая. Великие экономисты и великие реформаторы. К 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина: материалы III междунар конф. / под ред. Н.М. Нуреева. М.: Фин. ун-т при Правительстве Рос. Федерации, 2014. С. 39–43.
2. *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая / пер. с кит. М.: Политиздат, 1987. 259 с.
3. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
4. *Ирхин Ю.В.* Пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации: где пределы проекта? // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Политико-коммуникатив. науки. 2015. № 1.
5. *Конфуций.* Лунь юй / под ред. Л.С. Переломова. М.: Восточ. лит., 2001. 168 с.
6. *Ли Куан Ю.* Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / пер. с кит. А. Боня. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 576 с.
7. *Мегатренды:* основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.
8. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае* / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
9. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
10. *Сивинцева О.В.* Новый государственный менеджмент в институциональной среде современного Китая: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2015.
11. *Fukuyama F.* Confucianism and Democracy // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 2.
12. *Naisbitt J.* Megatrends Asia. N.Y.: Touchstone, 1997.
13. *Naisbitt J., Naisbitt D.* China's Megatrends: The Pillars of a New Society. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2012.
14. *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford: Stanford University Press, 2004.

Получено 02.03.2015

References

1. Avdokushkin, E.S. (2014), "Deng Xiaoping's "Chinese dream" and its modern interpretations", *Uspexi i problemy sovremennoj modernizacii Kitaya. Velikie ekonomisty i velikie reformatory. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Dena Siaopina: materialy III Mezhdunarodnoj konferencii* [The successes and problems of modern China's modernization. Great economists and great reformers. By the 110th anniversary of the birth of Deng Xiaoping: Materials of III International Conference], in Nureev, N.M. (ed.), *Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoj Federacii*, Moscow, Russia, pp. 39–43.

2. Deng Xiaoping (1987), *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The main issues in modern China], Politizdat, Moscow, Russia, 259 p.
3. Zakaria, F. (2004), *Budushhee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ix predelami* [The future of freedom. illiberal democracy at home and abroad], Translated by Inozemcev, V.L. (ed.), Ladimir, Moscow, Russia, 383 p.
4. Irhin, Yu.V. (2015), "The spatial and temporal areal of Confucian civilization: where's the limits of the project?", *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politiko-kommunikativnye nauki*, no. 1.
5. Confucij (2000), *Lun' Yuj* [Lun yu], in Perelomov, L.S. (ed.), *Vostochnaya kniga*, Moscow, Russia, 168 p.
6. Lee Kuan Yew (2013), *Iz tret'ego mira – v pervyj. Istoriya Singapura (1965-2000)* [From the Third world to in the First. History of Singapore (1965-2000)], Translated by Bonya, A. OOO "Mann, Ivanov i Ferber", Moscow, Russia, 576 p.
7. Shakleina, T.A and Bajkov, A.A. (ed.) (2013), *Megatrendy: Osnovnye traektorii e'voljucii miroporyadka v XXI veke* [Megatrends: basic trajectories of the world order evolution in the XXI century], Aspekt-Press, Moscow, Russia, 448 p.
8. Lapin, N.I. (ed.) (2011), *Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitaye* [The review report on the modernization in the world and China], Ves' Mir, Moscow, Russia, 256 p.
9. Perelomov, L.S. (2007), *Konfucianstvo i sovremennij strategicheskij kurs KNR* [Confucianism and modern China's strategic course], LKI, Moscow, Russia, 256 p.
10. Svinceva, O.V. (2015), "New public management in the institutional environment of modern China", Abstract of Ph.D. dissertation, Political institutes, processes and technologies, Perm State University, Perm, Russia.
11. Fukuyama, F. (1995), "Confucianism and democracy", *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 2.
12. Naisbitt, J. (1997), *Megatrends Asia*, Touchstone, N.Y., US.
13. Naisbitt, J. and Naisbitt, D. (2012), *China's megatrends: the pillars of a new society*, Harper Collins Publishers, N.Y., US.
14. Yang Dali L. (2004), *Remaking the Chinese leviathan: market transition and the politics of governance in China*, Stanford University Press, Stanford, US.

MANAGEMENT AND PROJECTIVE POTENTIAL OF THE MEGATRENDS OF CHINA SOCIAL DEVELOPMENT AND ITS SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Yury V. Irhin

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82
Vernadskiy str., Moscow, 119571, Russia
Russian State University for the Humanities, 6 Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia
E-mail: lrkhine@mail.ru*

The article analyses basic megatrends of the development and management of the Confucian countries. The author researches modern Confucian models management and geopolitics of People's Republic of China as a civilization–state. He shows its achievements, advantages, problems and perspectives. Special attention is paid to the analysis of management potential of the megatrends of social development of PRC.

The article shows the significance of the modern China Neo-Confucius experience of management for Russia.

Key words: megatrends; Asian values; Confucius; new public management; institutional environment

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

В статье анализируется российская модель межбюджетных отношений. Предпринята попытка «наложения» немецкого варианта распределения доходных налоговых полномочий между уровнями власти на отечественный в целях определения уровня децентрализации межбюджетных отношений в России. Методологической основой исследования служат метод сравнения и аналогии и аналитический метод. Автор приходит к выводу о том, что в современной России сформирована кооперативная модель межбюджетных отношений с высоким уровнем их децентрализации и что дальнейшее делегирование доходных полномочий регионам может спровоцировать центробежные тенденции в России и поставить под вопрос целостность государства.

Ключевые слова: межбюджетные отношения; доходные полномочия; финансовая обеспеченность; кооперативная модель; налоговые доходы

Межбюджетные отношения – основа бюджетной системы любого федеративного государства, обеспечивающая финансовую взаимосвязь между субъектами бюджетной системы. Межбюджетные отношения существенно воздействуют на экономическую ситуацию, темпы роста основных макроэкономических и демографических показателей как в субъектах Федерации, так и в стране в целом.

Помимо социально-экономической составляющей жизни общества, эти отношения выполняют политические функции, так как они могут не только способствовать сохранению единства государства, развитию отношений

между центром, субфедеральными и местными властями, но и привести к разрушению страны [6, с. 137–149]. В этой связи необходимо тщательно подходить к выбору курса развития и реформирования межбюджетных отношений.

Особенно актуален данный вопрос в Российской Федерации, так как, во-первых, Россия – молодая федерация в стадии становления межбюджетных отношений. Во-вторых, Россия – страна с самым большим количеством субъектов Федерации. Для того чтобы выработать взвешенную стратегию социально-экономического развития, не ущемляющую ни один регион, ни одно муниципальное образование, очень важно найти оптимальную модель финансовых взаимоотношений [5, с. 105].

В такой ситуации полезен опыт зарубежных федераций, чьи успехи в сфере экономики несомненны. Наиболее подходящим, на наш взгляд, является теория и практика межбюджетных отношений в Федеративной Республике Германии, которая занимает лидирующие позиции в мировой экономике и является основным «донором» Европейского Союза. К сожалению, прямое копирование положительного опыта невозможно, поэтому необходимо адаптировать к российским реалиям межбюджетных отношений лучшее, что можно позаимствовать из германской модели [1, с. 8].

Во многом система межбюджетных отношений России похожа на немецкую, в частности, методики распределения трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов (горизонтальное выравнивание) аналогичны в обеих странах. Однако система распределения налоговых доходов между уровнями власти имеют ряд различий [3, с. 12–16].

В данной статье будет предпринята попытка «наложения» кооперативной немецкой модели межбюджетных отношений на российскую. Как говорилось выше, горизонтальное выравнивание в рассматриваемых федерациях схоже между собой, поэтому имеет смысл рассмотреть налоговое обеспечение федерального центра и субъектов Федерации, а также изменения, которые произойдут в результате применения немецкой методики расчета налоговых поступлений для каждого бюджета.

В начале исследования этого вопроса автором были выдвинуты гипотезы о том, что в результате применения немецкой методики расчета налоговых доходов для каждого уровня власти:

- удельный вес консолидированных налоговых доходов российских регионов в общих налоговых доходах вырастет;
- регионы в финансовом плане станут более независимыми от федерального центра.

Было проведено вторичное исследование официальных данных Немецкой службы официальной статистики, Министерства финансов ФРГ, Министерства финансов России, Федерального казначейства России, Российской службы государственной статистики за 2012 год [7, с. 148–151].

Итак, в таблице 1 [2; 4] в третьей колонке представлены налоговые доходы федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов Федерации по каждому налогу, в четвертой колонке – доля обоих уровней в консолидированном доходе по данному налогу, т.е. процент от налога, поступающий в тот или иной бюджет. В пятой колонке указаны доли обоих бюджетов в консолидированном доходе по данному налогу в Германии. В колонках 4 и 5 таблицы некоторые показатели выделены полужирным начертанием, чтобы акцентировать различия между налоговыми системами.

Таблица 1

Налоговые доходы федерального бюджета России и консолидированного бюджета субъектов Федерации, пересчитанные по параметрам налоговой системы ФРГ, 2012 г.

Виды налогов	Вид бюджета	Налоговый доход, руб.	Доля в консолидированном доходе по данному налогу в РФ, %	Доля в консолидированном доходе по данному налогу в ФРГ, %	Новый налоговый доход, руб.
1	2	3	4	5	6
Налог на прибыль организаций	ФБ	342601799377	15,09	50,00	1135272366031
	КБСФ	1927942932684	84,91	50,00	1135272366031
	КБФ	2270544732061	100,00	100,00	2270544732061

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1	2	3	4	5	6
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	ФБ	0	0,00	42,50	848218851556
	КБСФ	1995809062484	100,00	57,50	1147590210928
	КБФ	1995809062484	100,00	100,00	1995809062484
Налог на добавленную стоимость (НДС)	ФБ	3250411964125	99,99	50,00	1625373645130
	КБСФ	335326135	0,01	50,00	1625373645130
	КБФ	3250747290261	100,00	100,00	3250747290261
Акцизы	ФБ	278361312614	42,79	100,00	650461320082
	КБСФ	372100007468	57,21	0,00	0
	КБФ	650461320082	100,00	100,00	650461320082
Налог на имущество физических лиц	ФБ	0	0,00	0,00	0
	КБСФ	4940083506	100,00	100,00	4940083506
	КБФ	4940083506	100,00	100,00	4940083506
Налог на имущество организаций	ФБ	0	0,00	0,00	0
	КБСФ	467605263689	100,00	100,00	467605263689
	КБФ	467605263689	100,00	100,00	467605263689
Налог на игорный бизнес	ФБ	0	0,00	0,00	0
	КБСФ	85675736	100,00	100,00	85675736
	КБФ	85675736	100,00	100,00	85675736
Транспортный налог	ФБ	0	0,00	0,00	0
	КБСФ	83205412138	100,00	100,00	83205412138
	КБФ	83205412138	100,00	100,00	83205412138
Земельный налог	ФБ	0	0,00	0,00	0
	КБСФ	122193505110	100,00	100,00	122193505110
	КБФ	122193505110	100,00	100,00	122193505110
Налог на добычу полезных ископаемых	ФБ	2007577900361	98,29	-	2007577900361
	КБСФ	34971707798	1,71	-	34971707798
	КБФ	2042549608159	100,00	-	2042549608159
Водный налог	ФБ	3859331475	100,00	-	3859331475
	КБСФ	0	0,00	-	0
	КБФ	3859331475	100,00	-	3859331475
Сборы за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов	ФБ	410227295	18,28	-	410227295
	КБСФ	1833503186	81,72	-	1833503186
	КБФ	2243730481	100,00	-	2243730481

1	2	3	4	5	6
Государственная пошлина	ФБ	65835485195	60,15	100,00	109446395637
	КБСФ	43610910441	39,85	0,00	0
	КБФ	109446395637	100,00	100,00	109446395637

Примечание: ФБ – федеральный бюджет; КБСФ – консолидированный бюджет субъектов Федерации; КБФ – консолидированный бюджет Федерации

Из 13 представленных налогов налоговые доходы по 5 налогам зачисляются в федеральный бюджет и консолидированные бюджеты субъектов в РФ и ФРГ по-разному.

В 6-м столбце табл. 1 указаны пересчитанные налоговые доходы, при условии, что доля поступлений в оба бюджета по всем налогам была бы такая же, как в Германии. Иными словами, объем доходов по каждому налогу, поступающему в консолидированный бюджет Федерации, делился между федеральным бюджетом и консолидированным бюджетом субъектов РФ в пропорции, указанной в 5-й колонке, т.е. в той же пропорции, что и в ФРГ.

Таким образом, по некоторым налогам в расчетной модели регионы стали бы получать больше (НДС), по некоторым – меньше (налог на прибыль организаций, НДФЛ, налог на акцизы, государственная пошлина). Соответственно обратная ситуация сложилась бы с федеральным бюджетом.

В таблице 2 представлен суммарный итог по реально существующему в РФ («реальному») и расчетному («модельному») распределению налоговых доходов и доля каждого уровня бюджета в итоговом налоговом доходе.

Таблица 2

Распределение налоговых доходов по уровням бюджета по российской и германской модели, 2012 г.

Налоговый доход	Единицы измерения	«Реальное» распределение налогов	«Модельное» распределение налогов
Налоговый доход федерального бюджета	руб.	5949058020443	6380620037567
	% в консолидированном бюджете (по всем налогам)	54,06%	57,99%
Налоговый доход консолидированного бюджета субъектов Федерации	руб.	50546333903763	4623071373257
	% в консолидированном бюджете (по всем налогам)	45,94%	42,01%

Налоговые доходы федерального бюджета в расчетной модели увеличились на 431,6 млрд руб., ровно на столько же снизились консолидированные региональные налоговые доходы. В процентном соотношении федеральные налоговые доходы и консолидированные доходы субъектов РФ составляли 54,06% и 45,94% соответственно. В результате пересчета соотношение стало 57,99:42,01. Таким образом, выдвинутая ранее гипотеза отвергается: удельный

вес налоговых доходов регионов РФ при использовании германской модели распределения налоговых поступлений по уровням бюджета уменьшится. Отсюда следует и неверность второй гипотезы о том, что регионы станут менее зависимы от федерального центра: если налоговые доходы регионов сократятся, то для предоставления общественных услуг на должном уровне субъектам РФ придется обращаться за помощью в федеральный центр, что усилит их зависимость от вышестоящего бюджета.

Итак, поскольку большая часть трансфертов в России и ФРГ распределяется на основе одних и тех же принципов и распределение налоговых доходов между уровнями власти осуществляется практически с одинаковыми долями, то и российскую, и германскую модель межбюджетных отношений следует отнести к кооперативной, комбинированной или смешанной. Однако эффективность этой модели в обеих федерациях – на разном уровне. ФРГ обеспечивает более высокий уровень жизни своим гражданам, быстрее выравнивает финансовую обеспеченность земель, что ведет к социально-экономическому развитию страны. Россия существенно отстает от Германии по этим показателям. Однако она за два десятка лет реформирования межбюджетных отношений добилась немалых успехов и ей, безусловно, необходимо следовать по пути совершенствования этих отношений.

Список литературы

1. *Иванов В.В.* Типология межбюджетных отношений и моделей бюджетного федерализма // Вестн. МГТУ. 2010. Т. 13, № 1. С. 5–14.
2. *Информация* об исполнении консолидированного бюджета: офиц. сайт Федер. казначейства Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/> (дата обращения: 09.05.2014).
3. *Налоговый кодекс* Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Рос. Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/popular/nalog1/> (дата обращения: 14.07.2014).
4. *Отчет* Министерства финансов ФРГ (от 17.04.2013 г.): офиц. сайт М-ва финансов ФРГ [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Web/DE/Themen/Oeffentliche_Finzen/Wachstumsfreundliche_Konsolidierung/wachstumsfreundliche_konsolidierung.html (дата обращения: 07.05.2014).
5. *Хоменко В.* Модели реформирования межбюджетных отношений в векторе развития федерализма и региональной экономической инициативы // Казан. федералист. 2011. № 3. С. 102–112.
6. *Хугаева М.О.* Межбюджетные отношения: понятие, классификация и инструменты регулирования // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века: материалы 4-й Междунар. науч. конф. / под общ. ред. М.А. Миндзаева. Владикавказ: Владикавказ. ин-т управления, 2014. С. 137–155.
7. *Хугаева М.О.* Совершенствование межбюджетных отношений в России // Экон. политика. 2014. № 4. С. 146–152.

Получено 15.11.2014

References

1. Ivanov, V.V. (2010), "Typology of inter-budgetary relations and models of budget federalism", *Vestnik MGTU*, vol. 13, no. 1, pp. 5–14.
2. The official site of the Federal Treasury of the Russian Federation (2014), "Information about consolidated budget execution", available at: <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/> (Accessed 9 May 2014).
3. ConsultantPlus (2013), *Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii* [The Tax Code of the Russian Federation]: Federal Law no. 146-FZ dated 31 July 1998.
4. The official site of the Ministry of Finance of the Federal Republic of Germany (2013), "The report of the Ministry of Finance of the FRG", 17 April 2013, available at: http://www.bundesfinanzministerium.de/Web/DE/Themen/Oeffentliche_Finzen/Wachstumsfreundliche_Konsolidierung/wachstumsfreundliche_konsolidierung.html (Accessed 7 May 2014).
5. Homenko, V. (2011), "The models of inter-budgetary relations reforming in the vector of development of federalism and regional economic initiative", *Kazanskij Federalist*, no. 3, pp. 102–112.
6. Khugaeva, M.O. (2014), "Inter-budgetary relations: concept, classification and regulation instruments", *Federalism i regionalism: priority XXI: materialy 4 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Federalism and regionalism: priorities of the XXI century: proceedings of the 4th international scientific conference], in Mindzaev, M.A. (ed.), *Vladikavkazskij insitut upravleniya, Vladikavkaz, Russia*, pp. 137–155.
7. Khugaeva, M.O. (2014), "Improvement of inter-budgetary relations in Russia", *Economicheskaya politika*, no. 4, pp. 146–152.

BURNING ISSUES OF INTER-BUDGETARY RELATIONS IN A FEDERAL STATE: THE EXPERIENCE OF GERMANY AND RUSSIA

Margarita O. Khugaeva

Ministry of Defence of the Russian Federation, 19 Znamenka str., Moscow, 119160, Russia
E-mail: margokhugaeva@mail.ru

The article deals with the Russian model of inter-budgetary relations. The author tries to blend German way of revenue allocation from taxes between the center and regions with the domestic one in order to determine the level of decentralization of inter-budgetary relation in Russia. Methodological basis of the research is the comparison and analogy method and analytical method. The author comes to the conclusion that there is observed cooperative model of inter-budgetary relations in Russia nowadays. And further delegation of the revenue authority could lead to strong decentralization, which can challenge the integrity of the state.

Key words: inter-budgetary relations; tax revenues; financial security; cooperative model

КАФЕДРА

УДК 338.24:378.14

Д.В. ГЕРГЕРТ, к.экон.н., доцент департамента менеджмента

Пермский филиал ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Пермь, ул. Студенческая, 38
Электронный адрес: dgergert@hse.ru

О.М. АЙЗЕНШТАТ, преподаватель департамента менеджмента

Пермский филиал ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Пермь, ул. Студенческая, 38
Электронный адрес: oaizenshtat@hse.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ В ВУЗЕ

Существенные изменения, происходящие в системе высшего образования, приводят российские вузы к необходимости вступить в активную конкурентную борьбу на международном рынке. Заинтересованные в увеличении количества потребителей и создании для них дополнительной ценности, вузы стали ориентироваться не только на оптимизацию образовательных процессов, но и на расширение возможностей для проведения научных исследований студентами и преподавателями. Центральным звеном при организации научно-исследовательского процесса является использование методов проектного управления. В статье представлены методические аспекты организации процесса управления портфелем научных проектов в вузе для обеспечения высоких результатов научных исследований за счет взаимодействия, координации сотрудников и применения специальных методов управления проектами. С точки зрения методологии тема управления проектами является достаточно глубоко проработанной, поэтому актуальными становятся такие аспекты, как конкретный опыт управления портфелями проектов, а также специфика отраслей применения методологий управления портфелями проектов.

Ключевые слова: управление портфелем проектов; научные проекты; управление в вузе

В настоящее время в системе высшего образования как в России, так и за рубежом происходят существенные изменения. В первую очередь такие изменения связаны с процессами глобализации высшего образования, что приводит к росту конкуренции на мировой образовательной площадке. Российские вузы становятся активными участниками конкурентного международного рынка высшего образования и поэтому, как и любые другие организации в условиях высокой конкуренции, нацелены на увеличение числа потребителей и создание для них дополнительной ценности предоставляемых услуг. В частности, на наш взгляд, такая ценность уже выходит за грань основной деятельности вуза – получения высшего

образования – и выражается в расширении возможностей для проведения научных исследований как студентами, так и преподавателями и коммерциализации результатов таких исследований. Для организации данного процесса вузы используют множество современных методов и систем управления, центральным звеном которых является проектное управление.

Наше исследование показало, что в рассматриваемой области нет достаточного количества эмпирических работ, посвященных данной тематике. Существующие исследования имеют достаточно узкую направленность: с одной стороны, проработана такая область управления, как управление проектами и портфелями проектов, среди авторитетных исследователей в данной сфере можно выделить R. Archibald, J. Bible, S. Bivins, W. Morris, J. Pinto, H. Kerzner, M. Combe, G. Githens, Д. Кендалл, С. Роллинз, И. Мазур, Н. Ольдерогге, В. Шапиро, Д. Милошевич, В. Аньшин. С другой стороны, можно отметить интерес к вопросам развития вузовской науки, в том числе к качеству научных исследований у таких авторов, как E. Cheit, K. Mortimer, Kogan, E. Hackett, S. Slaughter, В. Бурков, В. Воропаев, Н. Говорков, А. Грудзинский, А. Новиков, А. Суханов, В. Цветков. Таким образом, наше исследование направлено на суммирование достижений лучших методических подходов в указанных сферах.

Предпосылки перехода вузов к проектному управлению

Ситуация на российском и зарубежном рынках высшего образования обусловила необходимость перехода вузов от операционного к проектному управлению. Данная тенденция прослеживается в сфере как стратегического управления деятельностью вуза, так и операционного менеджмента. Особое место в современных подходах к управлению вузом занимает проектное управление в сфере научных исследований сотрудников вуза. Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов управления научными проектами в рамках научно-исследовательской и образовательной организации, мы провели анализ специфики функционирования высшей школы в России и зарубежных странах и выявили три основных вызова, характерных и для российских, и для западных университетов. Это сокращение государственной поддержки и влияния государства на политику и развитие вуза, уменьшение размеров финансирования учебного заведения, а также повышение заинтересованности общественности в результатах научных исследований сотрудников вуза [4; 11; 12].

Данные вызовы возможно преодолеть благодаря использованию концепции «проектно-ориентированного университета», построенной нижегородскими исследователями на базе соединения двух подходов: концепции предпринимательского университета и проектно-ориентированного управления. Проектно-ориентированное управление – «управленческий подход, при котором отдельно взятые заказы и задания, решаемые в рамках деятельности организации или предприятия, рассматриваются как отдельные проекты, к которым применяются принципы и методы управления проектами» [7]. Преимуществами проектно-ориентированного управления являются динамичность и адаптивность компании, ее готовность к изменениям и децентрализации власти руководителей, а также обширные возможности для грамотного планирования, организации деятельности и распределения ресурсов для повы-

шения общей эффективности. За базу для проведения дальнейших исследований возьмем концепцию проектно-ориентированного университета, которая позволяет увидеть, как традиционная иерархическая модель управления может органично вбирать в себя современные тенденции в системе менеджмента.

В настоящее время, по нашему мнению, существует серьезное противоречие между принципами проектного управления и сложившейся иерархической системой управления в российских университетах. Анализ процессов реализации научных проектов в вузе позволил выделить следующие особенности управления. Сегодня в большинстве вузов сложилась чрезмерно централизованная иерархическая структура управления научной деятельностью. В таких условиях приоритет при реализации научных проектов отдается тем из них, заказчиком которых выступает министерство образования и науки или иное государственное ведомство. Финансирование большей части научных проектов является бюджетным, а сами проекты зачастую носят некоммерческий характер. Также для них характерна высокая степень внешней неопределенности при постановке целей долгосрочного и среднесрочного характера.

На наш взгляд, реализация научных проектов неизбежно требует определенного уровня системы подготовки специалистов, занимающихся научным проектом. Это выражается в том, что большая часть научного потенциала распределяется по учебно-научным подразделениям (факультетам и кафедрам), т.е. присутствует сильная, иногда чрезмерная, иерархичность, которая затрудняет выстраивание горизонтальных связей, в том числе и в плане междисциплинарности таких исследований [2; 4-6; 10].

Нами были проанализированы позиции в части особенностей и отличий функционального и проектного управления в вузе. Анализ показал, что внедрение проектного управления позволит вузам успешно отвечать на вызовы, возникающие в современной образовательной среде. Во-первых, проектное управление обеспечит более грамотное распределение ресурсов, а также усилит ориентацию на коммерциализацию научных проектов и исследований, что, в итоге, приведет к повышению доходности. Во-вторых, будет оптимизирована деятельность по завершению работ и проектов в срок и с максимально высокими результатами. В-третьих, проектное управление позволит российским вузам успешно конкурировать с зарубежными образовательными организациями и в целом повысит общую эффективность процессов управления в учреждениях высшей школы. Наконец, управление проектами будет способствовать созданию комфортных условий для работы и ведения исследовательской деятельности сотрудниками и студентами вуза.

Специфика научного проекта как особого типа проекта

Проведение научных исследований (или, в терминах данного исследования, реализация научных проектов) является основной формой организации научной деятельности в вузах. Например, написание магистерской или кандидатской диссертации подразумевает получение уникального результата (нового научного знания) в ограниченные сроки с ограниченными ресурсами (трудовыми и финансовыми). Получение гранта на исследовательскую деятельность обязывает ученых достичь целей в строго определенном временном

интервале.

Научные исследования в вузах раньше рассматривались скорее как рутинная операционная деятельность по получению нового знания, не отвечающая требованиям проектного управления и не нуждающаяся в оптимизации. Однако современные научные исследования все в большей степени реализуются в соответствии с проектными принципами для достижения наилучшего результата. Это подтверждается тенденциями смещения объекта исследования в область управления проектами в вузах от управления научными исследованиями к управлению научными проектами, что находит отражение в публикациях на данную тему.

Таким образом, научный проект является особым типом проекта, соответствующим основным признакам этого понятия, однако имеющим определенную специфику. Рассмотрим данную специфику более подробно.

Научный проект, по определению А.С. Говоркова, – это «ограниченный во времени целенаправленный процесс выработки, теоретической систематизации и применения нового научного знания с установленными требованиями к качеству результатов, расходу ресурсов и специфической организацией» [4, с. 4]. Согласно данному определению, исследуемое понятие отвечает основным признакам проекта, поэтому будет взято за основу в настоящем исследовании с некоторыми доработками и уточнениями. Субъектом научного проекта является преподаватель, научный сотрудник, студент вуза или коллектив таких субъектов. По своему содержанию научный проект тождественен понятию научного исследования, но ограничен условиями, характерными для осуществления проекта: временными, ресурсными, качественными. В качестве результатов научного проекта будет рассматриваться либо получение нового знания, его формализация и передача, либо коммерциализация результатов исследования. Таким образом, поскольку научное исследование в форме научного проекта действительно является проектом, мы можем в дальнейшем применять к нему методы и технологии проектного управления.

На основе ряда источников [8; 9] составим сокращенную классификацию научных проектов для вузов, которой будем пользоваться в дальнейшем.

Сокращенная классификация научных проектов в вузе

№ п/п	Классификационные критерии	Типы научных проектов в вузе		
		3	4	5
1	Цель реализации проекта	Получение новых знаний	Применение новых знаний	Коммерциализация знаний
2	Характер исследуемых проблем	Тематические	Комплексные	
3	Предметная направленность	Фундаментальные, теоретические	Прикладные, практические	

1	2	3	4	5
4	Состав участников	С привлечением внешних специалистов	Вузовские	1. Факультетов; 2. кафедр; 3. научных подразделений; 4. индивидуальные
5	Тип заказчика	Имеется внешний заказчик	Заказчик – внутреннее подразделение	Поисковые (инициативные)
6	Степень участия заказчика	Высокая	Низкая	
7	Финансирование	Бюджет	Гранты, иные привлеченные средства	
8	Время выполнения	Долгосрочные (5 и >лет)	Среднесрочные (3-5 лет)	Краткосрочные (1-3 года)
9	Связанные риски	Высокие	Средние	Низкие

В ходе анализа литературы были выделены следующие основные особенности научного проекта, которые необходимо учитывать при управлении им:

- обычно некоммерческий характер деятельности (в особенности на начальных этапах проведения исследования), однако наблюдается тенденция перехода к коммерциализации результатов исследований ввиду заинтересованности бизнес-структур;
- неопределенный срок реализации (продолжительный, если проект является фундаментальным научным исследованием);
- трудности при выборе критериев для оценки эффективности и успешности проекта;
- необходимость охвата обширной области знаний (в том числе множества смежных областей наряду с объектом исследования, междисциплинарность);
- ограниченное количество (или отсутствие) аналогичных проектов (исследований) в ретроспективе;
- участники проекта зачастую являются узкими специалистами [3; 5; 9].

Таким образом, понятие «научный проект» отвечает всем основным признакам понятия «проект», а также обладает определенной качественной спецификой, которая обуславливает необходимость особого подхода при управлении проектами такого типа в высших учебных заведениях. Также необходимым условием реализации научных проектов является учет взаимовлияния таких проектов, что реализуется через методологию портфельного управления проектами.

Методологические особенности управления портфелем научных проектов

Рассматривая вопросы управления научными проектами с менеджеральной позиции, отметим, что вопрос о необходимости контроля реализации проектов и управления ими является спорным. С одной стороны, научное исследо-

вание, как научный проект, – творческий процесс, который может пострадать при введении контроля либо некоторых ограничений. С другой стороны, организованное управление научными проектами позволит создать комфортные условия для работы исследователей и иметь эффективные инструменты воздействия на процесс, для того чтобы ресурсы организации были задействованы максимально эффективно.

Особенности управления портфелем научных проектов обусловлены спецификой самих научных проектов. Рассмотрим особенности управления портфелем научных проектов на основании ранее отмеченных параметров.

Во-первых, отметим некоммерческий характер результатов работы по многим проектам. В связи с тем, что по ряду проектов невозможно говорить о финансовой результативности, возникает вопрос о конечном результате, к которому необходимо стремиться в процессе управления проектом в портфеле. В частности, в качестве такого результата можно рассматривать выступление сотрудника на научной конференции или другом мероприятии с докладом по теме исследования, публикация его трудов в научном журнале. Тем не менее такие результаты скорее носят качественный, чем количественный характер и, соответственно, проведение измерения осложнено.

При этом существуют ряд проектов, имеющих коммерческую направленность: если само исследование является заказом от внешней организации (государственной или бизнес-структуры) и предполагает получение конкретных финансовых выгод по завершении проекта. Логично предположить, что управление некоммерческими и управление коммерческими портфелями проектов (иначе – фундаментальными, теоретическими и прикладными) должны различаться.

С большой долей вероятности можем утверждать, что управление портфелем коммерческих проектов по существу не отличается от управления портфелем «классических» проектов за счет коммерческого характера работы, наличия внешнего заказчика с четко сформулированным заданием, которое необходимо выполнить в указанные в договоре или контракте сроки (обозначены ожидаемые результаты проектной деятельности).

Рассмотрим особенности по параметру «неопределенные сроки реализации». Как уже было отмечено, в научных проектах определиться с точными сроками выполнения работ возможно в очень редких случаях. Однако для таких проектов вполне возможно установление «ворот» (по аналогии с моделью stage-gate), т.е. этапов контроля с определенной регулярностью, что, на наш взгляд, вполне целесообразно для мониторинга хода выполнения проекта, особенно в связи с тем, что практически невозможно прогнозировать сроки выполнения такого типа проектов.

Если речь идет о квалификационных работах, не требующих глубоких и тщательных исследований и выполняемых в рамках образовательной программы, вопросов к плану выполнения работ не возникает – он регулируется графиком учебного процесса на уровне организации. В то же время, если говорить о фундаментальных трудах, которые долгое время могут не приносить исследователям желаемых результатов, а по истечении длительного периода привести к значимым научным результатам, установка графика выполнения

не представляется возможной. Тем не менее нельзя оставлять такие проекты полностью неконтролируемыми: рекомендуется по аналогии с другими проектами устанавливать вехи, «ворота», чтобы производить мониторинг работ. Возможно, такие проверки могут быть установлены на менее регулярной основе. Также необходимо быть готовыми к кардинальному изменению темы исследования или его направления и внесения соответствующих корректив в планы-графики и расписания портфеля.

На основании вышеизложенного можем сделать вывод, что в то время как для некоторых проектов в портфеле установка расписания не вызывает сложностей, для других, в связи с неопределенностью сроков их завершения, составление расписания может быть существенно затруднено.

Важной особенностью является и ограниченное количество проектов - аналогов тем, которые составляют портфель, что создает определенные сложности при их реализации. Во многом данная особенность имеет значение непосредственно для исполнителей проектов, а не для руководителей портфеля. Однако руководителям нельзя не учитывать данную особенность, поскольку при возникновении нестандартных ситуаций в ходе реализации проекта возможность обратиться к предыдущему опыту становится затруднительной.

Наконец, вспомним о такой важной составляющей проектного управления в портфеле, как связь проектов со стратегией. Согласно теории проектного управления, каждый проект должен в той или иной мере способствовать достижению стратегических целей и инициатив организации [3, с. 72]. Во многих случаях отбор проектов в портфель осуществляется именно по этому критерию. Тем не менее рассмотрение связи портфеля научных проектов со стратегией происходит в рамках априори заданного предположения о том, что каждый проект в портфеле связан со стратегией, поскольку проведение научных исследований на любую тематику (в некоторых случаях – на стратегически интересные вузу) уже является способом достижения стратегических целей исследовательского университета.

На основании описанных особенностей установим цели, которых можно достичь при использовании метода управления портфелем научных проектов в вузе или его специализированной организационной структуре:

- учет и сбор данных по всем выполняемым проектам для упрощения процесса мониторинга за ходом реализации портфеля и каждого проекта в отдельности;
- достижение стратегических целей организации;
- формирование сбалансированных портфелей научных проектов;
- максимизация эффективности расходования ресурсов на реализацию портфеля проектов вследствие достижения высокой степени эффективности портфеля;
- повышение качества результатов научных исследований.

Методические подходы к процессу управления портфелем научных проектов в вузе

Авторами была разработана модель процесса управления портфелем научных проектов для вуза на базе 12-шагового метода Р.Д. Арчибальда [1]. Выбор данного метода в качестве основы обусловлен его достаточно высокой сте-

пенью детализации и возможностями приложения на практике к небольшой организации, занимающейся управлением портфелем проектов.

Следует отметить, что каждый проект в данном портфеле априори соответствует стратегии реализующей его организации (в соответствии с выделенными особенностями управления портфелем научных проектов), поскольку отвечает стратегической инициативе дорожной карты вуза: совершенствованию системы управления качеством образования и научных публикаций. Таким образом, наблюдаем соответствие метода теории управления проектами, согласно которой портфель проектов должен соответствовать достижению стратегических целей компании. На основании вышеизложенного исключим 4-й этап базовой модели – подтверждение того, что все проекты соответствуют стратегическим целям организации. Таким образом, 12-шаговый метод Арчибалда преобразуем в метод с 11 ступенями исполнения.

Рис. 1. Процесс управления портфелем научных проектов в вузе

1-й этап. Определение портфелей проектов, которые необходимо сформировать в организации.

Предлагаем разделить портфели проектов в рамках вуза на 2 основные категории в соответствии с предложенной ранее классификацией. К первой категории отнесем портфель теоретических, или фундаментальных, проектов.

Особенность проектов, составляющих данный портфель, заключается в том, что, являясь, по существу, «чистыми» научными проектами, они обладают рядом сложностей и особенностей, таких как неопределенные сроки выполнения, некоммерческий характер результатов, высокая степень неопределенности характеристик результата, проблемы бюджетирования и др., а значит, затруднен выбор критериев оценки эффективности и успешности такого проекта. Делаем вывод, что для управления таким портфелем потребуется внесение изменений в стандартные методики проектного управления.

Портфель второй категории составят прикладные проекты коммерческой направленности. В частности, предполагается, что такой проект будет иметь заказчика и финансироваться из некоторого внешнего источника. С точки зрения теории проектного управления, такой проект будет обладать четко обозначенными сроками начала и завершения, конкретным техническим заданием (а значит, характеристики конечного продукта исследования известны) и заранее заданным ограниченным бюджетом. Таким образом, управление данным научным проектом фактически сводится к управлению стандартным проектом в рамках теории управления проектами и, по сути, не требует особых методов и способов, отличных от предлагаемых классической теорией.

2-й этап. Определение категорий проектов в портфелях, основанных на критериях, неизменных для всей организации.

Для определения категорий проектов в портфелях обратимся к разработанной классификации научных проектов для выбора критериев, которым смогут соответствовать все проекты в организации. В качестве двух критериев были выбраны длительность выполнения и риск. Под длительностью проекта понимается срок реализации (проекты от 1 до 3 лет считаются краткосрочными, от 3 до 5 лет – среднесрочными, от 5 до 10 лет – долгосрочными); критерий риска подразумевает, что проект будет не завершен либо результаты не будут соответствовать первоначально запланированным. Определять длительность проекта и степень риска недостижения предполагаемых результатов рекомендуется при помощи метода экспертной оценки.

3-й этап. Идентификация и распределение всех текущих и предлагаемых проектов по категориям.

В результате выделения двух критериев (длительность и риск проекта) представим получившийся результат в виде матрицы (рис. 2). По оси абсцисс

Длительность	10 лет	IV. Стандартные научные проекты	III. Фундаментальные научные проекты
	5 лет	I. Курсовые и квалификационные работы	II. Стандартные научные проекты
	1 год		
		Низкий	Высокий
		Риск	

обозначается длительность проекта, по оси ординат – степень риска. В итоге становится возможным разделить проекты на 4 группы, каждой из которых соответствует собственная методика управления.

Первому квадранту (низкий риск и корот-

Рис. 2. Распределение проектов по категориям

кая длительность) соответствует тип работ, условно названных «Курсовые и квалификационные работы». Управление такими проектами не представляет особой сложности. Зачастую они не будут являться приоритетными в портфелях, однако будут способствовать достижению результатов портфеля проектов в направлении участия молодых научных сотрудников в семинарах и конференциях, а также возможных публикациях.

Второй и четвертый квадранты имеют условное название «Стандартные научные проекты». Отнесем к ним научные исследования, которые планируются на длительный срок, однако имеют невысокий риск недостижения поставленных целей или, напротив, проекты, реализация которых должна быть осуществлена за короткий промежуток времени, но при этом имеет высокую степень риска. Именно на эти проекты необходимо обратить первоочередное внимание при управлении портфелем научных проектов.

Третий квадрант имеет название «Фундаментальные научные проекты». Такие исследования могут являться высокотехнологичными научными разработками, выполнение которых займет длительное время, при этом риски проекта велики. Управление такими проектами необходимо, однако должно отличаться от управления проектами категории II и IV. В частности, рекомендуется установить более редкие сроки отчетности.

4-й этап. Определение степени важности проектов в портфелях.

Данный этап подразумевает расстановку приоритетов проектов в портфеле. Цель данного этапа – определение наиболее значимых проектов, на реализацию которых будет выделено больше ресурсов, чем на выполнение других научных проектов. Для этого предлагаем воспользоваться методом попарных сравнений – это процедура установления локальных приоритетов на любом уровне иерархии. В частности, предлагается использовать методику Т. Саати (1991), основанную на шкале измерения, названной «Фундаментальная шкала предпочтений». Оценки по данной шкале выставляются от 1 до 9, где 1 – равная предпочтительность, 2 – слабая степень предпочтения, ... 9 – абсолютное предпочтение одного проекта перед другим. Трудности реализации метода в данном случае заключаются в сложности создания объективных четких критериев сравнения проектов между собой. Основным преимуществом является простота применения, а также наглядность и точность результатов.

Приведем пример из 5 критериев, на основании которых можно сделать вывод о предпочтительности одного проекта перед другим: научная новизна; возможность разработки учебного курса на основе данного исследования; возможность сотрудничества с зарубежными специалистами в рамках темы исследования; перспективы публикации в реферируемом научном журнале; возможность представления результатов в виде доклада на международной научной конференции.

Безусловно, требуется более подробная разработка критериев оценки на данном этапе, однако это выходит за рамки темы настоящей работы и переходит в раздел разработки критериев оценки результативности научных проектов. Предложенные критерии могут быть рассмотрены в качестве базы для проведения оценки и приоритизации проектов.

5-й этап. Разработка главного расписания проектов портфеля.

Для разработки расписания проектов обратимся к матрице, в которой проекты в каждом портфеле были разделены на 4 категории. Для проектов в рамках каждой категории рекомендуется использовать особый метод разработки расписания.

Для проектов первой категории (курсовые и квалификационные работы) расписание устанавливается на основании календарного учебного плана работ, утвержденного Ученым советом, поэтому дополнительные корректировки не требуются. Отчетность по ходу реализации в первую очередь предоставляется научному руководителю квалификационной работы.

Проекты второго и четвертого квадрантов требуют установления расписания: в частности, необходимо учитывать временное и ресурсное распределение между сотрудниками. В качестве вех контроля отметим выступления на научных мероприятиях в вузе.

Оценка плана выполнения проектов третьего квадранта (фундаментальные проекты) требует вероятностного подхода ввиду высокой степени неопределенности таких проектов. Таким образом, расписание нужно составить в первую очередь для предоставления промежуточных результатов исследований на специальных дискуссионных семинарах в рамках научной работы вуза. Для хода выполнения таких проектов требуется специфичная форма отчетности.

На основании расписания по каждой категории проекта составляется главное расписание портфеля, выполнение которого отслеживается руководителем подразделения. Целесообразно для составления расписания по небольшому портфелю проектов пользоваться инструментами, предлагаемыми программой MS Project (в том числе диаграмма Ганта).

6-й этап. Формирование и ведение банка данных ключевых ресурсов.

К ключевым ресурсам портфеля отнесем финансовые (бюджет подразделения), человеческие (опыт и знания сотрудников вуза, которые ведут научные исследования) и информационные (доступ к базам данных, необходимость сбора данных – проведение опросов, экспериментов и т.д.). Отдельно не выделяется такой вид ресурсов, как временной, поскольку в практике научной работы зачастую рабочий день является ненормированным, и сотрудники продолжают исследовательскую работу после окончания рабочего дня.

Так как научные исследования зачастую не являются основной деятельностью вуза, для ведения банка данных и управления ресурсами достаточно будет воспользоваться набором сервисов программы MS Project.

7-й этап. Выделение доступных ресурсов в программы и проекты из портфелей.

Особенность данного этапа заключается в том, что человеческий ресурс, в сущности, выделяется самостоятельно – исследователи имеют возможность самостоятельно выбирать проект для реализации. Распределение финансовых и информационных ресурсов будет осуществляться в соответствии с результатами проведения приоритизации проектов по методу парных сравнений (см. этап 4). Пропорциональность выделения ресурсов рекомендуется на основании эвристического метода: опыта и знаний руководителя подразделения.

8-й этап. Сравнение объемов финансовых потребностей с доступными средствами.

Данный этап не предполагает особых отличий от классического, предложенного Р.Д. Арчибальдом. Необходимо всегда оценивать возможности достижения поставленных целей при имеющемся объеме финансовых ресурсов и планировать возможные рискованные ситуации, когда ресурсов может оказаться недостаточно.

9-й этап. Принятие решений о том, каким способом нужно реагировать на недостаток денег или дефицит других ключевых ресурсов и чем руководствоваться при утверждении списка финансируемых проектов и приоритетов.

Основным источником финансирования научной деятельности вуза являются субсидии из федерального бюджета, средства от приносящей доход деятельности, добровольные взносы физических или юридических лиц и иные источники. В качестве дополнительных средств на реализацию проектов в рамках вуза можно рассматривать получение грантов или именных стипендий на исследования.

10-й этап. Планирование, утверждение и управление каждым проектом с использованием процессов управления проектами организации, а также вспомогательных систем и инструментов в каждой категории проектов.

Несмотря на то, что мы пришли к мнению, что научное исследование является проектом, а значит, к нему применимы методы и инструменты проектного управления, нельзя забывать о специфике такого вида проектов. Научные исследования являются творческим процессом, контроль над которым может привести к обратным от желаемых результатам. Таким образом, не рекомендуется вмешиваться в деятельность исследователей помимо утвержденных точек контроля и сдачи отчетности о ходе выполнения проекта, а также проведения специальных мероприятий: семинаров, круглых столов и т.д.

11-й этап. Регулярный пересмотр приоритетов, перераспределение ресурсов, календарное перепланирование всех программ и проектов в портфелях.

Рекомендуем повторять этапы 1-10 каждые полгода для того, чтобы обладать достаточно актуальной информацией о состоянии выполнения портфеля проектов различных категорий. Более частые пересмотры не рекомендуются, чтобы не создавать нервную или недружественную атмосферу в исследовательском коллективе, которая, безусловно, негативно повлияет на результаты работы. Более редкий интервал проведения пересмотра приоритетов и т.д. также не считается целесообразным, поскольку не приведет к желаемым результатам, достижению цели проведения такого анализа.

Таким образом, в данной статье рассмотрен процесс управления портфелем научных проектов в вузе. Процесс является адаптированным и содержит 11 этапов, базовый вариант представлен в работах Р. Д. Арчибальда и включает 12 шагов. В разработанном авторами процессе управления портфелем были учтены ключевые особенности научных проектов, которые обусловили наличие специфики с управленческой точки зрения. Разработанный процесс управления может быть взят за основу и применен в вузе для управления портфелями научных проектов. Предполагаемый результат внедрения данного

процесса – достижение высокого качества результатов научных исследований, или научных проектов, которое будет соответствовать требованиям, предъявляемым стратегией организации.

Список литературы

1. *Арчибальд Р.* Управление высокотехнологичными программами и проектами / пер. с англ. Е.В. Мамонтова; под ред. А.Д. Баженова, А.О. Арефьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Компания АйТи; ДМК Пресс, 2004. 472 с.
2. *Галушкина М., Княгинин В.* Массовое, гибкое и интернациональное // Эксперт. 2005. № 43 (489). С.108–119.
3. *Гергерт Д.В., Левыкина К.А.* Стратегическое и проектное управление: концептуальная модель интеграции // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 6. С. 69–75.
4. *Говорков А.С.* Особенности научного проекта в вузе [Электронный ресурс] // Материалы 3-й Всерос. конф. «Винеровские чтения». Иркутск, Изд-во ИрГТУ, 2009. URL: [http://berestneva.am.tpu.ru/Papers/KONF2009/%f7%с9%се%с5%d2%cf%d7%d3%cb%с9%с5%20%de%d4%с5%се%с9%d1/2009%20\(F\)/fscommand/pdf/018.pdf](http://berestneva.am.tpu.ru/Papers/KONF2009/%f7%с9%се%с5%d2%cf%d7%d3%cb%с9%с5%20%de%d4%с5%се%с9%d1/2009%20(F)/fscommand/pdf/018.pdf) (дата обращения: 08.09.2014).
5. *Грудзинский А.О.* Концепция проектно-ориентированного университета // Унив. управление: практика и анализ. 2003. № 3 (26). С. 24–37.
6. *Ефимов В.С., Лантева А.В.* Высшее образование в России: контуры будущего // Унив. управление: практика и анализ. 2010. № 4 (68). С. 6–17.
7. *Информационный менеджмент* / под ред. проф. Н.М. Абдикеева. М.: ИНФРА-М, 2010. 400 с.
8. *Новиков Д.А.* Управление проектами: организационные механизмы. М.: ПМСОФТ, 2007. 140 с.
9. *Новиков Д.А., Суханов А.Л.* Модели и механизмы управления научными проектами в вузах. М.: Ин-т управления образованием РАО, 2005. 80 с.
10. *Рождественский А.В., Симонов В.Б.* Маркетинговая концепция управления инновационной деятельностью вуза // Менеджмент инноваций. 2008. № 2. С. 128–135.
11. *EFA Global Monitoring Report* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/themes/leading-the-international-agenda/efareport/reports/> (дата обращения: 08.09.2014).
12. *Higher Education to 2030 (vol. 2 Globalisation)* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/edu/cei/highereducationto2030volume2globalisation.html> (дата обращения: 08.09.2014).

Получено 24.12.2014

References

1. Archibald, R. (2004), *Upravlenie vysokotehnologichnymi programmami i proektami* [Managing high-technology programs and projects], Translated by Mamontov, E.V., in Bazhenov, A.D. and Arefeva, A.O. (ed.), 3rd ed., Company IT, DMK Press, Moscow, Russia, 472 p.

providing additional value for them, they make a shift from educational processes optimization to providing broader opportunities for conducting academic researches for both students and teachers. In this situation project management methodology becomes one of the key points in organizing the research process. The article represents methodological aspects for academic research project portfolio management in HEI to increase the research results through interactions, staff coordination and special project portfolio methods deployment. Since the methodological aspects of the project management topic are well researched yet, such aspects as project portfolio management expertise and area application specifics become of critical interest.

Key words: project portfolio management; academic research projects; university management

**ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
(ПАМЯТИ ЮРИЯ КАЛМАНОВИЧА ПЕРСКОГО)**

ПОРТРЕТ И ГОДЫ ЖИЗНИ

Реакция научного журнала «Ars Administrandi» с глубоким прискорбием сообщает о том, что 6 марта 2015 года ушел из жизни член редакционной коллегии – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор Юрий Калманович Перский.

Свой творческий путь Юрий Калманович начал со студенческой скамьи, выбрав специальность «Экономика и организация машиностроительной промышленности» Уральского политехнического института и став учеником профессора кафедры экономики и организации предприятий машиностроения В.И. Ганштака, основавшего школу ученых, работающих в области анализа машиностроительного производства и себестоимости продукции.

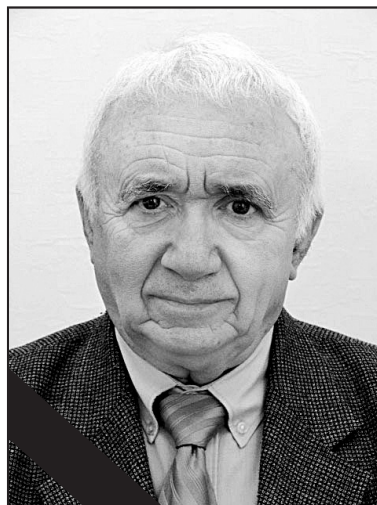
После окончания вуза шесть с половиной лет он проработал на заводе Калинина в г. Перми, где прошел все должности от экономиста до руководителя группы в плановом отделе. С 1963 по 1965 год Юрий Калманович занимал должность старшего экономиста в отделе цен и себестоимости, а также в отделе оборонной промышленности Западно-Уральского Совнархоза, что дало ему большой практический опыт работы с ведущими предприятиями машиностроительной и химической промышленности Пермской области и Удмуртии.

Свой путь исследователя Юрий Калманович продолжил в аспирантуре Московского инженерно-экономического института, где он принимал активное участие в работе научной школы эффективности. В 1968 году Юрий Калманович защитил кандидатскую диссертацию под научным руководством профессора В.С. Бялковской.

С 1963 по 1993 год Юрий Калманович работал в Пермском политехническом институте, в котором прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой экономики и организации промышленного производства.

Свою докторскую диссертацию на тему «Организационно-экономический механизм эффективного инструментального обслуживания» Юрий Калманович защитил в Ленинградском политехническом университете в 1987 году.

С 1993 по 2010 год Юрий Калманович продолжил свою научную деятельность в Пермском государственном университете (ныне Пермском государ-

29.12.1936–06.03.2015

ственном национальном исследовательском университете) в должности заведующего кафедрой экономической теории и мировой экономики. Здесь им была положена основа новому научному направлению исследования в экономике – «мезоэкономическому анализу», носящему как фундаментальный, так и прикладной характер.

С 2010 по 2015 год Юрий Калманович продолжил научные исследования в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, где основал школу по теории анализа экономики как многоуровневой (иерархической) системы, а также школу по управлению инновациями.

И в том, и в другом вузе Юрий Калманович руководил работой диссертационного совета по специальности «Экономика и управление народным хозяйством», подготовил более 40 кандидатов и докторов наук. Он неоднократно принимал участие в международных симпозиумах и семинарах в Германии, Франции, Англии, США, Нидерландах, Португалии и Польше. Им опубликованы более 400 научных трудов, в том числе 14 монографий.

С момента создания научного журнала «Ars Administrandi» Юрий Калманович – бессменный член редколлегии журнала. Его профессиональный подход к делу, принципиальность в работе сделали наш журнал серьезной научной площадкой по проблемам экономики и управления современной России.

Юрий Калманович вел активную общественную деятельность. Он руководил секцией экономики и организации производства областного Совета НТО Машпром, возглавлял областной комитет содействия народным университетам, был членом учебно-методического совета Минвуза СССР, членом научно-методического совета Пермского областного отдела общества знания, внештатным лектором Пермского областного комитета КПСС.

Юрий Калманович неоднократно был удостоен государственных наград. В 1988 году ему вручена медаль «Ветеран труда», в 2000 году он был удостоен почетного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2006 году Юрию Калмановичу вручена Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации, а в 2011 году – благодарственное письмо губернатора Пермского края за многочисленные заслуги в развитии высшего образования региона.

Основные результаты многолетнего труда доктора экономических наук, профессора Ю.К. Перского нашли свое выражение в следующих монографиях и препринтах:

1. Перский Ю.К., Сапиро Е.С., Югова Н.Б. Экономия затрат при инструментальном обслуживании. М.: Машиностроение, 1987. 85 с.
2. Перский Ю.К., Костарева Л.В. Предприятие и макроэкономическая среда (начала мезоэкономики). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 103 с.
3. Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты / под ред. Ю.К. Перского, Н.Я. Калюжновой. М.: ТЕИС, 2003. 472 с.
4. Перский Ю.К., Бахматов А.В. Торгово-посредническая сфера экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 140 с.
5. Перский Ю.К., Толстоброва Н.А. Система управления закупками на промышленном предприятии: препринт. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2004. 70 с.

6. Перский Ю.К., Жуланов Е.Е. Конкурентная среда регионального отраслевого рынка: методы и модели. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2005. 306 с.
7. Перский Ю.К., Дмитриев Д.В. Управление асимметрией информации на товарном рынке промышленной продукции. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. 105 с.
8. Перский Ю.К., Катаева Ю.В. Локальные рынки жилищного строительства: вектор конкурентного развития. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2010. 168 с.
9. Перский Ю.К., Тупицына М.Н. Институциональная структура кредитного рынка. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 119 с.
10. Иерархический анализ социально-экономических систем: подходы, модели, приложения: коллективная монография: в 2 ч. / под ред. Ю.К. Перского. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011.
11. Перский Ю.К., Дубровская Ю.В. Институты местного самоуправления как фактор гармонизации интересов субъектов экономики. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 199 с.
12. Перский Ю.К., Шульц Д.Н. Основания иерархического анализа экономических систем: учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 403 с.

CONTENTS

I. THEORIES OF POLITICS, ECONOMICS AND MANAGEMENT	
Animitsa E.G., Denisova O.Yu. From Productive Forces Placement to Regional Economy	5
II. FEDERAL POLICY AND GOVERNMENT	
Yakimova M.N. Opportunities and Limitations of Project-Based Approach in the Context of New Public Management Implementation.	16
III. ISSUES IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT	
Kovaleva T.Yu., Baleevskikh V.G. Modelling of Educational Clusters to Define the Directions of the State Regional Development Policy (the case of Perm Krai)	28
Soldatova A.S., Shirmanov E.V. National, Ethnic and Regional Identities of Inhabitants of Mordovia (Based on Applied Research)	51
IV. LOCAL SELF-GOVERNMENT AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES	
Ganin O.B., Ganin I.O. Economic Security of Municipal Government: Genesis, Its Nature and Content	61
Mukhametov R.S. The Role of the Party «United Russia» in the Consolidation of Elites at the Municipal Level	85
Lyadova A.A., Merkushev S.A. Musical Cultural Innovation as an Innovation of Municipal Districts' Functional Transformation.	95
V. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS	
Irhin Yu.V. Management and Projective Potential of the Megatrends of China Social Development and Its Significance for Russia	113

Khugaeva M.O. Burning Issues of Inter-budgetary Relations in a Federal State: the Experience of Germany and Russia	126
VI. DEPARTEMENT	
Gergert D.V., Aizenshtat O.M. Methodological Aspects for Academic Research Project Portfolio Management at a University	132
FROM EDITORIAL BOARD (dedicated to the memory of Yury Kalmanovich Persky)	147
RULES FOR AUTHORS	152

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Общие условия опубликования

Автор предоставляет Издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи в составе публикаций журнала, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Авторское вознаграждение за предоставление автором Издателю указанных выше прав не выплачивается.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Издателя на использование журнала в целом.

Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также лицензионный договор на право использования научного произведения в научном журнале «Ars Administrandi», направляемый автором (соавторами) в адрес редакции после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.

Редакция включает полнотекстовые варианты статей, а также фамилию, инициалы, ученую степень и звание, должность, место работы, электронный адрес автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова статьи в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), размещает их на сайте журнала: <http://www.ars-administrandi.com>.

Гонорар за публикации не выплачивается. Плата за публикацию рукописей не взимается. Авторский экземпляр высылается автору (соавторам) по указанному им (ими) адресу.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Обязательные требования к оформлению рукописей¹

1. Для публикации в журнале принимается статья объемом до 1 п.л. (40 000 знаков) в печатном или электронном варианте, оформленная согласно требованиям редакционной коллегии.

2. Основной текст статьи может быть написан на русском и английском языках.

3. Статьи представляются в электронном виде в форматах *.doc, *.docx, *.rtf. Размер листа – А4. Ориентация – книжная. Поля – 2 см. Шрифт только Times New Roman (необходимость использования другого шрифта специально оговаривается в письме, нужный шрифт прилагается). Кегль – 12. Междустрочный интервал – одинарный. Все таблицы и рисунки приводятся в черно-белом исполнении в основном тексте статьи; таблицы – редактируемые, табличные рамки не должны выделяться жирной чертой. Переносы в статье не ставятся.

4. В начале статьи должен быть указан автор (соавторы), а также его (их) ученые степень и звание, место работы, должность, почтовый и электронный адрес.

5. Название статьи, информация об авторе / авторах, аннотация и ключевые слова обязательно должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

6. В аннотации должна быть отражена следующая информация: введение, основная идея и цель, методы и подходы, новизна, полученные результаты исследования, выводы. Размер аннотации – 1000–1500 печатных знаков. Количество ключевых слов (словосочетаний) – от 5 до 15.

7. В конце статьи помещается список литературы, который оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 без использования тире с указанием после каждого источника номеров страниц статьи или общего количества страниц книги и приводится в алфавитном порядке. Имена авторов (до трех) не повторяются в сведениях об ответственности.

На все приведенные в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

8. Список литературы, составленный в соответствии с российским ГОСТом, должен быть продублирован на латинице под заголовком References по стандарту «Harvard».

Инструкцию по оформлению References, а также стандарт «Harvard» можно найти на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

9. К каждой статье должны быть приложены Сведения об авторе. В данном документе должно быть отражено следующее: фамилия, имя, отчество; место работы (полное название вуза, кафедры); должность; ученая степень, ученое звание; почтовый адрес, по которому следует выслать авторский экземпляр; номер контактного телефона; адрес электронной почты. Образец сведений об авторе можно скачать на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

¹ Указанные требования содержатся: ГОСТ Р 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления; ГОСТ Р 7.0.7-2009 Статьи в журналах и сборниках; Регламент включения научных журналов в Российский индекс научного цитирования. М., 2008.

10. Статьи рецензируются по системе двойного слепого рецензирования. При отклонении статьи из-за несоответствия тематике, нарушения сроков или требований оформления и при наличии отрицательной рецензии рукописи не публикуются и не возвращаются.

Подробные правила оформления рукописей помещены в файле «Форма», с которым можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 2-396-830. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Научный журнал
ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)
2015. № 1

Редактор *Л.В. Хлебникова*
Корректор *А.С. Ивонин*
Компьютерная верстка *И.Р. Березина, Н.С. Кнутовой*

Подписано в печать 16.03.2015. Формат 70х100 1/16.
Усл. печ. л.12.7. Тираж 500 экз. Заказ № 8482.

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 2396830
ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛЪ»
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 50
тел. (342) 206-06-86